ПИОНЕР 10 1988

ISSN 0130—8009

И. Усыскин и его экипаж поднялись на 22 000 метров, заплатив за мировой рекорд собственными жизнями. Шел 1934 год...

Р.К.С.М.

осавиахим·1

22000 м

1934 год

Партия видит активную и инициативную силу перестройки в молодежи. Конференция считает необходимым иметь сильную, целостную государственную политику в отношении подрастающего поколения, создающую условия, которые позволяли бы молодежи как можно раньше обретать самостоятельность, максимально раскрывать свои способности и реализовывать свои жизненные цели, быть лучше подготовленной к тому, чтобы своевременно принимать на себя экономическую, политическую и моральную ответственность за судьбу страны, за судьбу социализма.

Конференция выступает за полное восстановление ленинских традиций партийного руководства комсомолом, соблюдение его организационной самостоятельности, права участвовать в политической деятельности и выработке политики, отстаивать интересы молодежи в партийных, советских и хозяйственных органах. Особую ответственность перед всем обществом комсомол несет за свою работу в пионерском движении — этой первоначальной школе гражданственности и нравственности.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС «О ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС И ЗАДАЧАХ ПО УГЛУБЛЕНИЮ ПЕРЕСТРОЙКИ».

БЫТЬ РЕАЛИСТОМ

Любимый афоризм Карла Маркса, как известно: «Подвергай все сомнению!» Эта способность родоначальника научного коммунизма подвергать все сомнению преподносилась как нечто удивительное. Но нам самим сомневаться не полагалось. А если кто-нибудь все же начинал, его тотчас одергивали: «Не смей! Не твоего ума дело!»

Однако думать человеку нельзя запретить никакими запретами. И время аксиом кончилось. Началось время теорем. На апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС, на XXVII съезде, совсем недавно — на XIX Всесоюзной конференции партия поставила перед собой и народом множество острейших вопросов и предложила совместно искать на них ответы.

Сейчас мы все в пути. В нелегком и радостном пути познания. Познания самих себя, своего прошлого, настоящего и будущего.

И потому мы совсем не удивились, когда получили письмо из Воронежа, автор которого не назвал своего имени: «Раньше мы всюду читали, что у нас все хорошо. Конечно, кое-какие недостатки встречались, но в основном все было нормально и правильно. А теперь, оказывается, что все это не так. Оказывается, все у нас плохо. И коллективизацию с индустриализацией провели плохо, и людей очень много в тюрьмах погибло, и жили мы все семьдесят лет Советской власти совсем неправильно. Зачем такая критика? Вы что же, хотите, чтобы мы вообще ни во что не верили? И потом, разве от вашей критики жить лучше становится? Нет, только хуже».

Скажем сразу: мы не согласны с автором письма. Но ведь мы сами только что говорили: каждый имеет право на сомнение. И уж если наш читатель поделился своими сомнениями с нами, не стоит отмахиваться. Стоит разобраться.

Кто же нам поможет сделать это? В редакции все подумали об одном человеке. О человеке, знающем цену критике, умеющем ставить вопросы и искать на них ответы. Это Виталий Алексеевич КОРОТИЧ, писатель, главный редактор журнала «Огонек», делегат XIX партийной конференции.

— МЫ действительно сейчас много критикуем. В народе как прорвалось. Наболело. Но если уважаемый автор письма внимательно вчитается в сегодняшние критические статьи, он увидит, что в них не просто критика. В них — правда. А разве можно сердиться или обижаться на правду? Ее и запрещать, как выясняется, нельзя. Она есть. И ничего с ней поделать невозможно.

Давайте вспомним. Разве мы не видели, что происходит в нашей стране на самом деле? И разве не критиковали? Критиковали. Только шепотом. На кухне. А сколько критики ушло у нас в анекдоты? Ведь они сочинялись даже о высших руководителях. Почему? Да потому что по-человечески мы о них высказаться не могли. Недавно, в разговоре с одним из нынешних руководителей страны, я сказал: «Для меня то, что про вас не сочиняют

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва, 1988

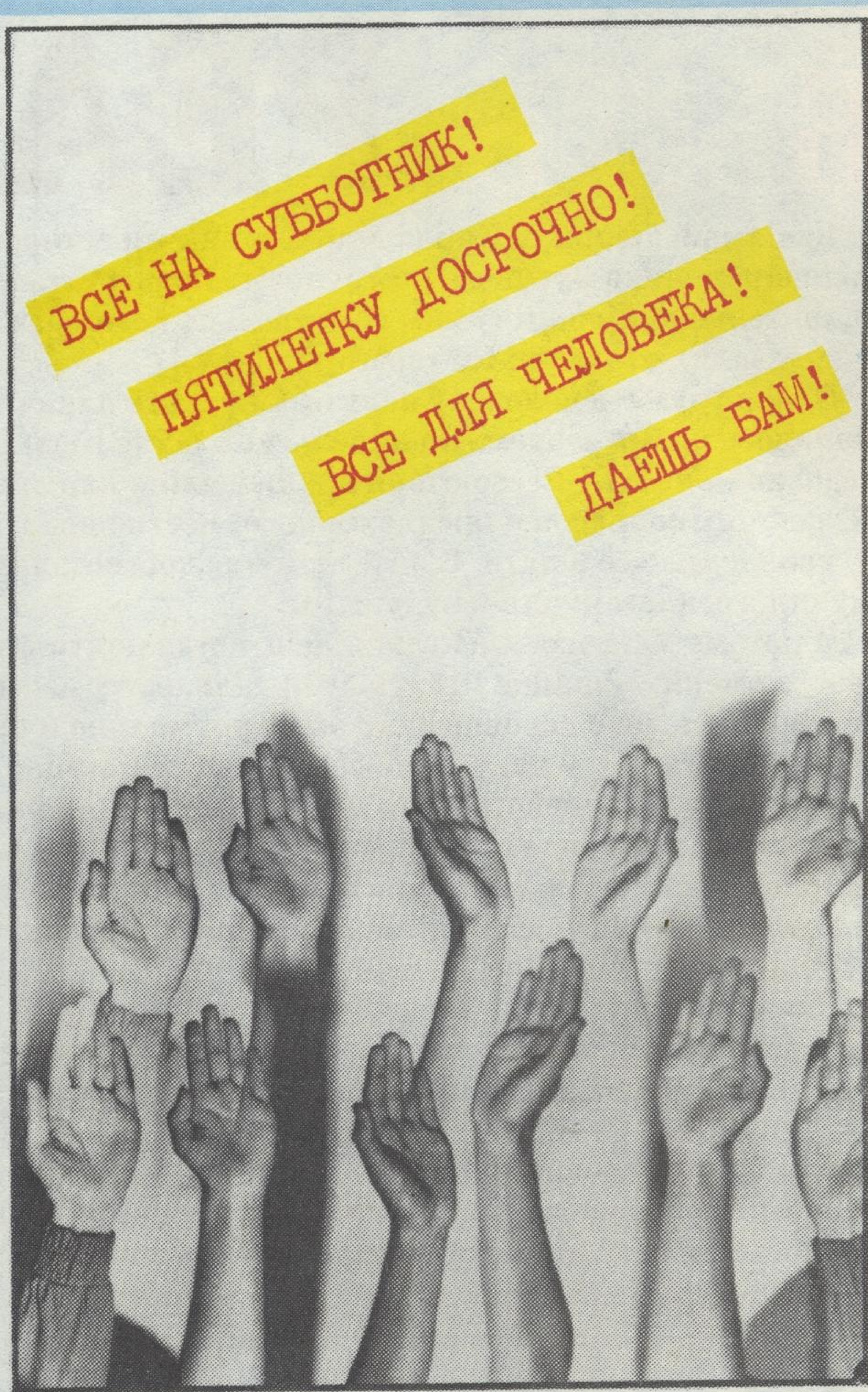
● Издательство «Правда»

анекдотов,— один из главных признаков нормального социального климата в обществе. О Брежневе можно было бы целую книгу анекдотов издать».

То есть мы смогли теперь заговорить в полный голос. Острейшие вопросы вынесены на страницы газет и журналов. Неужели это плохо? Мне кажется, по-другому и быть не должно. Однако автор письма, возможно, моему мнению не доверяет. Я все же лицо заинтересованное: редактирую журнал, где публикуется достаточно много критических материалов. Тогда пусть прочтет слова человека, которого, я надеюсь, он уважает:

«Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать поражение... Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей действительности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов».

Вот для чего нам нужны правда и критика, если она, конечно, честная критика,— чтобы идти вперед. Точнее не скажешь. И сказал это Владимир Ильич Ленин.

Теперь о втором вопросе, прозвучавшем в письме. Хотим ли мы, чтобы вы, наши юные современники, вообще ни во что не верили?

Не первый раз сталкиваюсь с такой позицией. И к нам, в журнал «Огонек», приходят письма, где нас обвиняют в том, что, говоря правду об ошибках при индустриализации и коллективизации, о массовых репрессиях, мы, мол, разрушаем идеалы. Однако, идя по этой логике, можно прийти к тому, что для утверждения идеалов надо вновь начать репрессии. Я думаю, рассказывая честно о том времени, мы ни в коем случае не умаляем подвигов Валерия Чкалова, перелетевшего через Северный полюс в Америку, Паши Ангелиной, вспахавшей неимоверное количество гектаров, Алексея Стаханова, добывшего многие тонны угля для страны, других известных и неизвестных тружеников... Мы просто подчеркиваем, насколько трудны были условия, в которых все их успехи были достигнуты, и какая вера, какая сила жила в людях, совершивших эти подвиги в таких невероятных, тяжелейших условиях!

Интересно, что об идеалах социализма волновался недавно в разговоре со мной и один американский журналист. «А не рухнут ли идеи социализма оттого, что вы сейчас говорите о нем столько негативного?» — спрашивал он. «Наоборот,— ответил я,— очистившись от всего наносного, разобравшись в своих ошибках и просчетах, мы станем жить хорошо и свободно. Мы ведь в своей жизни разобраться хотим. Идеи социализма возвысятся, укрепятся, станут более притягательными. И тогда вам защищать ваш капитализм станет много труднее».

И ведь действительно сейчас в большинстве европейских стран растут ряды и авторитет компартий, левых движений, увеличиваются их роль и влияние в обществе. Это бесспорно связано с тем, что социализм в Советском Союзе постепенно сбрасывает сталинскую угрюмую маску и открывает свое истинное лицо — человеческое, умное, доброе... Так что наша перестройка не только наше внутреннее дело. Она и на судьбу человечества влияет.

Недавно я был в одной маленькой стране. На острове Кипр. Там, как вы знаете, положение отнюдь не простое. И вот прямо перед моим приездом на Кипре прошли президентские выборы. Президентом стал Георгиос Василиос. Свое правление он начал с того, что вынес и сжег прямо перед зданием правительства папки с досье на «политически неблагонадежных». Я спросил его: «А какова ваша программа? Что вы собираетесь сделать у себя в стране?» Он ответил: «Перестройку!» По-русски ответил. Потому что слово это вошло во все языки мира без перевода. Именно так — перестройка!

Вновь возвращаясь ко второму вопросу читателя или читательницы (письмо-то ведь не подписано), хочу сказать: мы хотим, чтобы вы верили. Как верили Валерий Чкалов, Паша Ангелина, Алексей Стаханов. Как верило и верит наше поколение. Но верили не лжи, а правде. Знали ее. И не боялись ее.

Письмо, пришедшее в «Пионер», письма, приходящие в «Огонек», показывают, что многие у нас все еще правды боятся. И на это, конечно, существуют и объективные исторические причины.

Владимир Ильич Ленин сам был личностью. И был окружен личностями. Самыми разными: Каменев, Бухарин, Пятаков, Троцкий, Сталин... Ленин с ними ссорился, спорил с ними до хрипоты на заседаниях Политбюро, соглашался с ними и не соглашался... В спорах рождалась истина.

Рождался ленинский путь развития нашей страны. Ленин брал курс на развитие свободной личности человека, на его инициативность. Он верил, что только раскрепощенный и свободный человек может построить социализм. Широко вводился нэп, на смену продразверстке пришел продналог, шла интереснейшая работа с интеллигенцией, все школы и направления в искусстве имели право на существование... И вот Ленин умер.

В 1929 году Сталин начал СВОЮ перестройку. Личностью он считал уже только себя. За другими это право не признавал. Ему не нужны были споры, в которых рождается истина. И сама истина не нужна была тоже. Постепенно все, имевшие смелость не соглашаться с ним, были расстреляны. Затем были расстреляны и те, кто соглашался, но по каким-то причинам его не устраивал. Вслед за этим пришла очередь армии, которую он боялся как реальную силу. Потом можно было вырвать из общественной жизни вообще любого по любому, самому бессмысленному доносу...

Эти методы привели нас к тому, что, создав действительно сильное государство, мы заплатили за это изнуряющую, непомерную цену. Разоренное сельское хозяйство, задерганная административно-командными методами промышленность... А с трибун — победные реляции...

Конечно, для этой сталинской системы правления правда была опасна. Зато очень популярны стали обещания. Каждый из руководителей легко обещал, что завтра жизнь станет лучше. А жизнь становилась тяжелее. И мы потеряли веру в государственные обещания. Потеряли потому, что видели, как говорили одно, а делали другое, как иные начальники даже воровали, но были безнаказанны перед лицом ослабевшего закона...

И тут опять позволю себе привести слова Ленина: «Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это — самый главный источник нашего бюрократизма».

Как видите, еще Владимир Ильич предупреждал, куда может завести нас ложь. И она завела. Сталин уничтожал людей физически, созданная им система управления выжигала людей изнутри, подрывая веру в великие идеи революции. И не надо думать, что система эта отмерла. Свидетельство тому — письмо читателя «Пионера», явно не жившего при Сталине, но совершенно по-сталински уверенного, что правда нам вредна и опасна.

Только абсолютно не веря в социализм, можно считать, что правда ему повредит. И если кто-то когда-то и не верил в него, то первыми не поверили наши бюрократы. Не печатать Ахматову, Цветаеву, Пастернака, Платонова, Булгакова, ссылаясь на то, что их стихи и проза могут принести вред или даже разрушить социализм, можно только при полном неверии в возможности этого самого социализма.

Поэтому мы сейчас и говорим, что не надо бояться правды. Поэтому мы сейчас так много и обращаемся к недавней истории своей страны. Только честное знание своего прошлого может вывести нас к честному будущему.

Есть в письме, послужившем причиной этого разговора, и еще один очень важный вопрос. Мол, разве стало лучше жить от нашей критики?

Важный вопрос. Конечно, нам не нужна критика ради критики. Нам нужна критика ради правды. Но наряду с большим количеством правды у народа должно быть и большое количество колбасы. Ведь наша правда для того и нужна, чтобы народ жил лучше.

Однако представьте себе такую ситуацию. Двоечник вдруг решил стать отличником. Сможет ли он стать им на следующий день? Или хотя бы через неделю? Сомневаюсь. Слишком многое придется дотягивать, подтягивать, изучать... А тут выходить «в отличники» должна целая страна.

Честно анализируя, мы только сейчас начинаем понимать, до какой глубины экономической пропасти докатились. Теперь, совместно раздумывая, мы начинаем искать на стенке зацепы и выкарабкиваться. И то, что сегодня никто из руководителей не обещает нам привычно и бодро завтрашнего изобилия, вызывает у меня как раз большое доверие. Перед нами ставят конкретные задания и говорят: три-четыре года, раньше ничего не будет, но работать придется много, просто архимного, и лишь тогда...

И я понимаю, что для страны, где все еще пять-шесть тружеников кормят одного начальника, где все еще пошевеливается сталинская административная система, где лишь начали приходить к тому, что человек, не управляемый палкой, может быть счастлив и может строить хорошую жизнь,— это реальные сроки и реальные задачи.

А нам сегодня надо быть реалистами. Тем более тем, кто будет жить и продолжать дело социализма уже в таком недалеком XXI веке.

Записал Николай ЛАММ.

Вик тор ина

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ МОЖЕМ ОПОЗДАТЬ

(к итогам викторины-поиска «Нас водила молодость»)

Все сошлось!

Юбилей! Комсомолу семьдесят лет!

И вы пишете его историю!

Причем историю не академическую со скрупулезным перечнем фактов, дат и последующими строгими выводами. А историю живую, человеческую — книгу судеб комсомола.

Мы говорим: «За деревьями не видишь леса». К сожалению, чаще случается обратное. Описывая лес, не видим деревьев.

Конечно, комсомол — это Метрострой и Кузбасс, Магнитка и Великая Отечественная, Оскольский электрометаллургический и целина...

Но комсомол — это еще и люди. Миллионы, десятки миллионов. Со своим характером и судьбой, с бедами и надеждами, радостями и страданиями... Знаменитые и неизвестные...

Это Вера Пикина, секретарь ЦК ВЛКСМ в предвоенные годы. 240 суток в одиночке сталинского застенка, пытки, истязания не сломили ее. Громкий «комсомольский процесс», который пытался устроить Берия, не состоялся.

Это Александр Суворов. Глухой, слепой и немой от рождения, он сумел окончить школу, университет. Сейчас занимается психологией, пишет стихи и помогает обрести себя своим маленьким собратьям, пораженным тем же недугом.

Это Лена Морозова, променявшая московское распределение и теплую родительскую квартиру на должность учителя начальной школы в маленькой деревушке Сенцы. Я помню, как она, маленькая и хрупкая, с трудом орудовала огромным колуном, чтобы восемь ее учеников не мерзли в продуваемой всеми ветрами школе-избушке.

Это Вилен Федоров, комсомольский вожак Одесского университета, не побоявшийся в 1949 году утвердить решение комсомольского собрания группы об исключении из комсомола дочери первого секретаря обкома партии. Хотя ох как многие требовали от него обратного.

Это Шаварш Карапетян, который, ни секунды не раздумывая, бросился в воду, чтобы спасти людей, тонущих в свалившемся с берега троллейбусе. И спасший многих!

Из маленьких кусочков смальты складывается огромное мозаичное панно. Из судеб миллионов людей складывалась и складывается судьба комсомола — романтическая и горькая, милосердная и героическая...

Когда жюри поручило мне разобрать ваши ответы, пришедшие на викторину «Нас водила молодость», я, честно скажу, обрадовался. Я ожидал праздника. Праздника встреч с новыми людьми! Передо мной лежали альбомы — от огромных, напоминающих гигантские книжки-раскладушки, до небольших, в виде комсомольского значка, от толстенных, с бархатными обложками, до тонюсеньких, самодельных. А еще были пакеты и пакетики, бандероли, посылки, письма и даже несколько магнитофонных кассет... 1018 ваших посланий!

И я начал читать. Увы, праздника не получилось.

«...Хочу рассказать о трех комсомолках: Елене С., Надежде Л. и Галине К. (Фамилии я не называю специально. И вы чуть позже поймете почему.— Н. В.) **Они учатся в 8-м классе, и учатся на «4» и «5». Девочки — примерные комсомолки, они душой болеют за комсомольскую работу, присутствуют на заседаниях совета дружины, вносят свои предложения. Елена С. является секретарем комсомольской организации школы. А как интересно они проводят с пионерами различные мероприятия!** (Тут мне бы хотелось увидеть не восклицательный знак, а знак вопроса. Потом прочитать на этот вопрос ответ. И уж коли я открыл скобки посредине чужого рассказа, то давайте сразу условимся: в скобках я буду сообщать свое мнение или свое недоумение при чтении ваших писем, и никаких инициалов ставить тогда больше не придется. А теперь вернемся к письму.) **Принимали участие во всех пионерских делах. Мне хочется, чтобы они оставались всегда такими,**

и их комсомольские годы пусть запомнятся на всю жизнь». (Понравились ли вам эти три комсомолки? Что интересного, запоминающегося вы о них узнали? И какими «такими» они должны оставаться? То-то и оно, что неясно. Поэтому я и не назвал их фамилий. Может, они и в самом деле замечательные, зачем же их обижать?)

«Эта девочка своими делами известна не только в школе. (Сразу заинтересовываюсь и с нетерпением читаю дальше, надеясь узнать про какие-то невероятные дела, но...) **Она настоящий лидер, комсомольский вожак. Провела массу интереснейших конкурсов, викторин** (каких???), **шефствует над пионерами. Она инициатор возрождения тимуровского движения, причем ребята все делают без ее указания и помощи взрослых. Она всегда помогает товарищам в спорте, веселая, общительная... Я хочу, чтобы она всегда оставалась такой же».** (Не хочется ли и вам вслед за мной вновь поинтересоваться: какой же?)

Вы думаете, что два вышеприведенных отрывка писал один и тот же человек? Ничего подобного! Разные. Даже из разных городов! И о людях, естественно, тоже разных. А как будто под копирку, не правда ли?

Ладно, подумал я, о сверс никах

...СВОЮ МОЛОДУЮ ЭНЕРГИЮ ОН ОТДАВАЛ ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ. ДАЖЕ СУРОВЫЙ...

действительно писать трудно: вся их биография на виду и что-то героическое в ней отыскать, наверное, пока невозможно. Большое, как известно, видится на расстоянии. Через много лет вы поймете, что и в вашем классе были натуры недюжинные, будете гордиться знакомством с ними и рассказывать о них не столь конспективно.

Но посмотрим, как вы пишете о тех, кого уж в отсутствии биографии никак нельзя обвинить,— о комсомольцах двадцатых, тридцатых, сороковых...

«Хочется рассказать о двух женщинах. Сейчас они на заслуженном отдыхе. Обе женщины с радостью вспоминают свои комсомольские годы. Они вспоминают свою молодость, рассказывают о комсомольской работе.

Нина Васильевна работала секретарем комсомольской организации нашего села. Она рассказывает:

— Работы было много и работали все с радостью. (Неужели это все, что рассказывает секретарь сельской комсомольской ячейки на рубеже двадцатых и тридцатых годов?)

Александра Степановна тоже любит об этом рассказывать. Она говорит, что свои комсомольские годы она будет помнить всегда и что они были самыми лучшими годами ее молодости. Пусть было трудно, но все работали, как могли. Не только на работу, но и на праздник выходили все комсомольцы». (Вы не находите, что уберите из рассказа о двух комсомолках двадцатых их возраст, и он станет вполне похож на рассказ о тех трех девочках, что учатся ныне в 8-м классе на «4» и «5», а также и на рассказ о той, кто возродила тимуровское движение? А ведь жизнь

другая. И время другое. Как же так?)

И вновь листаю (нет, не листаю, пытаюсь внимательно прочесть) ваши работы. Вот о войне.

«На плечи комсомольцев 30—40-х годов легла тяжелая ноша: им пришлось участвовать в ликвидации неграмотности, проводить коллективизацию в деревне, быть застрельщиками в индустриализации страны и организаторами социалистического соревнования в годы первых пятилеток, защищать свою Родину от вооруженных нападений японских империалистов, финских империалистов и немецко-фашистских захватчиков. (Все вроде правильно, но почему-то хочется к этому добавить: а Волга впадает в Каспийское море!)

Имярек (имя я опять же не называю. И вы, надеюсь, уже понимаете, из-за чего) **комсомолец сороковых годов. Поэтому он участвовал только в защите Родины от немецко-фашистских захватчиков сначала в составе войск Юго-Западного фронта, а затем — 2-го Украинского фронта. Он участвовал в оборонительных боях на реке Северный Донец, а потом в наступательных боях на той же реке, за форсирование которой 12.09.43 был награжден орденом Красная Звезда...»** (Вот так сухо, конспективно и... снова совершенно не интересно. И о чем? О войне! Вы что же, не читали о ней? Не слышали? Или все, что вы читали и слышали, было написано так бесцветно?)

И тут мне захотелось закричать: «Скучно! Нельзя так писать о людях. Ни о мертвых. Ни о живых». Если б я не знал, кто присылает альбомы в редакцию, я бы подумал, что все это писано не юными пионерами, а убеленными сединами инспекторами отдела кадров, привычно заключающими человеческую жизнь в нечеловеческую формулу: не был, не состоял, не участвовал.

А может быть, вам просто были неинтересны те люди, о которых вы писали? Тоже поверить трудно. Без знания своих корней, своей истории человек как дом без фундамента. А они, ветераны, и есть наши корни. Наша история. Каждое их воспоминание бесценно. И каждый из них неповторим. Со своими мыслями, чувствами, со своей болью и надеждой, со своим пониманием событий и осознанием собственного места в жизни, наконец!

А вы их всех под одну гребенку! Пустые, заштампованные слова! Напыщенные фразы...

Ведь можно же, можно по-другому!

«Не забуду никогда смерть одного своего хлопчика с Киева, который, уже раненный, отполз с моей помощью назад и полег костями под гусеницами тяжелого немецкого танка. Он не успел мне ничего сказать. Я услышал только слово «Сашка!», и я понял все. Я не забуду своего Вовку... которого пристрелил предатель, бывший кулак. За этого я долг отдал... пришил из автомата... зверя...»

Или еще:

«Заведующий начальной школой в селе Жабчинцы Ковамской был репрессирован только за то, что организовал в школе кружок юннатов. Дико, правда?

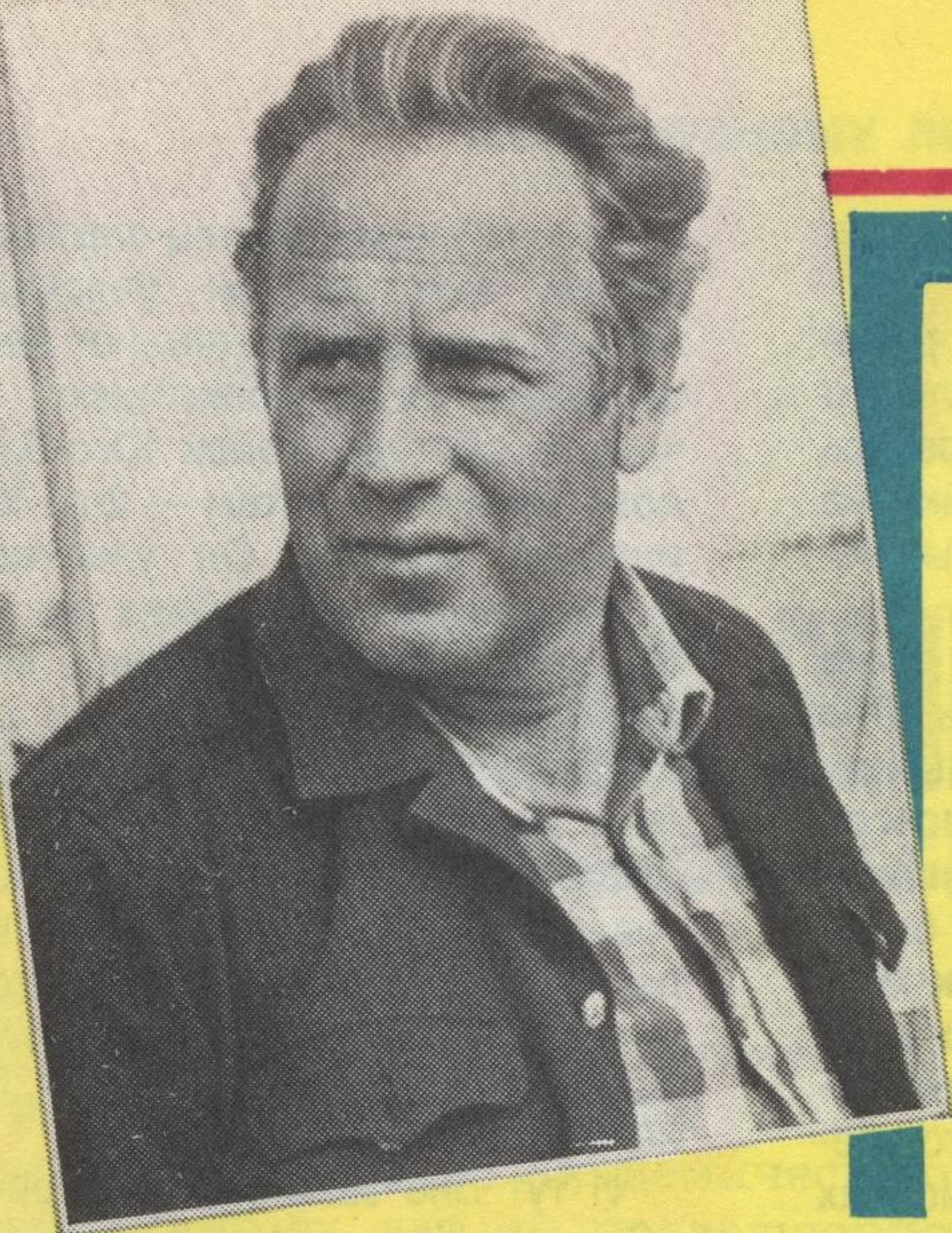
Или вот Христиновская железнодорожная школа: трое лучших учителей репрессированы. Когда отправляли одного из них, к теплушке пришел весь класс прово-

Окончание на 4-й обл.

Фотографии П. МОКРОУСОВА.

К 50-летию со дня рождения писателя В. П. Крапивина

ГДЕ НАЧИНАЮТСЯ ЗВЕЗДНЫЕ ДОРОГИ?

Передо мной лежат письма. Много писем. Но адресованы они не мне. Вот это — Сереже Каховскому. Это — пятикласснику Журке. Это — одиннадцатилетнему севастопольцу Саньке Сандалику. И я не могу эти письма вручить адресатам. Потому что адресатов на самом деле не существует. Все они — герои разных повестей Владислава Крапивина.

Но вот что говорил как-то сам писатель: «...все время, когда я писал «Мальчика со шпагой», рядом со мной были ребята, очень похожие на Сережу. Рядом со мной, вместе со мной рос и работал, шагал через поражения и радовался победам такой же, как «Эспада», пионерский отряд — отряд юных моряков, юнкоров и фехтовальщиков. Я точно знаю: не будь этих ребят — не было бы и книг «Всадники со станции «Роса» и «Мальчик со шпагой»...

Значит, они все-таки существуют? Конечно!

Однажды на рассвете киевлянин Толя Костюшко, ученик шестого класса, выглянув в окно, увидел на соседнем балконе растрепанного мальчишку — «в его нестриженых космах смешались оттенки апельсинов, томатного сока, терракоты и угасающих закатных облаков».

Толя сразу его узнал: да это же Фаддейка из повести Владислава Крапивина, что печаталась в прошлом году в «Пионере»! И тут же закричал ему: — Эй, Фаддейка! Я старинными монетами увлекся и историком решил стать после того, как прочитал повесть про тебя — «Оранжевый портрет с крапинками». И стал вести дневник. Про все в нем писал — и про то, что «Аэлиту» тоже не люблю, и такую, как Юля — добрую и веселую девчонку,— мечтаю встретить. Ведь тонкие ниточки-паутинки дружбы и понимания, что протягиваются между двумя людьми — уверен,— самое ценное в этой жизни.

А Фаддейка ему: — Радость бывает упругой и певучей, как тетива у лука. И ты, как стрела на этой тетиве, летишь туда, где тебя любят, где ты нужен...

В городе Саранске семиклассник Саша Анатольев в одном из дворов на улице Полежаева встретил... Славку Семибратова — героя повести «Трое с площади Карронад».

***Саша.** Знаешь, Славка, прочитал про твой «город у моря» и весь наш Саранск вдруг увидел иначе. И парк с мраморными скульптурами и деревянным шахматным павильоном. И фонтан, что бьет на десятки метров из середины реки. И Макарьевский погост со старинной церковью и полуразрушенной усадьбой над озером. И музей, где живут загадочные деревянные скульптуры мордовского Родена — Степана Дмитриевича Эрьзи.*

***Славка.** Бывает, что самое главное — рядом, но ты его не видишь. А хорошая книга будто повернет что-то в голове, и сразу взглянешь на все иными глазами. Но самое страшное — это не иметь друзей. Как было бы, например, хорошо, если бы каждый, кому очень плохо, срочно подавал морской сигнал «Новэмбэр Чарли» — «если не будет помощи, иду ко дну». И чтобы сразу находились люди, которые его спасали...*

Пятиклассница Вика Михайлович из Минска долго мечтала найти таких друзей, как Генка, Илька и Владик из повести «Та сторона, где ветер». Пока ей встретился один Илька.

***Вика.** Знаешь, Илька, я все за Яшку Воробьева расстраиваюсь, что сорвался с откоса в реку. Даже думала писать Владиславу Петровичу — может быть, можно его оживить?*

***Илька.** В книжке-то можно, а вот в жизни... А ведь честная книжка — ее за то и любишь, что там все взаправду — и слезы, и смерть, и чужая боль вдруг становится твоей.*

Семиклассник Шавкат Камал из Ташкента пишет стихи, но пока никому их не показывает. Он рассказал о своей встрече с Владиком: вместе пускали воздушных змеев. А потом соседка сказала Шавкату, что несколько лет назад — до операции — Владик был совсем слепым и что повесть «Та сторона, где ветер», наверное, про него.

***Владик.** Я уверен — звездные дороги начинаются на крышах. Кто не боялся поскользнуться, стоя на гребне кровли, больше всего презирал собственный страх, тот сможет стать и космонавтом, и испытателем, и, главное, рыцарем Правды и Добра. Это значит, что жизнь его будет очень трудной, но интересной. А Зло... Зло никогда не сдается без боя.*

***Шавкат.** Раньше мне казалось, что так выразительно пишут только в восточных притчах и сказках, и вдруг читаю у Крапивина: «Чувство безнадежности, едкое, как запах сырой известки в пустых коридорах», «Когда ждешь, время тянется медленно, как застывший резиновый клей», «Беспокойство — как злая мышь». Я стал чаще брать в библиотеке русские книги. Мне стало любопытно замечать, что «все вокруг на все похоже».*

***Владик.** Ну и здоровско! Ведь быть талантливым читателем совсем не так просто, как кажется. Недаром сам Крапивин как-то написал: «Детство — это как сказка. Главное в нем — радость дружбы и ощущение синевы»...*

* * *

Двадцать семь лет существует в Свердловске знаменитый клуб «Каравелла». Владислав Петрович придумал его, когда ему было двадцать три года, значит, этот год юбилейный! Но, наверное, нелегко найти более «неюбилейного» человека. Это знают все его друзья — и ребята, и взрослые. И пишут письма. И героям писателя. И ему самому. Но дружить с Крапивиным — это значит жить по одним с ним трудным заповедям: каждый день противостоять скуке и равнодушию, тупости и жестокости. Убеждать всех вокруг, что есть жизнь, свободная от законов, процветающих в подъездах и углах за гаражами или в местах престижных и модных. Настоящая, увлекательная жизнь — яркая, смелая, романтичная...

Киев — Саранск — Минск — Ташкент.

Материал подготовила **Лола Звонарева.**

Дорогой Владислав Петрович! Редакция журнала «Пионер» поздравляет Вас с 50-летием и благодарит за долголетнее плодотворное сотрудничество и дружбу.

Владислав
КРАПИВИН

Выстрел с монитора

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗГНАННИКИ

Пароход «Кобург»

1

Пристань Лисьи Норы построена у низкого травянистого берега, недалеко от поселка с тем же названием. Поселок большой. Можно сказать, городок. Но «метеоры» и «кометы» минуют Лисьи Норы, не сбавляя хода. И когда кто-нибудь хочет попасть на такое быстрое судно, он должен ехать на пристань Столбы. Отсюда на теплоходе с подводными крыльями можно за четыре часа добраться до самого устья.

Но это если повезет с билетом...

В разгар лета, когда в здешних краях полно рыбаков, туристов и прочего отдыхающего народа, купить билет на скоростное судно не так-то легко. Поэтому три колесных пароходика местной линии тоже не остаются без работы.

Здешние жители называют их «смолокурами» (потому что пароходики давно уже работают не на угле, а на мазуте). «Смолокурам» не меньше чем по полсотни лет. Но они еще бодро шлепают гребными досками и громко, хотя и сиповато, гудят у сельских пристаней. Уж они-то в отличие от «комет» и «метеоров» не пропускают ни одного деревенского дебаркадера. С дебаркадеров спешат на пароход неразговорчивые бабки с гогочущими гусями в корзинах, гладко выбритые районные уполномоченные, которых командировали в «глубинку», а иногда и местные мальчишки — они не прочь зайцами прокатиться до соседней деревни.

В «смолокурах» не чувствуется смущения перед современными судами. В их неторопливости — солидность пожилых работников, занятых не очень заметным, но необходимым делом. И, может быть, даже усмешка по поводу нынешней суетливой жизни.

От Лисьих Нор до устья «смолокур» добирается через двое суток. Если северо-западный ветер гонит с залива крутую мутно-желтую волну, пароход швартуется в Лесном Заводе, у деревянного пирса под защитой Мохнатого мыса. А когда в заливе тихо, он шлепает до самого Кобурга, к большой радости туристов, которым не терпится осмотреть развалины здешней крепости.

Развалинами крепость сделалась в последнюю войну. А в начале позапрошлого века ее, целехонькую, после неутомительной двухнедельной осады вежливо сдал генералу Кобургу не то шведский, не то прусский гарнизон. Малознаменитый и не избалованный победами генерал-майор был так упоен свалившейся на него удачей, что присвоил крепости и городку свое имя. Сенат и Морская коллегия посмотрели на это мелкое самоуправство сквозь пальцы, и потому имя сохранилось до наших дней. И не только сохранилось, но дало название одному из «смолокуров» (два других называются «Декабрист» и «Кулибин»).

Второго августа «Кобург» подошел к Лисьим Норам после полудня и полтора часа попыхивал у дебаркадера, поджидая пассажиров. На сей раз их оказалось немного. Устроилась на кормовой палубе компания стройотрядовских ребят. Потом поднялся по сходням высокий пассажир в серовато-белой парусиновой куртке.

Пассажир был высок, прям, но еле заметно прихрамывал. Он словно хотел иногда опереться на трость, но вспоминал, что ее нет, и выпрямлялся еще больше, неловко дернув правой рукой. В левой он держал клеенчатый чемодан. Лицо у пассажира было длинное, в резких складках, с мясистым носом, который нависал над впалым прямым ртом. Гладкие волосы, почти сплошь седые, разделял несовременный пробор. Брови, тоже с сединой, торчали мелкими клочками. Из-под этих бровей пассажир быстро, но цепко оглядел небритого пассажирского помощника с полинялой синей повязкой на рукаве, когда тот спросил билет.

— В третью каюту,— буркнул помощник, но потом почему-то подтянулся, кашлянул и добавил: — Пожалуйста...

В полутемном коридоре, где были двери шести кают, стоял особый «пароходный» запах: старой масляной краски, теплого железа, машинной смазки, речной воды и близкого буфета. Пассажир поморщился и чемоданом двинул внутрь приоткрытую дверь.

Каюта оказалась узкая, с двумя деревянными койками — одна над другой. Напротив коек привинчен был к стене белый крашеный стол, рядом стояло старомодное кресло с вытертым красным плюшем, у окна — конторский стул. У двери светился белым фаянсом умывальник со старинным медным краном. Из крана капало.

— Милая эпоха Сэмюэля Клеменса,— глуховато сказал пассажир. Он был, видимо, доволен тем, что оказался в каюте один. Поставил чемодан под стол, медленно сел в кресло и прислонился затылком к плюшевой спинке. Прикрыл глаза.

Пока человек так сидит, скажем о нем еще несколько слов. Договоримся называть его просто Пассажиром. Во время бесед с мальчиком они так

и не узнали имен друг у друга. То ли мешало какое-то смущение, то ли, наоборот, возникло внутреннее согласие, при котором ясно, о чем спрашивать можно, а о чем не надо...

Итак, Пассажир. Можно было бы назвать его и Стариком, но это не совсем точно. Был он очень пожилой, но полным стариком не казался даже мальчику.

Мальчик появился на пристани перед самым отчаливанием «Кобурга». Невысокий, в синей круглой кепчонке с большим козырьком и белой надписью «Речфлот», с такой же синей спортивной сумкой на ремне с кольцами. Ремень был длинный, сумка сердито швыркала по пыльно-загорелой ноге, когда мальчик шел от кассового домика к дебаркадеру по тропинке среди подорожников и луговой кашки.

Он шел независимо.

Кепка на нем была надета козырьком назад. Из-под нее на затылок и виски спускались темные сосульки давно не стриженных волос.

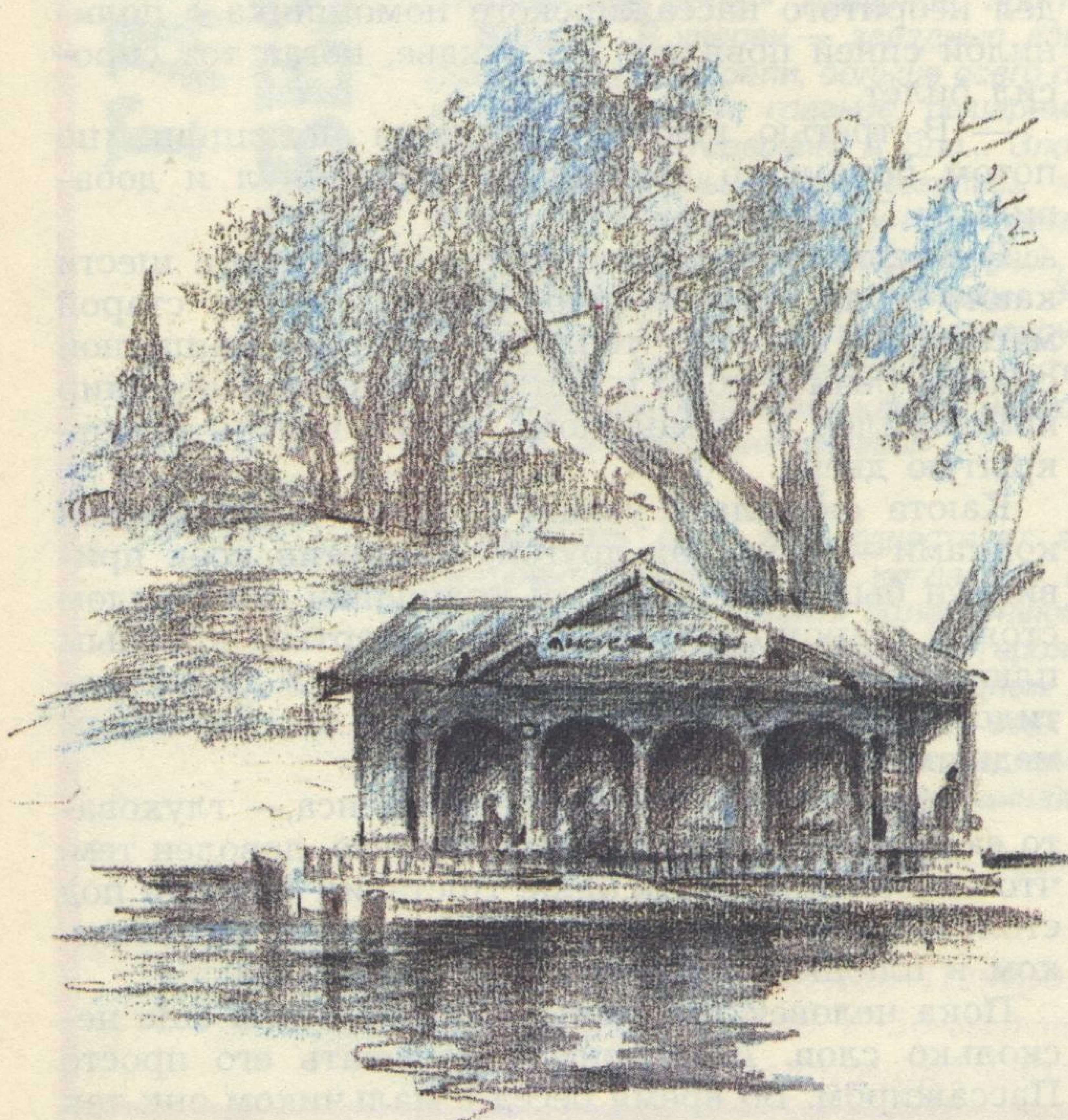
В трех шагах позади мальчика так же независимо и молчаливо шла старая женщина. Сухая, рослая, в беретике.

Тропинка привела к мутной луже посреди травы. Это была, видимо, постоянная лужа, через нее перекинули сходню — две доски с поперечными брусками. Мальчик решительно ступил на доски, они хлопнули, вода выплеснулась из щели и забрызгала кеды.

Бесцветно-ровным голосом, но отчетливо женщина сказала:

— Промочишь обувь и носки, а запасных у тебя нет.

Худые лопатки мальчика шевельнулись под выцветшей, в бело-розовую клетку рубашкой. Это неуловимое движение стоило нескольких фраз: «Зачем говорить чепуху — какие-то несколько капель, что дело не в брызгах, а просто вам надо что-то сказать, потому что идти вот так и молчать вам тошно; но уж если кто-то виноват в этом, то никак не я...»

Перешли лужу, и спутница мальчика заговорила опять:

— Все-таки я не понимаю, почему ты не взял чемодан с вещами...

Не обернувшись, но оч-чень вежливо мальчик сказал:

— Ведь я же объяснил, Анна Яковлевна: я оставил чемодан в залог за испорченные часы.

— В конце концов это просто нелепо... Ты ставишь меня перед своими родителями в двусмысленное положение.

Мальчик опять шевельнул спиной...

Пассажир открыл глаза, когда мальчик и его спутница вошли. Он был, без сомнения, джентльмен и, увидев женщину, хотел было встать. Но поморщился и остался в кресле.

— Извините,— сказала Анна Яковлевна,— мы вас побеспокоили. Судя по билету, здесь место мальчика... Я понимаю, вам, наверно, приятнее путешествовать одному, но что поделаешь...

Пассажир все-таки поднялся. Прямой, седая голова под самый плафон.

— Ничего...— Он даже улыбнулся. Он, видимо, сперва решил, что в каюте поселится эта пожилая дама, и теперь был доволен: мальчик — более удобный сосед.— Я думаю, мы поладим.

Анна Яковлевна посмотрела на мальчика:

— Я уверена: ты будешь вести себя так, чтобы не стеснять взрослого человека.

— Я тоже в этом совершенно уверен...— Мальчик аккуратно устроил кепку на вешалке у двери и поставил на стул сумку. Она, полупустая, мягко осела.

Анна Яковлевна сухо сказала:

— Папе я вечером позвоню.

Мальчик наклонился и опять поднял голову, поправил на стуле сумку. Анна Яковлевна проговорила:

— Я думаю, у тебя нет оснований на меня обижаться.

— Ни в малейшей степени,— сказал мальчик сумке.

Анна Яковлевна коротко вздохнула:

— Что поделаешь, раз мы оба люди принципов...

Пароход басовито гукнул два раза.

— Вы можете опоздать на берег, Анна Яковлевна.

— Прощай.

Он аккуратно кивнул опять и, когда она ушла, вдруг обмяк, неуловимо повеселел. Теперь стало заметно, что лицо у него не твердое, не упрямое, а живое и готовое к улыбке.

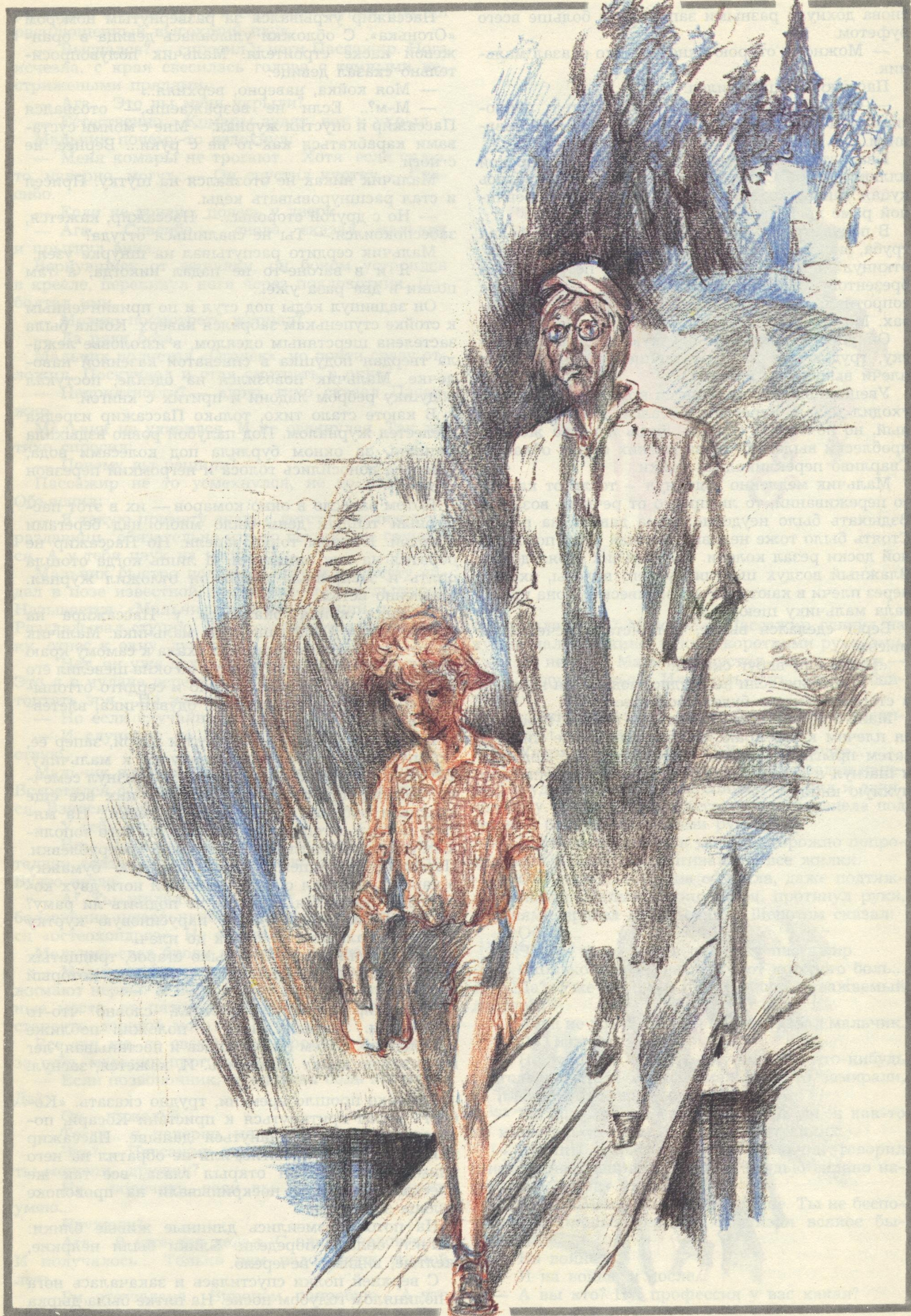
Это был мальчишка лет одиннадцати, узкоплечий, но круглолицый, толстые губы, нос сапожком, глаза цвета густого чая. В глазах этих еще держалась недавняя напряженность и досада, но на Пассажира мальчик глянул без хмурости, с нерешительным любопытством: что вы за человек? Правда, поладим?

2

Тяжело ворочая колесами, пароход стал отодвигаться от пристани. Толчки поршней и вибрация вала передались ногам сквозь каютную палубу. Мальчик переступил, будто от щекотки. Он держался за спинку стула и смотрел в окно.

— Пассажир опять опустился в кресло, достал из внутреннего кармана свернутый цветной журнал...

Шаткая дверь от вибрации отошла. Из коридора

снова дохнуло разными запахами и больше всего буфетом.

— Можно, я открою окно? — тихо сказал мальчик.

Пассажир зашевелился:

— Сделай одолжение. Я сам хотел попросить...— Голос у него был низкий, с прикашливанием.

Квадратное окно совсем не походило на морской иллюминатор. С верхнего карниза свешивалась куцая занавеска в цветочках. Стекло в деревянной раме дребезжало.

В полуметре от пола под окном тянулась белая труба, видимо, отопление. Мальчик встал на трубу, откинул на раме боковые крючки, потянул вниз брезентовую петлю. Перекошенная рама сперва сопротивлялась, потом со стуком опустилась в пазах. Мальчик виновато ойкнул.

Он уперся коленями в узкую подоконную доску, грудью лег на край опущенной рамы и по плечи высунулся из окна.

Увешанный спасательными кругами дебаркадер уходил назад. Берег отодвигался. День был теплый, но почти без солнца. Лишь изредка желтые проблески вылетали из-за мягких серых облаков. Сварливо перекликались чайки.

Мальчик медленно вздохнул — то ли от каких-то переживаний, то ли просто от речного воздуха. Вздыхать было неудобно: рама давила на ребра. Стоять было тоже неловко: острый край подоконной доски резал колени. Но мальчик стоял долго. Влажный воздух шевелил у него волосы, входил через плечи в каюту, качал занавеску, и она щекотала мальчику шею.

Берег сделался выше, и пристань исчезла за мысом.

...Пассажир вдруг сказал:

— Голубчик, если не трудно, подвинься немного в сторону. Читать будет посветлее.

Мальчик торопливо сдвинулся в окне, прижался плечом к его краю. Так он стоял еще минуту, затем прыгнул с трубы, потер коленки, подумал и шагнул к стулу. Достал из сумки растрепанную пухлую книжку.

Пассажир укрывался за развернутым номером «Огонька». С обложки улыбалась девица в оранжевой каске строителя. Мальчик полувопросительно сказал девице:

— Моя койка, наверно, верхняя...

— М-м?.. Если не возражаешь,— отозвался Пассажир и опустил журнал.— Мне с моими суставами карабкаться как-то не с руки... Вернее, не с ноги.

Мальчик никак не отозвался на шутку. Присел и стал расшнуровывать кеды.

— Но с другой стороны...— Пассажир, кажется, забеспокоился.— Ты не свалишься оттуда?

Мальчик сердито распутывал на шнурке узел.

— Я и в вагоне-то не падал никогда, а там полки в два раза уже...

Он задвинул кеды под стул и по привинченным к стойке ступенькам забрался наверх. Койка была застелена шерстяным одеялом, в изголовье лежала твердая подушка в синеватой казенной наволочке. Мальчик повозился на одеяле, постукал подушку ребром ладони и притих с книгой.

В каюте стало тихо, только Пассажир изредка шелестел журналом. Под палубой ровно вздыхала машина, за окном бурлила под колесами вода, с кормы доносились голоса и негромкий перезвон струн.

Потом занесло в окно комаров — их в этот пасмурный теплый день было много над берегами и водой. Комары тонко запели. Но Пассажир не обратил на них внимания. И лишь когда отошла опять и заскрипела дверь, он отложил журнал. Медленно встал.

Верхняя койка оказалась у Пассажира на уровне груди. Он взглянул на мальчика. Мальчик не читал. Раскрытая книга съехала к самому краю койки, а мальчик спал. Воздух из окна шевелил его ресницы. Нижняя губа смешно и сердито оттопырилась, к ней прилипло семя одуванчика, влетевшее вместе с комарами.

Пассажир осторожно шагнул к двери, запер ее, скрипучую, на щеколду и вернулся к мальчику. Тот повозился, захлопнул губами и слизнул семечко. Подтянул и обнял коленки (на них все еще краснели рубчики от подоконной доски). На мятых шортах оттопырился карман, из него тополиным листиком выглянул угол новой трехрублевки. Пассажир мизинцем вдвинул твердую бумажку в карман, прогнал с мальчишкиной ноги двух комаров и оглянулся на окно: не поднять ли раму? Но передумал, снял свою парусиновую куртку и укрыл мальчика от пяток до плеч.

Потом взял книгу. Это было старое, тридцатых годов, издание романа Гюго «Человек, который смеется».

Пассажир полистал, постоял, словно что-то вспоминая. Закрыл книгу и положил поближе к мальчику. Затем он, морщась и постанывая, лег на нижнюю койку. Навзничь. И, кажется, заснул.

Сколько прошло времени, трудно сказать. «Кобург» успел приткнуться к пристани Косари, постоять полчаса и двинуться дальше. Пассажир или проспал это событие, или не обратил на него внимания. Когда он открыл глаза, все так же плескалась вода и поскрипывали на проволоке кольца занавески.

На потолке змеились длинные живые блики: значит, облака поредели. Блики были неяркие, желтые, видимо, вечерело.

С верхней полки спустилась и закачалась нога в полинялом голубом носке. На пятке была дырка

размером с копейку, а к середине ступни прилип расплющенный высохший паук.

— Выспался? — спросил у ноги Пассажир. Нога исчезла, с края свесилась голова с темными нестрижеными прядями.

— Ага... Это вы меня укрыли?

— Естественно... Комары зудят, вот и укрыл.

Мальчик почему-то вздохнул:

— Меня комары не трогают... Хотя если сплю, то, наверно, могут...— Он спустил куртку.— Спасибо.

— Если не трудно, повесь у двери.

— Ага... Спасибо,— снова сказал мальчик и прыгнул вниз.

Вернувшись от вешалки, он боком устроился в кресле, перекинул ноги через подлокотник. Поболтал ими.

— Можно посмотреть журнал?

— Да ради бога...

Мальчик полистал «Огонек», но почти сразу отложил. Поскучнел и стал смотреть в окно.

— Неприятности? — вдруг тихо сказал Пассажир.

Мальчик не удивился. И не оглянулся. Так же тихо спросил:

— Почему вы решили?

Пассажир не то усмехнулся, не то вздохнул. Объяснил:

— Я такую примету знаю с детства: если паука раздавишь, обязательно что-то нехорошее случится. А у тебя паук на носке.

Мальчик быстро подтянул ногу и с минуту сидел в позе известной древнеримской скульптуры. Называется «Мальчик, вытаскивающий занозу». Разглядывал ступню. Взял останки паука за лапку, отнес к окну, дунул.

— Нет, он уже дохлый был, когда я наступил... Это я в чулане веревку искал, разутый, чтобы не топтать зря... На живого зачем наступать?

— Но если случайно...

— И случайно не наступлю. Потому что чувствую.

Мальчик вернулся в кресло, забрался с ногами. Встретился с Пассажиром взглядом и поморщился. Взялся за нижнюю губу.

— У тебя что-то болит?

— Не... По-моему, это у вас болит,— нерешительно сказал мальчик.— Только не пойму, что. Будто везде...

— А! Ты угадал...— Длинное тело Пассажира болезненно шевельнулось.— Эта штука называется «остеохондроз». Не слыхал?

Мальчик свел брови и качнул головой.

— Между позвонками нарастают хрящи и зажимают нервы. И боль отдает в самые неожиданные места, от пяток до мозжечка... Потому как старость, дорогой мой...

Все так же, со сведенными бровями и держась за губу, мальчик проговорил:

— Если позвоночник, то главная боль в спине... Да?

— Ох... пожалуй...

— Тогда... я, наверно, могу...

— Что?— Пассажир приподнял голову.— Что ты можешь, дружок?

— Ну... полечить, если вы хотите. Я немного умею...

— Неужели?

— Ага... Я уже так делал. С одним человеком. И получалось... Только вам надо вверх спиной лечь.

— Гм, это задача... Впрочем, попробую... А что

ты предлагаешь? Массаж?— Пассажир глянул на худые мальчишкины руки с короткими рукавами.

— Да не-е...— Мальчик спустил с кресла ноги.— Я не буду касаться. Или чуть-чуть. Вы не бойтесь...

Пассажир коротко, с прикашливанием засмеялся и стал переворачиваться на живот.

— Уверяю, что не боюсь. Хуже не будет...

Мальчик принес к постели стул. Сел задом наперед, грудью навалился на спинку. Втянул и закусил губу. Худая спина Пассажира закаменела под синей с белыми полосками рубашкой.

— Вы не напрягайтесь так,— осторожно попросил мальчик.— Не натягивайте... все жилки.

— Ох, ладно...— Спина обмякла, даже подтяжки ослабли. Мальчик сощурился, протянул руки, ладонями провел вдоль спины. Шепотом сказал:

— Ой-ей...

— Что?— выдохнул в подушку пассажир.

— Сколько всего у вас... Ну, от которого боль...

— Да? Уже во всем разобрались, уважаемый доктор?

— А вы не дразнитесь,— строго сказал мальчик.

— Ох, извини, молчу.

— Не, молчать не надо. Лучше про что-нибудь разговаривайте.— Ладони мальчика то замирали, то плавали над синей рубашкой.

— Но я, право, не знаю... Видишь ли, я как-то не имею опыта бесед в... таких ситуациях.

— Значит, сильно болит?— Мальчик говорил с некоторым напряжением. Он грудью сильно налегал на спинку стула.

— Болит? М-м... пожалуй, меньше. Ты не беспокойся, я привык терпеть. В жизни всякое бывало...

— На войне?

— И на войне, и после...

— А вы кто? Ну, профессия у вас какая?

— Профессии были разные. Последняя совсем не романтическая. Ревизор в системе «Плодоовощторга»... Но это так, мимикрия.

— Что?— удивился мальчик.

— Маска для души... В душе человек далеко не всегда тот, кто он в жизни. Впрочем, тебя это еще не должно волновать.

— Ну, почему же,— уклончиво сказал мальчик. И другим голосом, оживленней, спросил:

— А вы до какой пристани плывете?

— Сейчас, этим рейсом? До Якорного Поля.

— Даже и не слышал про такую... Это поселок?

— Это... заповедник. Там у меня... друг юности.

— А далеко это Поле?

— Ну... после Краснодольска.

— У-у... Я раньше сойду, в Жуково. А оттуда — в Черемховск.

— И к кому же ты туда направляешься?

— Домой.

— А та... дама, которая тебя провожала? Родственница?

— Не-е... Знакомая отца. Вернее, его мамы, бабушки моей.

— Понятно...

Мальчик, двигая ладонями, вздохнул:

— Нет, вам, наверно, непонятно... почему мы так с ней расстались.

— Признаться, да... Но любопытствовать не смею. Чужие секреты...

— Да никакие не секреты... Просто у меня лопнуло терпение... Я у нее жил две недели, меня папа туда устроил. Ну, вроде как погостить и заодно немецким позаниматься. У меня с ним никак не ладится. В этом году в шестом классе экзамены по иностранному языку сделали, дак я еле выплыл...

— О... ты, значит, шестой класс закончил? Солидно.

— Ага. Я только ростом не очень, а вообще мне уже скоро тринадцать.

— Как и ему...

— Кому?

— Что?.. Ох, это я так, отвлекся... Ну и как ты жил в Лисьих Норах?

— По-всякому жил. Анна Яковлевна эта... ну, она со своим характером. Вся такая, будто из прошлого века. И с меня стала требовать, чтоб всегда поглаженный, причесанный... Вставать по часам, ложиться по часам. С десяти до одиннадцати, каждый день, зубрежка немецкая... И всегда «извините» и «пожалуйста»... И вилкой не брякать... о старинные тарелки...

— Просто как Гек Финн и вдова Ватсон,— вздохнул Пассажир.— Помнишь?

— Ага... Ну, нет. Наверно, все-таки не совсем так, я зря наговаривать не хочу. Она ведь в общем-то неплохая, наверно... С ней иногда интересно было, она про прежние времена много рассказывала... И по немецкому меня подтянула.

— А из-за чего же конфликт?

— Да так, накопилось... Сперва мне вовсе и не трудно было, я к ее режиму быстро приспособился. Ну, не то чтобы по правде стал таким... совсем уж воспитанным, а просто сказал себе: «Терпи, так надо». Помните, вы про маску говорили?

— Да-да... Значит, ты «принял правила игры»?

— Ага! Вот именно, будто играть стал! И даже интересно сделалось... Да там и хорошего было много! Книг у нее полным-полно, журналов старых про путешествия... И я же не все время с ней дома сидел. А Лисьи Норы — городок интересный, мы там с ребятами везде лазили, исследовали. И всякие игры устраивали.

— Любопытно. И какие же игры у... нынешнего поколения?

— Ну, например, мы акваплан сделали. Знаете?

— М-м...

— Большой кусок фанеры с веревкой. Он к моторке цепляется на буксир... У одного мальчишки есть старший брат, у него моторная лодка. Ну вот, на фанеру встанешь, за веревку держишься, будто за вожжи, и моторка тебя тащит. Быстро так, будто летишь над водой.

— Как на водных лыжах?

— Ага. Только это проще. Можно почти без тренировки, это даже у самых маленьких получалось... И здорово так!.. Ну вот, из-за этого акваплана я с ней и поругался.

— Не разрешала кататься?

— Да не в том дело. Я с ее часами в воду булькнулся... У меня часов нету, она мне дала свои старые. Чтобы я к обеду в точности приходил. А я же их на руке носить не буду, дамские. Вот в кармане и таскал и забыл выложить на берегу...

— Так ты что же, одетый на этом акваплане ездил?

— А чего такого? Только босиком... По ногам брызжет, а выше колена и не замочишься. Мы с отмели стартовали, туда же обратно приезжали. Кто научился, тот никогда не свалится...

— Однако же булькнулся.

— Потому что мотор заглох! Это первый раз случилось, никто даже не ожидал... Ну и ладно бы, самому-то высохнуть недолго. Да только часы остановились наглухо, вода в них попала. Ну и началось: «Ах, какой ужас, ты не только часы испортил, но и сам мог утонуть». И еще: «Аккуратный и собранный человек не позволит себе попадать в такие ситуации...» Я не удержался. «Знаете,— говорю,— как надоело быть аккуратным и собранным! Вы меня будто канарейку в клетке воспитываете...» Она, конечно: «Как ты можешь так говорить, я за тебя волнуюсь...»

Мальчик посопел и сильно заскрипел стулом.

— Ну, тут и я сказал: «Вы не за меня, а за часы волнуетесь. Вы не бойтесь, папа заплатит за ремонт...» Может, я зря такое брякнул, да назад не проглотишь... Она села, помолчала так выразительно и говорит: «Такого я, признаться, от тебя не ожидала... Ты, конечно, мальчишка, но и мальчишкам не все позволено...» А потом: «Одно из двух — или ты немедленно и как следует извинишься, или мне остается проводить тебя на вокзал...» А чего я буду извиняться, если я правду сказал...

Пассажир с осторожным интересом спросил:

— А признайся, голубчик: ты уверен, что сказал ей правду?

— Ну... насчет часов, я, наверно, зря. А насчет канарейки... Да и вообще... Так обидно сделалось. Как тут извиняться?.. Она губы поджала, и давай звонить на вокзал, про расписание. А тот поезд, который нужен, уже ушел. С автостанции сказали, что билетов на автобус нет. Тогда она на пристань позвонила, а тут этот «Кобург». Она говорит: «Я иду за билетом, а ты уложи чемодан и ступай за мной...» А я сумку только взял с книжкой, а чемодан не стал собирать. Пускай назло ей останется...

— А может, решил, что она еще передумает?

— Вот уж нет...— Мальчик взялся за спинку стула и утомленно откинулся назад.— Такие, как Анна Яковлевна, ничего не передумывают...

А я тоже... А спина у вас, по-моему, уже не болит. Да?

— Что?— Пассажир приподнялся на локтях.— Не может быть... В самом деле...— Он осторожно пошевелил поясницей.

Мальчик улыбнулся и провел ладонью по лбу.

— Сейчас болеть не будет. По крайней мере до утра... Я вас нарочно разговором отвлек, чтобы легче было боль убрать.

— Ох, спасибо... Как же это у тебя получается?

— Получается... иногда.— Мальчик встал и серьезно сказал:— Только потом все тело гудит и есть ужасно хочется.

3

В конце короткого коридора была буфетная дверь. За дверью оказались три липких столика (за ними никого не было) и прилавок с хмурой полной теткой в кокетливой кружевной наколке.

Мальчик взял у буфетчицы две котлеты и стакан теплого чая. Разменял хрустящую трешку — свой дорожный запас. Буфетчица сказала, что рублей нет, и дала сдачу одинаковыми монетками по пятнадцать копеек.

Гарнир из вареных макарон отдавал тухлым, но котлеты все же пахли котлетами, и мальчик сжевал их, помазав горчицей. Проглотил чай. К тарелке с хлебом нахально шел крупный рыжий таракан. Мальчик повернул к нему, словно зеркальце, прямую ладонь. Таракан попятился, встал на задние лапы, ощетинил усы, кинулся на край стола и спрыгнул.

— То-то же,— сказал мальчик. И ушел на корму.

Здесь, под косо подвешенной лодкой, расположился небольшой студенческий табор. Кто-то спал, привалившись к рюкзаку, кто-то тихо разговаривал и смеялся. Похожий на цыгана парень сидел на стопке рыжих спасательных жилетов и трогал струны гитары. Мальчик встал у перил с проволочной сеткой, поразглядывал стройотрядовцев и стал смотреть на реку.

Небо совсем очистилось, солнце уже пряталось за кромку леса на высоком берегу и лишь изредка стреляло красноватыми лучами из-за верхушек елей. Другой берег, низкий, луговой, был покрыт оранжевым светом. На нем хорошо видны были деревни с почерневшими рублеными избами и деревянными церквушками, которые еще не разобрали и не свезли в заповедники.

Потом выплыло из-за поворота село. Уже не с одной, а с несколькими церквами. Главная была каменная, белая и ярко светилась под наклонными лучами. Золотисто-зеленый берег, желтый плес, темные и светлые колокольни, купола...

— Ну, прямо Углич, что на Волге,— сказал кто-то среди студентов.

— А и так почти Углич. Уголичи-Северские. Давний оплот здешних староверов. Даже цари ничего с ними не могли поделать...

— Этакая Русь рядом с Западом...

— История, чего ж тут...

Девушка в синей аэрофлотовской пилотке подняла от рюкзака голову и спросила гитариста:

— Миша, а ты песню про Углич помнишь?

Тот прихлопнул струны.

— Ту, что Димка Ярцев сочинил? А как же. Мы ее и там... помнили. Правда, командиры косились, не в жилу, мол. Но все равно...

— Эх, Димка, Димка...— сказали за грудой рюкзаков.— Главное, перед самым дембелем...

Гитарист переливчато перебрал струны, откинул волосы, посмотрел на Уголичи-Северские и запел... Голос у него оказался высокий, почти как у девушки.

Раскалил закат на небе угли
И с размаха на реку обрушил.
И глядится в воду древний Углич
С темно-красной церковью-игрушкой...

Парни и девушки начали подвигаться к певцу, окружили. Мальчик его уже не видел. Но голос звенел.

...А игра была — не на свирели,
У крыльца толпой бояре стали.
«Покажи, царевич, ожерелье...»
И по горлу — с маху острой сталью...

Вот и все. Легенда или сказка...
От заката взгляды поднимите:
Виден в небе храм в багровой краске —
Жил да был на свете мальчик Митя...

Мальчик вспрыгнул на планшир, ухватился за трубчатую стойку фонаря. За головами и спинами опять увидел гитариста. Тот наклонился над струнами, голос у него как бы потемнел:

Жил да был... Над Волгою затишье.
Не спеша звезда в закат упала...

И вдруг с плачущим, чисто цыганским вскриком, со взмахом отброшенных волос:

...А за что во все века мальчишек —
Топорами, пулями, напалмом?!

Мальчик вздрогнул и соскочил на палубу. И услышал уже из-за голов:

Тонкий крест стоит над облаками,
Высоко стоит над светом белым.
Словно сам господь развел руками,
Говоря: а что я мог поделать?

Тихо стало, и в плеске забортной воды, в беднеющем оранжевом свете Уголичи-Северские медленно проплывали мимо «Кобурга», который к этой пристани почему-то не причаливал...

Мальчик постоял еще на корме. Песен больше не было. Да и слушать другие после этой, про Углич, не хотелось. Он ушел на середину парохода, сел на скамейку из крашеных реек, у стенки с каютными окнами. Здесь палуба была совсем узкая — от скамьи до бортового поручня не больше метра.

Прошел пассажирский помощник. Мальчик подтянул ноги, поставил пятки на скамью. Помощник сказал равнодушно:

— Один, значит, едешь? Гляди не балуйся.

Мальчик обнял колени, ткнулся в них подбородком.

За высоким кожухом вертелось и расталкивало воду гребное колесо. Сквозь этот шум слышен был миролюбивый звон комаров.

Вверху, на мостике, сказали:

— Иван, флаг сыми, видишь, солнце ушло.

Оранжевый свет угас, небо стало зеленоватым. Мальчик знал, что потемнеет оно не скоро. Время белых ночей давно кончилось, но до осеннего равноденствия было еще далеко, и над здешним речным и лесным краем подолгу стояли белесые сумерки.

Появился на палубе Пассажир. Присел на край скамьи. Помолчал. Сказал неловко, но бодро:

— Да, голубчик, ты меня прямо воскресил.

— Вот и хорошо,— вздохнул мальчик. Не обер-

нулся, смотрел, как наплывает высокий и почти черный мыс.

Это был крутой полукруглый холм. Лесистый, сумрачный. С обрывистым выступом над водой. Выступ напоминал забрало рыцарского, колючим гребешком украшенного шлема. Кромка «забрала» была без леса — ломаный гранитный край с редкими деревцами. От него до воды — метров сто, наверно.

И вот эта махина двигалась на пароход. Видимо, фарватер проходил недалеко от обрыва. Там ярко горела красная капля бакена, отражалась дрожащей стрункой.

Пассажир спросил:

— Спать не собираешься?

— Рано еще. Да и днем выспался.

— Это верно. Я тоже подремал... Все как и должно быть.

— Что «должно быть»? — отозвался мальчик. Без особого, впрочем, любопытства.

— Это я так... Извини, я хочу спросить... Допускаю, что выгляжу назойливым, но все-таки... Мне кажется, что тебя что-то беспокоит. Грызет, как иногда выражаются... Не могу ли я помочь?

Мальчик не удивился. Сказал, все так же глядя на мыс:

— Но меня ничего не грызет... Думаете, будто я боюсь, что дома попадет? Ничуть.

— Нет, я не про это... А может быть, тебе просто зябко? Возьми мою куртку.

— Не... мне тепло. Если надо, у меня безрукавка в сумке есть... Из козьей шерсти, домашняя вязка.

— А, это хорошо... Мама, наверно, вязала?

— Нет, не мама... Смотрите, там кто-то стоит!

Мыс придвинулся почти вплотную, обрыв нависал над пароходом. Кромка «рыцарского забрала» скрыла за собой лесистую вершину холма. Черный неровный край рисовался на светлом небе, над ним висела голубая несмелая звездочка. А левее звездочки виден был неподвижный силуэт. Маленькая тонкая фигурка со склоненной головой и опущенными руками.

Конечно, ничего особенного в этом не было. Мало ли туристов на здешних берегах. Какой-нибудь пацаненок улизнул из палатки и глядит с высоты на окрестности...

Но беспричинная тревога толкнула мальчика — так же, как во время песни об Угличе. Он крепче охватил колени и прижался теменем к дрожащей стенке каютной рубки.

— Стоит...— с непонятной интонацией отозвался Пассажир. Он тоже смотрел, запрокинув лицо.— Стоит. Да...

Звездочка прошла за плечами мальчишки на обрыве. Силуэт шевельнулся. В это время заскрипели доски расшатанной палубы. С носа шла, переваливаясь, буфетчица. Пассажир подвинул ноги под скамью, а сам все смотрел вверх. Буфетчица прошла, и от ее передника пахло макаронным гарниром. Мальчик придержал дыхание. В эту секунду на досках звякнуло. Денежка! Светлое небо отразилось в белом кружочке. Пассажир быстро повернулся к мальчику. Тот сбросил со скамейки ноги, нагнулся.

Однако проворнее всех оказалась буфетчица. Неожиданно легко обернулась, присела, накрыла монетку ладонью.

— Это моя!

— Почему вы решили, что ваша? — с непонятной злостью сказал Пассажир.

— А чья еще? — Буфетчица сжала находку в кулаке, встала.— Карман-то дырявый на фартуке, всю мелочь растрясла. Ох ты, пропади оно все пропадом...— И пошла прочь походкой вороватой утки.

— Вот ведь с... сытая жадюга,— с болезненной досадой произнес Пассажир.

Мальчик отвернулся. Всегда неловко, если в симпатичном человеке открывается неприятная черта. Пассажир, кажется, смутился. Закашлял.

— Наверно, она правда из кармана денежку выронила,— скованно сказал мальчик.

— Да нет. Это не ее...— вздохнул Пассажир.

— Ваша?

— Да нет...— Он опять сумрачно вздохнул.— Скорее твоя...

— А! Может быть...— Мальчик встал, подергал шорты, в кармане забрякало.— Я сегодня три рубля разменял, сплошь пятнадчиками. Наверно, один выскочил. Ладно, не разорюсь!

— В буфете разменял? — поинтересовался Пассажир.

— Ага.

— А завтра туда пойдешь?

— Не... Там противно. Как-нибудь дотерплю, утром моя пристань. А оттуда до дома полчаса на автобусе.

— Утром ты едва ли доберешься,— ворчливо сказал Пассажир.— Машина еле дышит, я в этом деле понимаю... Боюсь, что ночью мы застрянем с ремонтом.

— Это плохо,— обеспокоенно сказал мальчик.

— Так что без буфета нам, голубчик, не обойтись.

— Но котлеты я больше есть не буду. От них до сих пор в желудке тошно. Лучше уж вафли с чаем.

— Это неважно,— тихо сказал Пассажир.— Главное, чтобы все вернулось на круги своя...

— Что?! Пароход в Лисьи Норы вернется?

— Да нет, это я о своем... Не обращай внимания.

Мальчик послушал, как работает машина. Не уловил в ее ритме сбоев, решил, что опасения напрасны, и опять устроился с ногами на скамейке, посмотрел вверх.

Темная фигурка по-прежнему рисовалась на зеленоватом небе. Неподвижная... И вновь мальчик ощутил беспокойство. Словно тому, кто стоял на обрыве, что-то грозило.

Мыс уже отходил назад. Край обрыва менял очертания. Квадратный зубец сближался с силуэтом, грозя через полминуты закрыть его. Звездочка была теперь далеко в стороне.

Мальчику хотелось, чтобы стоявший на кромке ушел оттуда раньше, чем скала скроет его из виду. Но тот не шевелился.

— Стоит и стоит...— прошептал мальчик.

— Стоит,— неожиданно громко отозвался Пассажир.— Куда ж ему деваться...

— Почему «куда деваться»?

— Это же бронза. Скульптура.

— Да?! — удивленно сказал мальчик.

— Многим кажется, что просто человек на обрыве...

— Мне даже показалось, что он шевелился. Будто рукой махнул... Перед тем, как тут эта пошла, из буфета.

— Издалека да в сумерках что не почудится...

Темный выступ на обрыве наконец плавно закрыл скульптуру.

— А я-то думал...— сказал мальчик.— Будто мальчишка там.

— Ну, так и есть. Бронзовый мальчик, ростом с тебя.

— Значит, там парк? Или пионерский лагерь?

— Нет, место глухое. Но раньше был город...

— Как это... был? А куда девался?

—-Обезлюдел понемногу, разрушился. Остатки война сровняла... А памятник вот сохранился.

— Памятник?

— Да, памятник мальчику. Жителю этого города... Кстати, место до сих пор так и называется — мыс Город. Только об этом не все знают... Ты ведь не знал, верно? — Вопрос прозвучал странно, с вкрадчивой интонацией.

— Я не знал,— насупился мальчик.— Я первый раз тут плыву. В Лисьи Норы я на поезде ехал... И вообще мы в этих краях недавно, а раньше в Тюмени жили...

— Про город на мысу и местные-то жители почти не помнят.

— Значит, он древний?

— Отнюдь...

— Тогда почему не помнят?

— Слишком заняты собственными делами.

— А этот памятник... то есть мальчик, он кто? Герой?

— Герой? Возможно... в какие-то моменты, чтобы судить об этом, надо знать его историю.

— А вы знаете?

— Мне ли не знать,— сухо отозвался Пассажир. И наступило молчание. У Пассажира — непонятное, у мальчика — слегка обиженное. Мальчику казалось, что он имеет право услышать подробности. Но расспрашивать он не стал.

Пассажир наконец сказал:

— У ревизоров «Плодоовощторга» тоже бывают странности... Я долго собирал в этих местах разные истории. И подлинные случаи, и легенды... И одна из них как раз об этом городе.

— Легенда?

— История, голубчик... Подлинная, хотя и малоизвестная... Я по канцелярской привычке все, что узнавал, записывал в тетрадки. Написал и про этот город... Упаси господи, я никогда не метил в литераторы, писал для себя, просто чтобы не забыть... Но...— В голосе Пассажира скользнула неожиданная, самоуверенно-ребячливая нотка.— На сей раз получилось, по-моему, что-то вроде повести. Возможно, не хуже других...

— А он что, погиб? Тот, кто на памятнике...

— Н-нет... Почему ты решил?

Мальчик вздохнул:

— Я не решил. Просто я не люблю историй с плохим концом.

Пассажир, кажется, улыбнулся в сумраке:

— А ты думаешь, я собрался тебе рассказывать?

Тогда улыбнулся и мальчик:

— Мне так показалось.

— Видишь ли... Я твой должник. Ты меня от хвори спас. А теперь вот сидишь и, кажется, скучаешь. И я подумал, что если смогу развлечь тебя... Если, конечно, тебе любопытно...

— Ага,— сказал мальчик.

— Только пойдем в каюту, дружок. Зябко здесь все-таки, а история не короткая...

Мальчишки в старом городе

1

В каюте над столом была укреплена лампочка под желтым шелковым колпаком. Она уютно засветилась. Пассажир достал из чемодана клеенчатую тетрадь с разлохмаченными уголками. Надел круглые очки в тонкой серебристой оправе. Сел в кресло.

— А ты забирайся на мой насест...

— Я лучше так.— Мальчик опять сел верхом на стул. Это была привычка, от которой не отучила его даже Анна Яковлевна.

Пассажир полистал тетрадь, посмотрел на мальчика из-за очков. Покашлял. При желтом свете морщины его казались резкими, как шрамы. Воднисто-серые глаза стали очень темными. Тень от носа легла на рот и подбородок — будто прижатый к губам толстый палец.

Мальчик с вежливым нетерпением поворочался на стуле.

Пассажир отложил тетрадь.

— Наверно, лучше так... Вначале у меня написано длинное вступление: история города с давних времен, быт, нравы и прочая, прочая... Боюсь, что это скучно. Лучше я начну без записок, полаконичнее... На диалекте коренных жителей город назывался тогда Реттерхальм — Рыцарский шлем...

Он и правда был построен во времена рыцарей. Место подходящее... С той поры в городе осталось много всякой старины: красивые здания, церкви, два замка. Арки каменных мостов над расселинами и оврагами, которые рассекают склоны холма...

На обрыве, где сейчас памятник, стоял артиллерийский форт. Впрочем, о нем позднее... Улицы поднимались от подножия холма к вершине. Порой это были даже не улицы, а широкие и узкие лестницы с площадками, тропинки среди садовых решеток и гранитных стен с колоннами и нишами. В нишах стояли чугунные фигуры древних святых и воинов, закованных в доспехи.

А главная улица охватывала холмы спиралью. Она несколькими витками шла от набережной со зданием магистрата до площади с Маячной башней. Башня была круглая, с громадным стеклянным шаром наверху. Внутри шара, чуть заходило

солнце, вспыхивал фонарь. Впрочем, он служил скорее для украшения, чем для пользы, потому что большие суда по реке не ходили.

— Не ходили? Она же широкая...

— Да ведь и сейчас не ходят большие-то... В устье лежит песчаная отмель. Бар называется. Этот бар не пускает суда в реку. А без сообщения с морем у реки какая жизнь. Ты, наверно, обратил внимание, что на здешних берегах нет крупных городов. Не то что на других ближних реках...

— Но этот, Реттерхальм, он был все-таки крупный?

— Вовсе нет. Около двух тысяч жителей. Даже по тем временам это совсем не много... Однако город был знаменит: своим театром, библиотекой, древностями. Сюда любили наезжать поклонники искусства и старины... И сами обитатели Реттерхальма любили, конечно, свой город. В том числе и юные жители, школьники. Потому что трудно придумать более подходящее место для игр, чем старые переулки, заросшие дворы, таинственные подвалы под цитаделью и галереи в замковых дворах.

— А тот мальчик, он...

— И тот мальчик любил, разумеется. О нем сейчас и речь...

Я постараюсь, чтобы ты представил его подробно. Когда ясно представляешь себе человека, легче его понять... Лет ему было без малого тринадцать. Лицо узкое, глаза светлые, волосы прямые и почти белые. Даже подстриженные, они падали на уши и на шею... В общем, типичный житель здешних северных мест. Обыкновенный реттерхальмский школьник в голландке и с шульташем...

— С чем?

— Так называлась школьная сумка из твердой кожи — шульташ. А голландка — это матросская блуза с галстучком. Тогда такие блузы носили мальчишки во всей Европе. Или короткие курточки с узкими рукавами и белыми откидными воротниками. И штаны с медными пуговками у колен, и высокие башмаки с крючками для шнурков, и кусачие шерстяные чулки, без которых даже в жаркие летние дни не пускали в реттерхальмскую школу... Так что, видишь, внешне Галька был совсем не такой, как ты...

— Кто?

— Ах, да... Тебе его имя, наверно, покажется странным. Как у девочки... Но полное имя мальчика было Галиен. Галиен Тукк, сын Александра Тукка, заведующего костюмерными мастерскими городского театра. У Галиена, кстати, имелось двое старших братьев и младшая сестра... Итак — Галька его мальчишечье имя. По-реттерхальмски звучало оно так же, как по-русски. Между прочим, и мелкие, обточенные водой камушки назывались гальками, как у нас. Пожалуй, только помягче — «халька»...

Характер у Гальки был разный: то задумчивый, то веселый. Потому что и в жизни было много разного. Хорошо было посидеть над толстой книжкой про рыцарей, драконов и фей, а хорошо и другое: прибежать из школы, кинуть под кровать громоздкий шульташ, сбросить осточертевшие башмаки и чулки, схватить деревянный меч и бежать босиком, в развевающейся голландке в замковый двор, где приятели затевали военные игры.

Галька не был ни отчаянным, ни задиристым. Но, если нападали, не отступал. И если попадало деревянным клинком по костяшкам или камнем из рогатки, не ронял ни слезинки. Он мог заплакать по другой причине: от какой-нибудь обиды или от жалобной истории — одной из тех, которые иногда придумываются сами собой. Например, как после рыцарского подвига его, смертельно раненного, приносят в город и главный советник магистрата господин фон Биркенштакк произносит речь о герое, павшем во славу родного Реттерхальма... А бывали слезы от оценок по латыни, которые ставил господин Ламм — самый безжалостный наставник реттерхальмской мужской гимназии...

Однажды на исповеди Галька отчаянно сознался пастору Брюкку в своих слабостях и слезах. И еще в том, что желает наставнику Ламму свалиться с моста над Восточным оврагом и сломать... ну, нет, не шею, это чересчур. Но хотя бы вывихнуть ноги. Чтобы он недели две не ходил на уроки и не мучил школьников ненавистной латынью.

Пастор Брюкк произнес краткую речь о красоте и пользе языка римлян и ученых, а также о терпении и любви к ближнему, но потом вздохнул и отпустил Гальке грехи, потому что сам был когда-то гимназистом...

Пассажир замолчал и глянул на мальчика: слушает ли?

— А в каких годах это все было? — спросил мальчик.

— В каких годах... Ну, прикинь. В ту пору по улице, что спирально опоясывала холм, пустили трамвай. А трамвай этот был одним из самых первых на всем свете, старше берлинского...

Кстати, глава магистрата фон Биркенштакк долго не соглашался на такое новшество. Но собрание выборных представителей настояло. Среди жителей Реттерхальма было много пожилых граждан, им надоело карабкаться по лестницам. Радовались трамваю и мальчишки, тем более что детям позволяли ездить бесплатно. У вагоновожатого Брукмана в первые дни только и было работы, что катать школьников. Конечно, город небольшой, но пока трамвай пять раз объедет холм, это целое путешествие.

Сейчас время сказать, что именно с трамваем связано начало нашей истории. Правда, случилось это не весной, когда трамвай только пустили, а в августе, в первые дни школьных занятий. Не удивляйся, это у вас ученье начинается с сентября, а тогда в школу шли с первого августа. Конечно, такой обычай ребята проклинали. Лето на дворе, а ты жарься за партой! И после уроков они старались наверстать упущенное. Тем более что август в том году стоял жаркий...

И вот теперь...— Пассажир сел поудобнее и взял тетрадь.— Теперь, голубчик, если не возражаешь, я почитаю. Тут уже не предисловие, а события... Тебе не наскучило?

Мальчик быстро замотал головой.

Пароход уже долго стоял у какой-то пристани. Машина не работала. За тонкой стенкой каюты сварливо, но негромко спорили мужчина и женщина. Это не мешало тишине. В лампочке тонко звенела раскаленная нитка.

Пассажир выпрямился в кресле и поправил очки.

— Итак, приступаем.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Узел СВЯЗИ

ЧУР, НЕ ИГРАЕМ!

«С...паси, «Пионер»! Вчера меня остановили в переулке опасные люди. Наверное, были вооружены. Один говорит: «Выкладывай-ка все, что тебе известно про СИМЕА». Я не испугалась, сказала. Другой говорит: «Не пойдет! Если к 15 апреля не выложишь подробности, пеняй на себя». «Пионер», если тебе дорога моя жизнь, пришли, пожалуйста, не позднее 15 апреля подробные ответы на 14 вопросов. Ну хотя бы на те, что помечены галочкой.

Люда К., г. Темиртау».

СТРАННЫЙ какой-то пошел «разбой», подивились мы! Этим двоим из Темиртау куда проще было не пугать Люду К., а добежать до ближайшей библиотеки. Там без всяких угроз никто бы не стал делать тайны из подробностей о СИМЕА! Полистав газеты, журналы, книги, можно было узнать все: адрес штаб-квартиры, международные связи... И то, что СИМЕА, Международный комитет детских и юношеских организаций, объединяет эти самые организации более чем из семидесяти стран. И то, что программа действий СИМЕА: «Дети вместе строят мир»...

Не успели удивиться одному письму, посыпались другие.

«...Мои соседи-ветераны очень интересуются СИМЕА, а я могла им так мало рассказать. Помоги, редакция, порадовать уважаемых людей...»

«...Дорогая редакция! Помоги нам выиграть КВН. Он посвящен СИМЕА. На тебя вся надежда».

«...Наш КИД собирается обновить стенд, посвященный СИМЕА. Не подведите, пришлите все, что есть в редакции!»

«...Я звеньевая. Недавно ребята поставили меня в тупик вопросами о СИМЕА. Вот эти вопросы».

Итак, где-то вдруг проваливается сбор, посвященный СИМЕА. Чья-то маленькая сестренка горько плачет, потому что хочет знать: где находится штаб-квартира СИМЕА? Как избираются его руководящие органы?

Одно письмо, другое... десятое... пятидесятое... Таким письмам, как говорится, только бы радоваться. Если бы не одна существенная деталь. Вопросы, которые встречались в письмах, точь-в-точь повторяли викторину, объявленную в феврале этого года «Пионерской правдой». Победителям обещаны путевки в «Артек» и лагерь мира в ГДР. И тут многие ребята почему-то решили, что мы должны вместо них точно, подробно, желательно с блеском, ответить на викторину. Короче, послать им шпаргалку, но такую, с которой можно победить!

Но ведь «Пионерская правда» напечатала викторину не для того, чтобы состязаться с дружественной редакцией журнала «Пионер». Наверное, там надеялись, что ребята, отвечая на викторину, сами узнают много интересного и нового. Для этого — не только ради наград ребят зовут участвовать в разных конкурсах, турнирах, викторинах. Хочешь быть лучше всех? Ну и побеждай, пожалуйста: читай, изучай!

Может, и не стоило бы упоминать об этих письмах с «маленькими хитростями». Но ведь с них и начинается ОБМАН. Ну, подумаешь, скажет кто-то, какая-то викторина! Я еще вовсе и не очень хитрый... Но я учусь! Вот вырасту и так же буду добывать награды и всякие блага — чужими руками.

...И еще. Раздается звонок из Тулы: «Редакция? Я папа Вити... Отправил вчера вам по почте альбом с ответами на вашу викторину. Которая про комсомол! Телеграфируйте получение и результат!» Но викторина вовсе не для папы. Для Вити же!

Или вот так: «Алло, говорит участник Курской битвы, имею много боевых наград. Вы что там развели безобразия? До сих пор не вижу внучкиных стихов». И хотя девочка Ира — внучка такого героического человека, ее сочинения все равно не будут напечатаны: пока еще это не стихи.

Не хотим мы играть ни в шахматы, ни в музлото, ни в умные викторины с тетями и дедушками, папашами и дядями!

С кем бы то ни было, за чью спину прячутся ребята.

Кто хочет с нами играть — давайте честно!

А иначе — чур, не играем!

По «Узлу связи» дежурили Н. ТАРАСЕНКО, А. БЕЗБОРОДОВА.

Рисунок В. БУРМИСТРОВА.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ФОНД

Советскому детскому фонду имени В. И. Ленина исполнился год.

Тебе известно, конечно, что Советское государство и так много делало и делает для своих юных граждан. Строятся школы и детские здравницы, открываются дома пионеров, библиотеки и театры для детей, выпускаются миллионы книг, по всей стране — пионерские лагеря.

Но ты, вероятно, знаешь и то, что есть дети, у которых нет семьи и для которых родным домом стал детский дом. Есть дети, от которых отказались родители и которые воспитываются в домах ребенка. Слышал ты, наверное, и о детях-инвалидах, прикованных к больничной койке, о ребятах, которые за свои проступки оказались в колонии.

Помочь детям, оказавшимся в беде, сделать так, чтобы жизнь всех детей стала радостней и счастливей, и призван Детский фонд.

Тебе, должно быть, интересно узнать, что удалось Фонду за год? Мы попросили рассказать об этом заведующего международным отделом Советского детского фонда имени В. И. Ленина, кандидата педагогических наук Евгения Михайловича РЫБИНСКОГО.

— КОНЕЧНО, итоги подводить пока рано. Но то, что Детский фонд чрезвычайно необходим, это бесспорно. Миллионы советских людей поддержали его, в первую очередь материально.

В течение года на средства Фонда в детские дома направлено 230 автобусов, грузовых и легковых автомобилей. Оказывается материальная помощь многодетным семьям. Больше стало воспитателей в домах ребенка, теперь здесь в каждой группе не более десяти детей. Организованы медицинские десанты в республики Средней Азии и Казахстан, в Читинскую область. Именно там дети особенно нуждаются в квалифицированной врачебной помощи. Скажем откровеннее: речь идет о спасении детских жизней.

Создан «народный книжный банк» для воспитанников детских домов и многодетных семей. Принято решение о строительстве детских городков — своеобразных детских домов семейного типа. В них будут жить дети разного возраста, и обстановка в них, мы надеемся, будет приближаться к той, что существует в нормальных семьях.

Взрослые стремятся не только материально помочь детям: они заботятся также об их духовном, нравственном развитии. Лучшие художники дарят Фонду свои картины. Ведущие театры, начиная с Большого, дают бесплатные концерты для воспитанников детских домов и школ-интернатов. Стало больше друзей и у юных спортсменов.

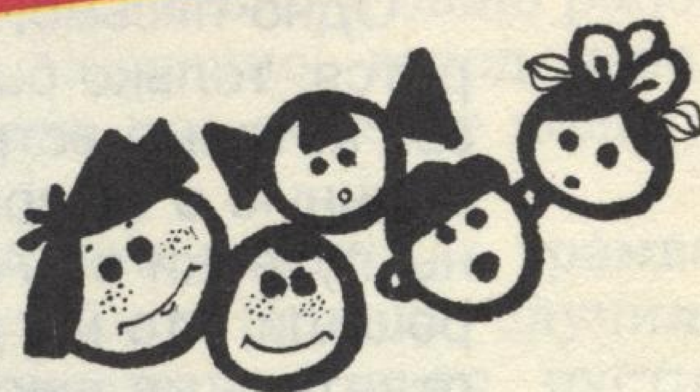
— А есть ли за рубежом организации, подобные нашему Дет-

Недавно у Детского фонда появилась эмблема: дети на фоне защищающей их ладони взрослого. Ее придумал художник Высокогорского механического завода из Нижнего Тагила Владимир Черепанов, который победил в конкурсе на лучшую эмблему Фонда.

Есть идея: совместными усилиями собрать средства на строительство лагеря или санатория для детей-инвалидов.

В 1987 году в детских домах, домах ребенка и школах-интернатах воспитывалось 320 тысяч детей.

707

За год на специальный счет 707 Советского детского фонда имени В. И. Ленина в Госбанке СССР поступило более 190 миллионов рублей, на счет 7070 во Внешторгбанке СССР — свыше двухсот тысяч рублей в иностранной валюте.

В СССР около 70 миллионов детей. В яслях на одного ребенка государство расходует в год более шестисот рублей, в детских садах — более пятисот и в школах — свыше двухсот рублей.

скому фонду?

— Есть, и довольно много. Более четырех десятилетий существует ЮНИСЕФ — Детский фонд Организации Объединенных Наций. После второй мировой войны он много помогал детям Европы, пострадавшим от фашистской агрессии, сейчас направляет медикаменты, школьное оборудование, продовольствие детям развивающихся стран. А главное — борется за снижение детской смертности, которая еще довольно высока в этих странах. С 1985 года действует Всемирная ассоциация помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Есть международная организация «СОС — детские деревни», у которой более семисот пятидесяти детских городков в 90 странах. Немало национальных благотворительных организаций оказывают помощь детям других государств.

Мы изучаем зарубежный опыт, участвуем в международных конференциях. В марте в США побывала делегация Советского детского фонда во главе с его председателем писателем Альбертом Лихановым. Там проходила конференция «Помощь детям и молодежи», на которую съехались представители тридцати девяти стран. Не так давно наши делегации выезжали в Улан-Батор в связи с 15-летием «Детского фонда Монголии», в Болгарию — на IV Международную ассамблею «Знамя мира».

— Когда создавался Фонд, в его Уставе было записано, что он будет помогать укреплять дружбу между детьми разных стран, а также помогать детям, страдающим от вооруженной агрессии, стихийных бедствий...

— Мы за развитие детских контактов. И кое-что удалось сделать в этом направлении. В июле — августе мы впервые направили в ГДР туристскую группу, в которую включили несколько многодетных семей — детей и их родителей. В августе по «Спутнику» побывали за рубежом ребята из школы-интерната № 1 города Сыктывкара и детских домов Коми АССР.

В наших планах — оказание помощи детям-сиротам Афганистана, Никарагуа, Эфиопии. Но для этого нам потребуется валюта. Недавно еженедельник «Семья» напечатал данные о поступлениях на счет 7070. Шиллинги, марки, кроны, левы, доллары, франки... В первую очередь это добровольные взносы советских граждан, работающих за границей — в посольствах, в международных организациях, на строительстве различных объектов. Есть переводы и от зарубежных граждан. Но мы и сами будем зарабатывать валюту. Вот собираемся направить в Соединенные Штаты детский художественный коллектив для участия в благотворительных концертах. Есть у нас приглашение и из Японии.

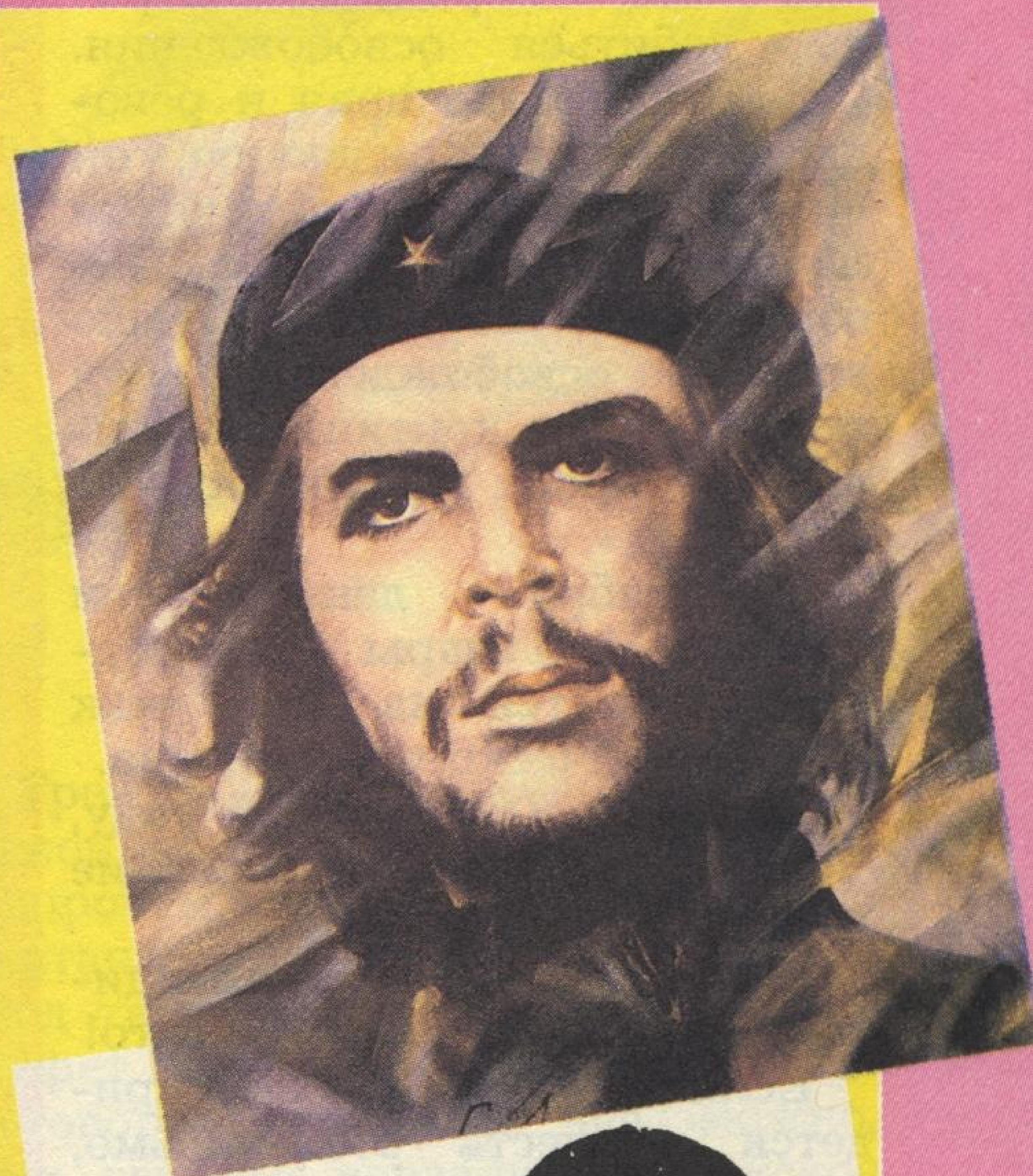
Интересный благотворительный проект предложил чемпион мира по шахматам, президент Всемирной ассоциации гроссмейстеров, активист Детского фонда Гарри Каспаров — провести в декабре 1988 года в одной из западноевропейских стран суперматч между гроссмейстерами СССР и сборной мира. А средства, вырученные от этого предприятия, передать ЮНИСЕФ и Советскому детскому фонду.

— В почте «Пионера» часто встречаются упоминания о перечислении денег в Детский фонд. Недавно кидовцы Крымского Дворца пионеров устроили ярмарку, где продавались поделки ребят, и двести рублей потом передали Детскому фонду...

— Да, таких примеров много. Ярмарка прошла также в 1136-й московской школе: на счет фонда поступила тысяча рублей. Восемьсот тридцать два рубля перечислили ученики школы № 8 города Каменск-Шахтинский Ростовской области. Это очень важно — стремиться своим трудом помочь сверстникам.

Мы бы хотели, чтобы ребята чаще вспоминали о тех, кто нуждается в помощи взрослых и детей. Пионерскому отряду под силу смастерить песочницы в дошкольном детском доме или присмотреть за малышами в многодетной семье. Каждый может внести свой вклад в «Народный книжный банк», передав прочитанные книги в детские дома. А что, если взяться и всем миром построить лагерь или санаторий для детей-инвалидов? В кружках изготовить игрушки, пошить наволочки и т. д. А деньги на строительство заработать во время летних каникул. Ведь в лагеря — пионерские, труда и отдыха — ежегодно выезжает около двадцати миллионов ребят. Если каждый заработает хотя бы пятьдесят копеек, наберется необходимая сумма для сооружения санатория.

Поднимающие знамя

Человек-легенда

Его полное имя Эрнесто Гевара де ла Серна. Но миллионам людей он стал известен как Че, и этот возглас, который часто встречается в речи аргентинцев и служит для выражения радости, восхищения, боли, давно уже вошел неотъемлемой частью в его настоящее имя.

Че родился и вырос в Аргентине. Впервые вступил в вооруженную схватку с империализмом в Гватемале. Был активным участником Кубинской революции и одним из тех, кто закладывал основы социалистической Кубы.

14 июня 1988 года ему исполнилось бы 60 лет. Но он погиб двадцать один год назад в джунглях Боливии, куда его

привела вера в то, что он может помочь народу этой страны добиться освобождения. По образованию врач и революционер по призванию, он чувствовал себя патриотом Латинской Америки и сам говорил, что «готов отдать свою жизнь за освобождение любой страны» этого континента, «ничего не прося взамен, ничего не требуя».

8 октября — день гибели Эрнесто Че Гевары — ежегодно отмечается на Кубе как День героического партизана.

Покидая Кубу в 1965 году, Че писал в прощальном письме детям:

«Дорогие Ильдита, Алейдита, Камило, Селия и Эрнесто!

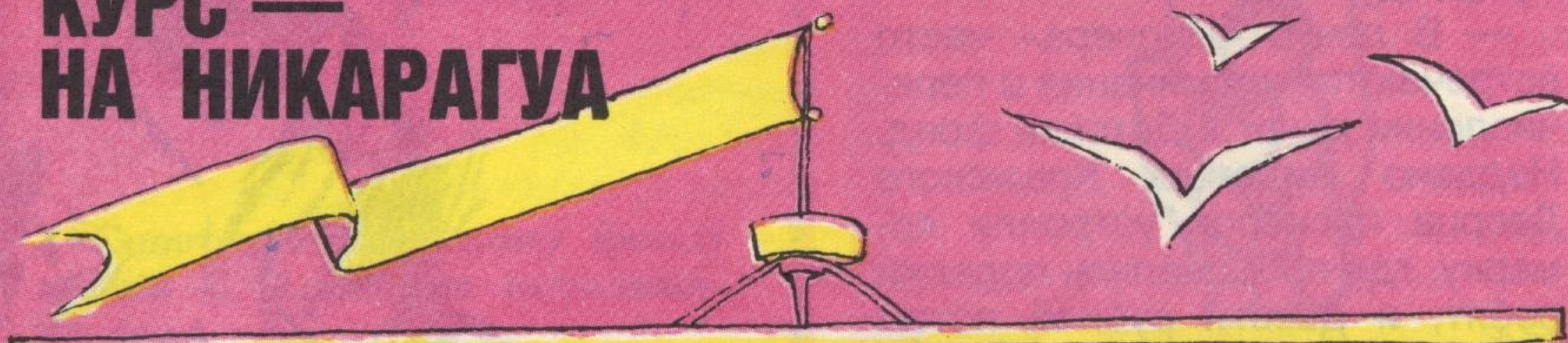
Если когда-нибудь вам придется прочесть это письмо, то случится это потому, что меня уже не будет с вами...

Ваш отец был человеком, чьи слова не расходились с поступками, и, с уверенностью скажу, я всегда был верен своим убеждениям.

Растите настоящими революционерами. Учитесь упорно, чтобы овладеть наукой... Помните, что революция — это дело большой важности и что каждый из нас в одиночку мало что значит. Прежде всего будьте непримиримы ко всякого рода несправедливостям, в какой бы части света они ни совершались...»

Дети Гевары давно стали взрослыми. Они верны заветам своего легендарного отца. Его заветам верны и сотни тысяч кубинских пионеров, которые избрали своим девизом «Будем как Че!».

КУРС — НА НИКАРАГУА

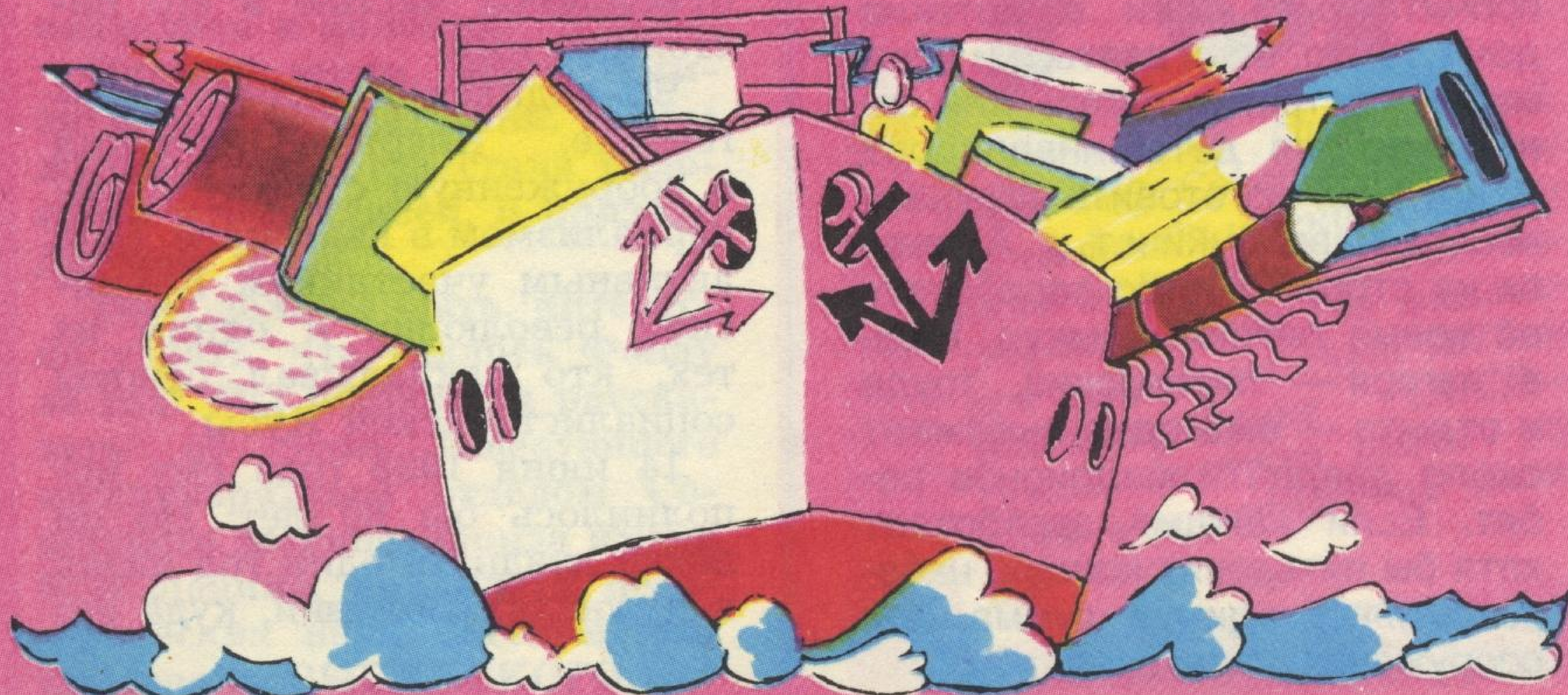

№ 700409. Это счет пионерской солидарности в Госбанке СССР. Наверное, он знаком тебе, если ты внимательно читал февральский выпуск «Планеты детей». А может, ты и сам успел внести свою лепту в фонд помощи детским организациям развивающихся стран. Ведь на этом счету уже более пятидесяти тысяч рублей. Первые взносы поступили от пионеров города Чугуева Харьковской области, сел Уян Иркутской области и Новый Шагонар Тувинской АССР, нескольких московских школ. Счет пионерской солидарности начал действовать!

В октябре из ленинградского порта отправится корабль солидарности к берегам Никарагуа. Он организован Советским комитетом солидарности с народами Латинской Америки совместно с Фондом мира и Красным Крестом. В сборе средств участвовали и пионеры.

На борту корабля — тракторы и машины, палатки и медикаменты, ткани и школьные принадлежности.

Впервые корабль солидарности организован совместно с общественностью других социалистических стран. Венгрия направляет никарагуанским детям медикаменты, Чехословакия — обувь, Польша — сгущенное молоко.

Почта «ПЛАНЕТЫ»

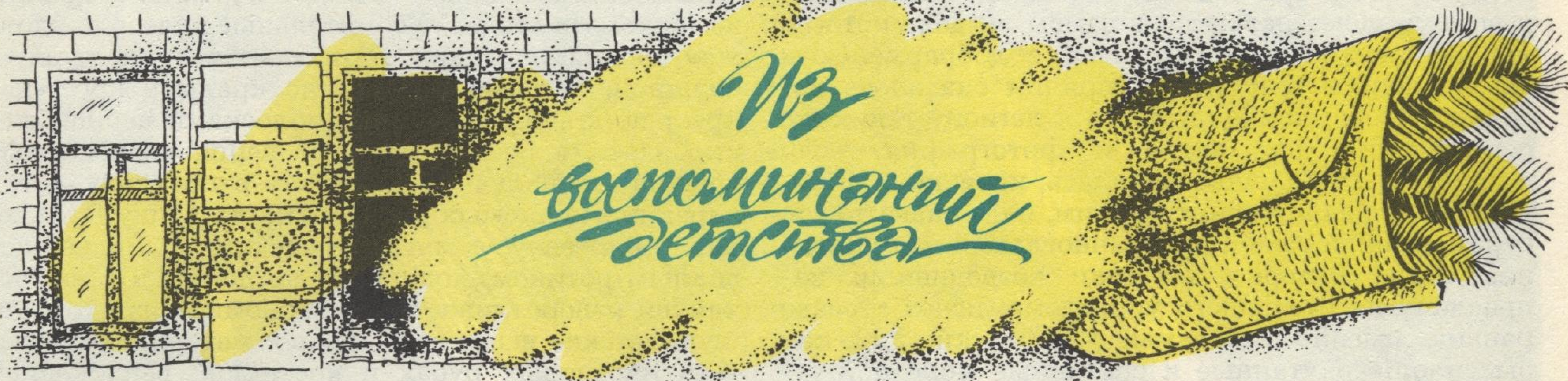
ПОМОГИТЕ СВЕТЛАНЕ!

«Помогите мне! — с отчаянием написала нам Светлана Харламова из Львова. Оказывается, ее адрес напечатали в газете польских харцеров, и со всей Польши стали приходить письма от ребят, которые хотят переписываться с советскими мальчиками и девочками.

«У меня,— пишет Светлана,— уже более восьми тысяч адресов детей десяти — семнадцати лет. Пусть ребята, которые хотят иметь друзей в Польше, напишут мне, укажут свой возраст и вышлют чистый конверт. Мой адрес: УССР, г. Львов-290021, ул. М. Рыбалко, 37/4, Харламовой Светлане».

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ЕЛКА

Вечером приходила мама, приносила нечто плоское, завернутое в мешковину, я знаю — ЧТО, но говорить об этом нельзя, это — страшное, о котором знают и не говорят, страшное, к которому тянет и которое в себе хранят,— как мертвец с гвоздем во лбу, привязанный к мачте корабля, из сказки Гауфа, как та картинка в старом однотомнике Лермонтова (красный переплет, золотое тиснение): перелистывая страницы, я спешу к этой картинке с замирающим сердцем и, взглянув, тотчас судорожно листаю дальше, но уже увидена и схвачена взглядом, памятью, манящая и невыносимо пугающая: Тамара в гробу (я потом узнаю, что это — Врубель). Манящее и страшное там, в мешковине, хочу ЭТОГО и боюсь, за это маму могут в тюрьму посадить, в каменную темницу с зарешеченным окошком под потолком, в такую темницу белые сажали красных, но тут-то мысли сбиваются и путаются, потому что мама за красных, конечно, она была на гражданской войне и даже видела Чапаева; папе за это тоже не поздоровится: выгонят с работы и тогда непременно отнимут у него сверкающие никелем карманные часы с витиеватой вязью «Ударнику» на задней крышке,— часы эти чуть ли не в первый же день остановились и, похоже, навсегда, но торжественно лежат на туалетном столике, гордо именуемом в семействе «трельяж», хотя зеркало было только одно, небольшое и круглое, соединенное с двумя маленькими выдвижными ящичками, в которых лежали мамины бусы из розовых коралловых шариков и другие, из мелкого, как икра, жемчуга, а также пересыпанные табаком и бисером (куда теперь девался бисер?) пуговицы, огрызки карандашей, рецепты с расплывшимися чернилами, написанные сиреневыми буквами на пожелтевших бумажках счета за квартиру.

Хочу увидеть то, что в мешковине,— и страшусь. Белые злобствуют, вот только что убили Кирова, газеты вышли с широкой черной полосой по краю страниц, за окном ветер раздувал на домах красные с черной каймой полотнища, по радио с утра и до вечера играли похоронные марши и рассказывали о похоронах, у меня на подоконнике, месте моих игр и занятий, любимый оловянный солдатик лежал в спичечном коробке, поставленном на постамент, сооруженный из книги, покрытой темно-красной бархатной тряпицей, по краям постамента стояли четыре других солдатика, «почетный караул»; я, кажется, только тогда и узнал все эти странные порознь и еще более в сочетании слова — «на смертном одре» — на верху газетного листа улыбающийся человек в гимнастерке, внизу он же на столе, со сложенными на груди руками — «на смертном одре». Тревога и предчувствие дрожали в моей младенческой душе, пораженной неведением, таким же, впрочем, каким было поражено большинство обкатанных опытом взрослых душ; высидеть дома под тягучие звуки, текшие из поставленного на буфет черного плоского конуса бумажного громкоговорителя, было невозможно, траурные мелодии глубоко вонзались в детское «я», еще не начавшее привыкать к неизбежности, я выбежал во двор, ощутимо безлюдный и гулко продуваемый ветром, и, проскочив его, оказался у ворот, где несколько сгрудившихся людей молча смотрели, как дворник дядя Костя по фамилии Афанасьев, окликаемый жильцами просто именем Афанасий, взобравшись на некрашеную деревянную лесенку, поправляет в кольцах над воротами спутанные ветром красно-черные флаги; лица людей были замкнуты, и от этого волнение души сделалось совсем нестерпимым. По улице прошел отряд красноармейцев в остроконечных шлемах и длинных шинелях. Туманное морозное утро, серая улица, серый, как бы застывший в каждый миг своего движения отряд,— потом все это осталось в памяти высеченным из гранита барельефом на серой стене противоположного дома.

Бежали короткие декабрьские дни, но тревога не отпускала, маленькое сердчишко затягиваемой пружиной все крепче сводили напряжение и страх, точно выстрел, убийство, острая весть не позади, а еще впереди; по двору опасливо метались странные обрывки слухов, помощник Афанасия, худой малый с белой паклей волос и прозрачными водянистыми глазами, с ввалившимися щеками, всегда вымазанными, как у трубочиста, сажей, имени которого никто не знал, потому что все называли его не иначе как Ляля, Ляля этот на диком своем наречии, почти сплошь состоявшем из матерных корней, к которым он ловко прибавлял обильные в русском языке приставки и суффиксы, отчего общий смысл речи становился вполне понятен, этот Ляля вдруг открыл заливавшим на дворовой площадке каток детям и подросткам постарше, что домоуправ Иван Михайлович, суетливый человек в темно-синем полувоенном костюме и высоких хорошо начищенных сапогах, совершенно точно белогвардейский офицер и что он, Ляля, призванный в домоуправову квартиру для передвижки мебели, сам видел на полу случайно оброненную фотографию, запечатлевшую Ивана Михайловича не с кем-нибудь, а с генералом Деникиным; откуда наш Ляля, подобранный Афанасием в асфальтовом котле и водворенный для проживания на верстак в дворницкой, был осведомлен о внешности Антона Ивановича

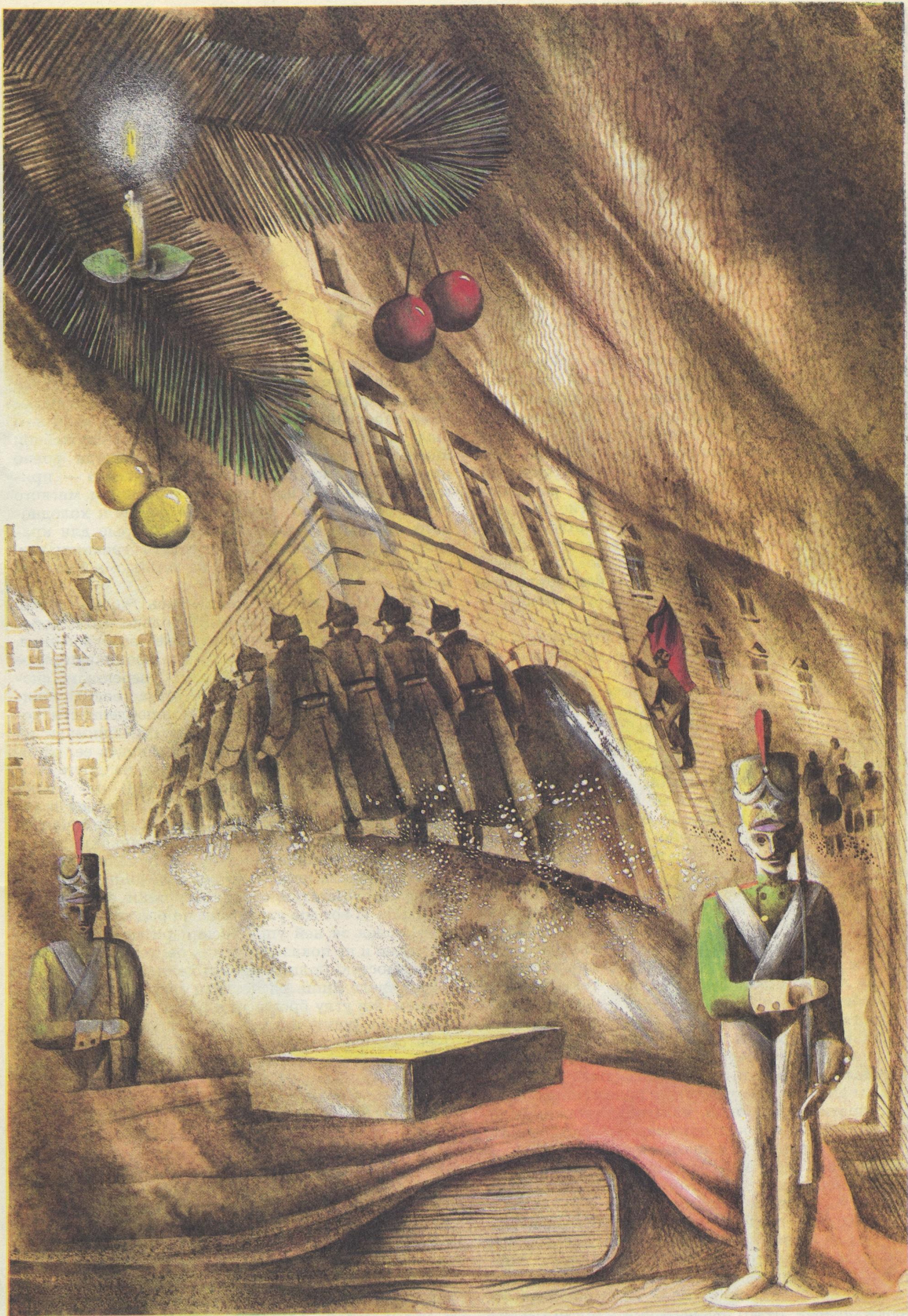
Деникина, и по сей день остается для меня тайной. Впрочем, три года спустя Иван Михайлович и впрямь исчез навсегда; в самом ли деле потому, что неосмотрительно якшался с добрармейским командующим или других причин оказалось довольно, чтобы причислить его к легиону таких же исчезнувших, бог весть, и фотография, если и правда была, давно затерялась, конечно, в архивах, но, чтобы покончить с этим, надо сказать, что перемазанный сажей прозрачноглазый матершинник Ляля, наверно, все-таки возводивший напраслину на суетливого управдома, исчез гораздо раньше, именно в те самые декабрьские дни, как бы сплошь окутанные и спутанные морозной туманной дымкой, о которых речь,— то ли сам ушел, почувствовав некое предназначение, то ли помогла ему прицепившаяся к его дурным мятым губам, обнажавшим в кривой улыбке черные корешки зубов, охотно исполняемая им вполголоса частушка, в которой среди всяческого рифмованного сквернословия выстреливало вдруг такое имя, что и нам, детям, понять было невозможно, как язык поворачивался произнести.

Но вот уже и моя няня, крепкая, толстая старуха, целый день попивавшая чаек из огромной фарфоровой чашки с розой на боку, немногословная и дававшая некоторую волю языку лишь изредка, когда, прихлебывая из своей чашки, пускалась в спор с черной тарелкой радиорепродуктора, уличая его в неточностях или неполном знании освещаемой темы, вот и няня моя изрекла вдруг, что дядя Рубен, дальний знакомый моих родителей, приходивший в дом с близкими их знакомыми, черноусый человек в военном френче, галифе и ярко-желтых крагах, который приводил меня в восторг тем, что непременно затевал со мной французскую борьбу и, когда я был повержен, скручен по рукам и ногам, доставал из кармана спичечный коробок и зажигал извлеченную из него спичку не о серную терочку на боку коробка, а о подошву моего ботинка, зажигал и закуривал в ознаменование своей победы папиросу, что дядя Рубен тоже белый офицер. И в тот же декабрь мой собственный дядя, младший брат моей матери, через три года сгоревший от скоротечной чахотки, после того, как его жена, кассирша в москательной лавке, уйдя однажды на работу, не вернулась никогда, дядя мой, счетовод-самоучка, приехавший не то в командировку, не то в отпуск из Сибири в Москву, обнаружил в томе старого энциклопедического словаря, приблудившемся у нас в книжном шкафу, таблицу «Флаги государств», а на ней изображение трехцветного флага Российской империи и объявил, что такое в доме держать нельзя, требовал немедленного сожжения если не всей книги, то по крайней мере крамольной таблицы и успокоился лишь после того, как залил трехцветную, сине-бело-красную картинку толстым слоем черной туши.

И вот в такой-то декабрь, как всякий год, появляется в доме это тайное и манящее, завернутое в мешковину и ни с чем не сравнимо из глубины мешковины пахнущее. ЭТО несут в запроходную комнату, где в углу прижалась и моя маленькая кровать, и после нового напоминания, что только проговорись — маму в тюрьму, а папу с работы, наконец разворачивают. Там, в мешковине,— еловая ветка, плоская, пушистая еловая лапа; оказавшись на свободе, она встряхивается и расправляется, пошевеливаясь; суровой ниткой ветку пришивают к коврику над моей кроватью — на серой холстине аппликация: белая в коричневых пятнах собака, поджав переднюю лапу, стоит в высоких камышах — копия с картины художника Мако «На стойке». Томительные чудеса продолжаются: мама и няня открывают в кухне сундук, большой, зеленый, обитый по краям и крест-накрест по крышке и бортам полосками черной жести, здесь, в сундуке, старые вещи, извлекаемые обычно с появлением Тютельки-в-тютельку — так нарекли в знакомых семействах старушку Пульхерию Андреевну, с мягкими щеками и маленьким впалым ротиком, ходившую по домам и с необычайной изворотливостью и экономией изготовлявшую детские вещи из ношеных материнских платьев и отцовых рубах и костюмов; выражением «Тютелька-в-тютельку» старушка определяла качество своей тщательной, изощренной выдумками голи рукодельной работы (Пульхерия Андреевна прославилась еще и тем, что во всех домах, где приходилось ей шить, приучала детей к любимому своему блюду — сладкой пшенной каше, которую до́лжно было есть непременно с хлебом, что, согласимся, при суровостях карточной и пайковой системы было весьма разумно). Из сундука достаются какие-то бабушкины дошки, мамины кофты, папины сорочки с пожелтевшими, как от никотина, пуговицами и отстегнутыми воротниками (воротники разных цветов, перехваченные старым галстуком, лежат отдельно). Каждую вещь мама с няней разворачивают, встряхивая, и, подняв перед собой за плечи, долго исследуют, рассуждая вслух о возможностях дальнейшего ее употребления; наконец, откуда-то с самого дна извлекается прямоугольная жестяная коробка, голубая, с золотой надписью «Халва», из нее вынимают чудом уцелевшие в перипетиях лет елочные игрушки — несколько красных и желтых деревянных вишенок, попарно, по две ягоды, дрожащих на проволочных рогульках-черенках, и зеленые маленькие подсвечники в виде сложенных жестяных лепестков на резной по краю тарелочке с острым шипом на другой стороне — шип втыкают в еловую ветку.

На дворе уже совсем поздно — вишенки подвешены, и подсвечники воткнуты в смолистое дерево, и затеплились в них коротенькие обрезки розовых и желтых свечей, принесенных няней из церкви,— это тоже тайна, конечно, потому что церкви, попы, елки — от белых и в газетах пишут про враждебные вылазки с елками. Папа входит в комнату с газетой в руке, снятое пенсне (на переносице по обе стороны красновато-синие вмятины) он цепляет на палец, смотрит на еловую ветку, на дрожащие вишенки и колеблющиеся огоньки свечей, смотрит на окно, тщательно завешенное, на часы с надписью «Ударнику», торжественно красующиеся на туалетном столике, и говорит мне, маме, няне: «С ума вы схо́дите!..» Но я вижу, что ему нравится.

А следом непременно встает в памяти первая разрешенная елка — тридцать шестого года. Разрешение явилось нежданно-негаданно, под самый Новый год, и вся страна бросилась делать игрушки — фабричные в тот первый год не поспели. В школах, клубах, квартирах после работы, после уроков собирались дети, взрослые, клеили из цветной бумаги фигурки, цепи, резали бахрому, серебрили грецкие орехи (потом в едва заметную дырочку в верхней части ореха, там, где смыкаются половинки, вводили примерочную булавку с петелькой, сквозь которую продевали нитку, чтобы привязывать орехи к ветвям елки, такую же нитку привязывали к пронзенным спичкой мандари-

нам, к конфетам, ко всему, что только можно было повесить на елку): из запрета, преследования елки в мановение ока превратились в государственную кампанию, и артистка Рина Зеленая, прославившая себя тем, что передавала детскую речь, какой она представляется взрослым и тешит их, ежедневно читала по радио один и тот же написанный кем-то к случаю уморительно смешной монолог затасканного по елочным праздникам ребенка.

Как хорошо никого не бояться!.. У нас дома елка — до потолка, и занавески на окнах — настежь; вдруг выясняется, что папа умеет делать из цветной бумаги множество великолепных вещей; снимая время от времени пенсне и потирая пальцами мятую переносицу, он изготовляет разноцветные китайские бумажные фонарики в виде гофрированных шаров и цилиндров, мы же с мамой лепим из обрезков фантастических рыб и попугаев. Придя с работы, папа, улыбаясь и подмигивая мне, достает из кармана красивый глянцевый билет с изображенной на нем пестрой украшенной елкой — это меня приглашают на папину работу, там у них елка для детей сотрудников; и мама тоже приносит с работы глянцевый, пестрый билет, и тоже улыбается, и даже громко смеется.

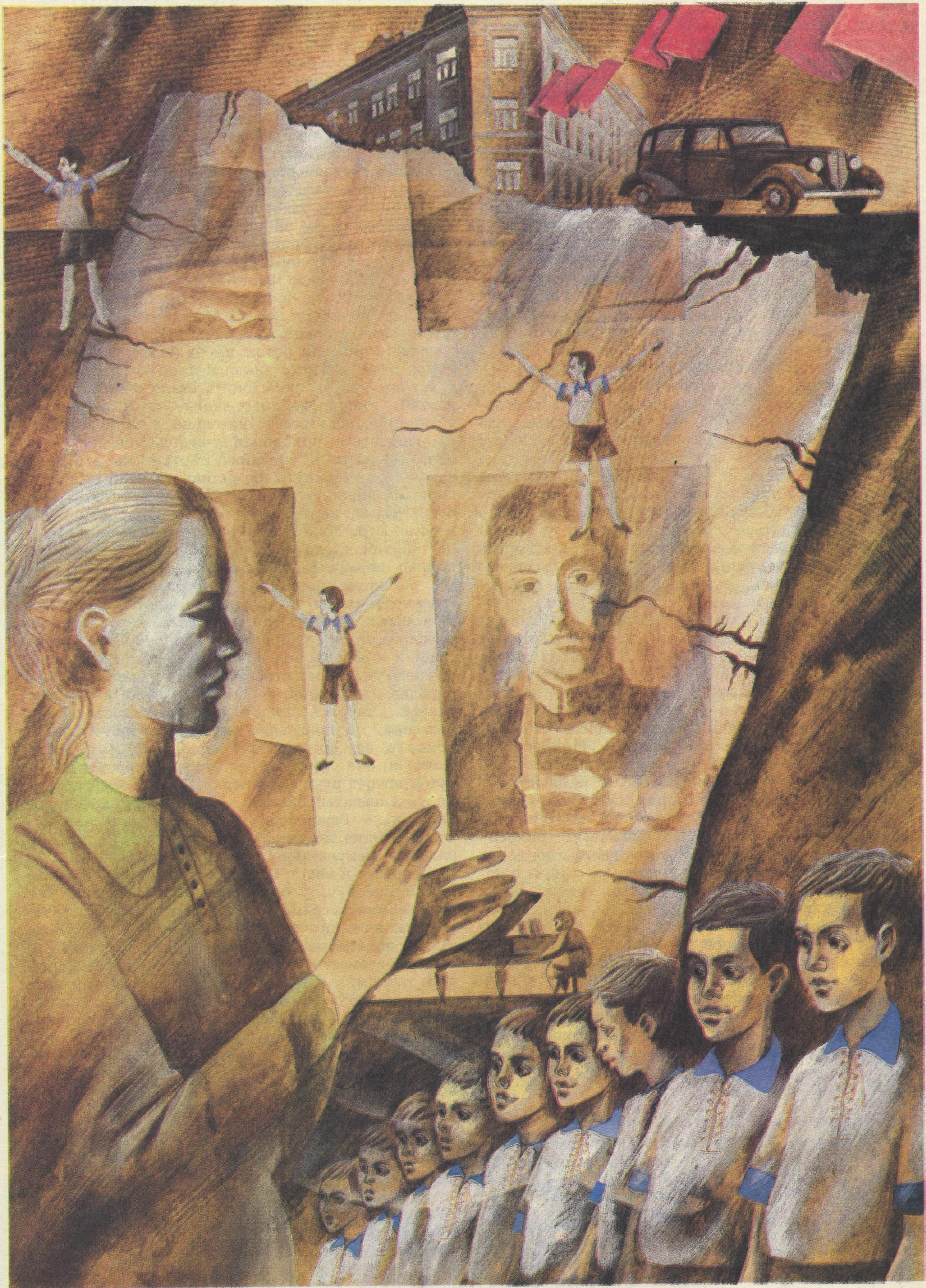
РИТМИКА

Мы собирались в домовом клубе два или три раза в неделю, впрочем, счет дням тогда велся не на недели — пятидневки, шестидневки, теперь кажется, что собирались мы в клубе гораздо чаще — почти каждый день. Тогда была в моде ритмика, детище швейцарца Жак-Далькроза, мечтавшего с помощью системы гимнастических упражнений и физических занятий развивать слух и голос, музыкальное восприятие и музыкальную память,— тогда это очень шло к делу, к идее всеобщности, всехности: все движутся, разводят руками, нагибаются, приседают, все становятся певцами, музыкантами, исполнителями и композиторами,— долой исключительность! — непременно все.

Рядом с ритмикой жил в клубе шумовой оркестр — и мы все оркестранты! — теперь для потомков даже и не «звук пустой», просто ничто; а ведь сколько шуму производили эти шумовые оркестры — имени и то не осталось. Листаю энциклопедии — нет их, умерли, забыты, точно и не было, а ведь были, были,— мысль, что все возможно и доступно всем, тогда энергично в мозгах вращалась. В самом ли деле необходимо иметь какой-то особенный талант, нечто не всем равно данное, чтобы заниматься музыкой? И вот вам шумовой оркестр — барабаны, бубны, никелированные треугольники, на которых даже не слишком битый заяц научался выстукивать ритм, и главный инструмент — мирлитон (так запомнилось мне его имя, а в словарях не найти), красная деревянная трубочка со вделанной в нее пленкой, в трубочку не дули, а тихо гудели мотив, принцип создания музыки тот же, что у гребешка с приложенным к нему листком папиросной бумаги, такие гребешки в составе оркестра тоже были — для тех, кому не достался мирлитон.

Мы собирались в большом прохладном зале, заполненном светом, яростно врывавшимся в помещение и справа и слева сквозь пять пар длинных, горизонтальных, словно положенных набок друг против друга окон, наш шестиэтажный дом возвышался тогда над приземистыми строениями старинной улицы, за окнами и направо и налево раскинулось небо. Мы сбрасывали верхнюю одежду и оставались в майках-футболках, белых с голубым воротником и манжетами на рукавах, со шнуровкой на груди, в черных сатиновых трусах, и тут из-за кулис, из таинственной служебной комнаты, где в углу стояли свернутые флаги с сияющими копьевидными наконечниками, где на полу стояло три больших бюста — позолоченный, белый и черный, будто отливающий машинным маслом, где полки были заняты красными скатертями, графинами, пионерскими горнами, победными кубками физкультурников, бутафорскими предметами взрослой самодеятельности и куда вход нам был заказан,— оттуда, из волшебной служебной комнаты, появлялась миловидная, всегда ровно приветливая женщина Вера Николаевна — прямой правильный нос, правильные линии мягкого рта, светлые глаза, почти немигающие и холодновато-наивные; светлые волосы, которые для красоты слога можно бы окрестить гречишными, гладко зачесаны и собраны на затылке в большой пучок.

Вера Николаевна появлялась приветливая, яркий румянец — всегда будто только что с мороза, улыбчивая и отчасти даже возбужденная, и вместе с каким-то до самого дна проникавшим ее и распространявшимся вокруг уверенным спокойствием в нас ее появление тотчас воспламеняло чувство первой неосознанной влюбленности, девочки жались к ее длинным ногам, обнимали их и терлись о них, мальчики, едва завидев ее, начинали орать, злобно бросаться друг на друга, попросту носиться, вытаращив глаза, от стенки к стенке, рискуя не рассчитать и разбиться в лепешку. Но Вера Николаевна, как бы не замечая ни наших ласк, ни безумства нашего, никаких иных усилий для установления порядка не прилагала, только хлопала несколько раз в ладоши и говорила звучно: «Встать в строй, товарищи, а ну, встать в строй!» И вот мы уже стоим по ранжиру и повторяем вслед за ней упражнения ритмики, которые она даже и не показывает, как бы только намечает с видимостью полной отдачи движению, но на самом-то деле лишь расчетливо точным его обозначением, а в углу бренчит на рояле (не на мирлитоне все же гудит) аккомпаниаторша, толстая, аляповато ярко одетая и ярко раскрашенная дама Мальвина, что само по себе смешно, а после вышедшей как раз в ту пору, жадно читаемой и перечитываемой книжки про Буратино и Золотой Ключик, уже немыслимо смешно, и до того как Вера Николаевна возникнет на пороге служебной комнаты, мы крутимся вокруг рояля и распеваем: «Мальвина — душечка, Мальвина — красный помидор!» — это намек на ее толстые крашеные щеки, но она то ли не слышит, то ли не понимает, лишь вяло улыбается, пытаясь урезонить нас, и басит: «Дети, хотите я сыграю вам арию Гремина из оперы Чайковского «Евгений Онегин»?...» — где там «Мальвина — душечка!» — но раз, два, три звенят хлопки Веры Николаевны — и мы в строю, стараемся изо всех сил, разво-

дим в стороны ручонки, и нагибаемся, и приседаем, а ну, кто больше — раз и два и три...

А впереди самое интересное — недаром, обтягивая картонную форму черной тканью, родители изготовляли мальчикам каскетки, высокие — кивером — фуражки, недаром сочиняли им из коленкора черные перчатки с крагами до локтей, недаром искали для них лягушачьи очки автомобилистов — «консервы», недаром девочкам шили тесные, уголком над переносицей шапочки из черной материи и ту же материю натягивали на проволочные каркасы, получая раздвоенные птичьи хвостики,— ритмика заканчивалась игрой «Автомобили и ласточки»: мальчики в каскетках, крагах и больших ветрозащитных очках — «консервах» были шоферы (тогда чаще произносили «шо́ффер», «шоффера́»), мы мчались по залу на наших машинах — руки перед собой, как бы на руле, а стайка девочек-ласточек при нашем приближении перепархивала все дальше и дальше.

Где ты, чудо автомобиля! Вот уже и восьмилетний школьник, зажав в потной ручонке рублевку, ловит утром такси, чтобы не опоздать в свою отдаленную от дома спецшколу с преподаванием ряда предметов на иностранном языке. Он не поднимет голову, заслышав в небе гул самолета, как я до сих пор поднимаю, не побежит, как мы в детстве бегали, на отстоящий так, казалось, далеко от снятой на лето хибарки-дачи откос, чтобы долго ждать и дождаться пробегающего внизу поезда и еще издали угадывать тип паровоза, каждый из которых имел еще и особенное прозвище: «Овечка», «Щука», «Сапожок» — иногда я вижу паровозы, проносясь мимо сортировочных и узловых станций; они стоят на запасных путях, полуразвалившиеся, с забитыми досками дверями и окнами, чтобы не пакостили в них случайные прохожие. А автомобиль — «форд» или «газик» с брезентовым верхом! Забраться в него — величайшее счастье. Отец моего друга детства, врач в ответственной поликлинике, назначенный дежурить на праздники, 7 Ноября или 1 Мая, берет на заднее сиденье нас, мальчуганов, отправляясь по вызовам на дом к важным своим пациентам,— какое украшение великого праздника! Или — счастливые будни: озабоченный комдив, заскочив под вечер домой пообедать, приказывает шоферу («шо́фферу») прокатить нас по двору, до ворот и обратно на открытом «линкольне» с никелированной собачкой, вытянувшейся в стремительном беге на пробке радиатора,— где ты, «линкольн», темно-синий, с кофейно-коричневой кожей подушек, где ты, худощавый комдив, с голубым, без кровинки лицом и рыжеватыми усиками под тонким нависшим носом?..

Но для нас и беготня на своих двоих, лишь бы руки перед собой, как бы сложенные на руле,— радость: мчимся по залу, очертя голову, гудим, тарахтим губами; но «Автомобили и ласточки» не конец занятия, конец — это снова строй, и у каждого в руках барабан, или бубен, или сверкающий треугольник, или, главное, мирлитон: мы превращались в шумовой оркестр и маршировали, выравнивая дыхание, вокруг зала, гудя и выстукивая «Наш паровоз, вперед лети», а потом «Турецкий марш» Моцарта.

В клубе, как водилось, был красный уголок — в точном значении слова, ныне утраченном: не комната с телевизором у стены, газетами и журналами на длинном столе посредине, а именно красный угол — угол, где некогда полагалось бы висеть иконам, теперь же на алом кумачовом полотнище, натянутом в деревянной багетовой рамке, здесь приклеены были портреты вождей — полтора-два десятка глянцевых черно-белых открыток-фотографий усатых по большей части (хотя и с бородками попадались, и вовсе с гладкими лицами) людей в гимнастерках, френчах, пиджаках поверх сорочек или косовороток, имена их были на слуху, и мы, дети, каждого знали в лицо — вожди!..

Но вот что-то происходить стало с нашими вождями, имена, величественные и незыблемые, стали произноситься осудительно, а чаще вовсе не произноситься, школьная учительница командовала заклеить в учебнике портрет на странице такой-то, зачеркнуть фамилию, да чтоб не видно было, помойки по утрам заполнены были книгами, открытками, картинками с теми же портретами, и наша Вера Николаевна время от времени в конце занятий, когда «Турецкий марш» был уже исполнен, оставляла нас стоять в молчаливом, всеми детскими потрохами чувствовавшем ответственность момента строю, сама же, твердо ступая длинными ногами, направлялась к полотнищу красного уголка, сдирала одну из открыток-фотографий и возвращалась к нам, и, когда она снова оказывалась перед строем, в руке у нее была сковородка на длинной деревянной ручке и коробок спичек. Стараясь придать более жесткости линии рта, она, не показывая нам лица фотографии, комкала ее, бросала на сковородку и чиркала спичкой; она стояла перед строем, держа в вытянутой вперед руке сковородку, над которой поднимался синеватый дымок. «Все, товарищи,— говорила она. — Разойдись!» И мы расходились, понуро (в течение тех нескольких минут, пока детская радость непрестанного постижения жизни не возобладает в нас) и не ластясь к ней. На красном полотнище в углу оставалась прямоугольная белая каемка засохшего клея, а когда мы шумно сбегали вниз по лестнице с шестого — клубного этажа, навстречу нам взбирались наши родители: тогда повсеместно шло всеобщее обучение западным танцам, и те, кому завтра предстояло превратиться в пустую каемочку без имени и лица, старательно учились выделывать ногами па фокстрота, румбы и вальса-бостона «Монтерей» и «Под крышами Парижа».

Рисунки И. ПАНКОВА.

Елена МОКРОУСОВА, 10 лет.
«МОЯ СЕМЬЯ».

Косте РУБИНСКОМУ 12 лет, живет он в Челябинске, учится в 6 «А» классе школы № 138. Стихи и сказки Костя сочиняет с шести лет.

ПРОФЕССИЯ

Кому — писать стихи,
кому — склевать три крошки
музыкальных,
кому — печь хлеб
в смеющейся печи,
в которой пламя,
пламя, пламя, пламя...

А мне —
с утра глядеть:
земля моя вполне ли расцвела?
И собирать пузатенький крыжовник...
И скажет мне
цветок или пчела:
«Привет, садовник».

* * *

Из травы
видно
строенье.
Дом не дом...
Стихотворенье!
Что, из бревен?
Нет, из ветра!
Легкотою
в сотни метров.
Чьих же рук
оно,—
творенье,—
на траве
стихотворенье?
Кто сложил его?
Друзья:
воздух,
звезды,
ветер,
я!

ВОЕННАЯ ОСЕНЬ

Сухой шиповник постучал в окно.
Старуха оглянулась. Как давно...
Дождь заблудился в темных берегах,
Дремало сено в глянцевых стогах.

А сына нет. Когда он постучит?
И только ворон тяжело кричит.

* * *

На тарелке яблоко скучает.
Астра улыбнулась полусонно.
Осень слабо дунула в окошко.
Пусть настанут дождь и холода.

* * *

У слепого есть чувство,
У глухого есть разум,
У немого есть слово,
Только затерялось оно.

У каждого есть
Свое.
Даже у несчастных —
Красота где-то тут.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Высохли в глиняной чашке чернила,
Жизнью исписана эта тетрадь.
Время задуло свечу и забыло.
Кто ее станет теперь зажигать?

Звезды и снег отражает стеколко,
В лунных волокнах книжная полка.
Блики не могут обнять и понять:
С кем им теперь играть.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ОКТЯБРЬ 1988

ТОЧКА ОТСЧЕТА

МЫ МАЛО СДЕЛАЛИ...

Здравствуй, Валера! Как наш «Артек»? Сейчас у вас идет сбор активистов перестройки. Знаешь, если честно, писать эти два слова трудно, как будто идешь против совести. Нет перестройки, а значит, нет у нее и активистов. Ребятам в «Артеке» надо сейчас подумать, как в корне изменить структуру и принципы действия пионерской организации.

Валера, Донецкая область.

Это письмо вожатый «Артека» получил от своего пионера, делегата IX слета. После необычного, противоречивого, полного споров и даже конфликтов слета разъехались делегаты по своим дружинам и... И попали в совсем иную атмосферу. Отнюдь не везде дети и взрослые горели желанием как можно скорее переделать пионерскую организацию. И очень часто слышали делегаты: «Ты был в «Артеке»? Вот теперь сам и работай». И все чаще летели в «Артек» письма, где делегаты писали, как надеются они на Всесоюзный сбор активистов перестройки.

И вот «Артек», июнь, идет Всесоюзный сбор. Там же — и специальные корреспонденты от газеты «Вперед».

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

Мы ждем Нико́ Гудадзе, вожатого 3-го отряда, на открытой эстраде в 20.30, как и договаривались.

— Нико, а где дружина? Когда начнется дискуссия «Пионерская организация. Какой ей быть?»?

— Дискуссии не будет,— отвечает Нико.— Отменили.

— Как отменили? Зачем? Это же центральное мероприятие сбора!

— Разве вы не слышали, пионерскую организацию решено распустить. Пионеры теперь не пионеры. Могут ходить без галстуков. Могут не являться на дискуссию и вообще могут жить, как им хочется.

М-да. Мы не знали, что и подумать.

Нико, увидев наши вытянувшиеся лица, предложил:

— Пойдемте в отряд. Наверное, мои ребята захотят обсудить создавшееся положение. Должны же они как-то отнестись к этой новости.

Нико шел рядом с нами. Он был без галстука, не в форменной вожатской рубашке.

«Что же это происходит?» — недоумевали мы.

Волейбольные площадки, футбольные поля, извилистые дорожки — все пустовало. Только жужжание голосов и громкие возгласы раздавались около дач.

«Неужели активисты перестройки из дружины «Кипарисной» согласятся расстаться с пионерской организацией?» — размышляли мы.

Свежело. Шум моря тревожил душу...

О том, что случилось дальше в отряде Нико, читайте в следующем выпуске газеты «Вперед». Этот выпуск целиком подготовили делегаты Всесоюзного сбора активистов перестройки.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

А ПИОНЕРЫ?

Читатели нашей газеты спрашивают нас в письмах: что это за общество «Милосердие»? Кому оно помогает? Чтобы ответить на их вопросы, наш корреспондент Алеша Гришин, ученик московской школы № 179, позвонил в еженедельник «Собеседник», при котором организовано общество, и взял интервью у сотрудника издания Марины МУЛИНОЙ.

Корр. Расскажите об этом обществе, пожалуйста.

М. М. Здесь, в редакции, в одной из комнат — наш штаб. По телефону **285-76-54 по понедельникам, вторникам, пятницам с 18 до 20 часов** мы принимаем заявки от тех, кто нуждается в помощи, и от тех, кто согласен помогать другим. Мы помогаем не только старым людям и больным. Помогаем всем, кто попал в трудное

положение. Например, у женщины умер муж, и она осталась с годовалым ребенком на руках. Ей тоже нужна помощь.

Корр. А кто люди, которые работают в вашем обществе, помогают другим?

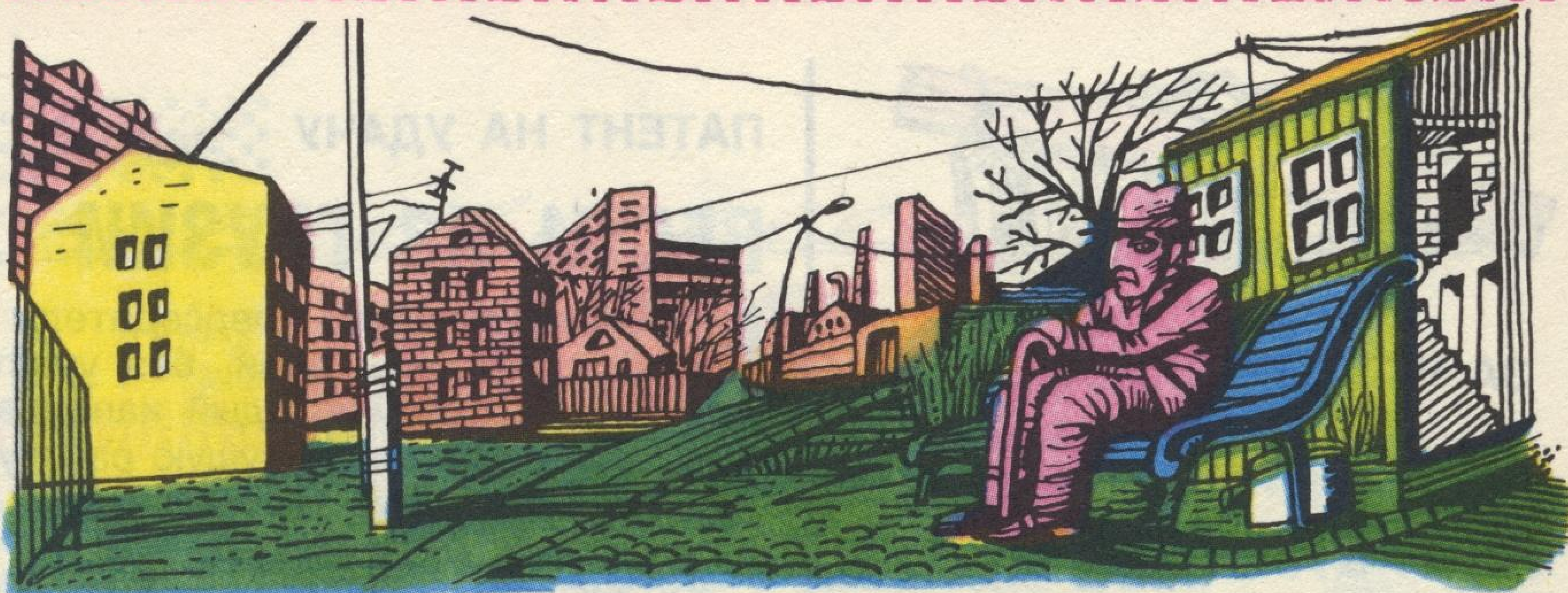
М. М. В основном это молодые люди: 20—30 лет, старшеклассники. Есть и пенсионеры.

Корр. А пионеры?

М. М. Всего человек десять. Может, подросткам не свойственно чувство сострадания, тем более что взрослые от всех бед их ограждают?

Корр. А может, у вас просто для пионеров нет работы?

М. М. Работа как раз есть. Сходить раз-другой за неделю в магазин и аптеку им по силам. Они могли бы зайти к старому, одинокому человеку днем. Могли бы вместе со взрослыми ездить на субботники в дома ребенка, дома престарелых, в детские дома... Желающие принять участие в этих субботниках собираются в Москве каждую II и IV субботу месяца в Малом Каретном переулке у дома № 7 в 10 часов утра.

Корр. А в других городах есть это общество?

М. М. Я знаю, что в Ленинграде «Милосердие» помогает тем, у кого нет родственников. В Казани, Новосибирске, Харькове «Милосердие» только зарождается. В Свердловске 30 человек организовали общество «Милосердие», в Риге перенимают опыт Москвы. Подробнее вы можете прочитать об обществе «Милосердие» в «Комсомольской правде» за 5 апреля 1988 года.

ПИСЬМО № 1

ГДЕ ЖЕ НАША ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ?

У нас в школе был такой случай. Ребята отказались принять в комсомол одного мальчика. Ни в классе, ни в пионерской организации последние два года он ничего не делал. Но тут вмешались учителя. Они считали, что комитет комсомола тоже виноват: в этот класс ни разу не заглянул, а там никто ничего не делал, не только этот мальчик.

Ребята стояли на своем. Можно сказать, схлестнулись стенка на стенку. Потому что свое право вступить в комсомол надо еще доказать работой. Но тут десятиклассники, которым через несколько дней предстояло сдавать экзамены, смалодушничали и уступили, не хотелось ссориться с учителями.

Как долго еще учителя будут за нас, пионеров и комсомольцев, решать, кого принимать в комсомол, а кого — нет?

И самое главное — когда же мы перестанем ради оценки подстраиваться под мнение учителей, поступаться своими принципами?

Лена Арманд, школа № 199, г. Москва.

ЖУРСАД

Занятия ведет Валентин Михайлович СЕРГЕЕВ, заведующий отделом журнала «Журналист».

ЗАМЕТКА О ЗАМЕТКЕ

В школе, где я учился, выходила стенгазета. Делали ее за нас учителя. Однажды им, видно, это надоело, и в очередном номере появился призыв: «Милые детки! Пишите заметки в следующий номер нашей газетки». Мы оценили чувство юмора своих учителей. И начали писать сами.

О чем? О том, что вызывало интерес, беспокойство, возмущение и радость. Оказывается, радостью очень приятно поделиться с товарищами, а если рассказать, что тебя беспокоит или даже возмущает, то обязательно кто-то откликнется, придумает, что сделать, поддержит, придет на помощь. Мой друг написал заметку о засыхающих на школьном дворе березках. Мы все ходили мимо, а вот только он заметил. И наш класс стал каждый день поливать деревья. Ожили не все березки. И другой мой товарищ тоже написал заметку: предложил посадить новые деревья. Редакция стенгазеты поместила тут же деловой отклик: дирекция обещает в очередное воскресенье привезти саженцы, нужны рабочие руки для посадки.

...В воскресенье мы посадили 50 берез.

Это было давно. Сейчас школа стоит в березовой роще.

Вот что может маленькая, размером в тетрадную страничку, заметка. Вот в чем сила слова, сказанного вовремя и по делу.

Наверное, вы уже догадались, чем я закончу: «Милые детки...» И так далее.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ...

РУКОВОДИТЬ НАДО ПО-НАСТОЯЩЕМУ!

Вернувшись прошлой осенью из «Артека», я попала на пленум городского совета ВПО имени В. И. Ленина, который был посвящен IX слету пионеров. На этот пленум пригласили наш разновозрастный отряд «Синий краб-зюйд», делегатов и участников IX Всесоюзного слета из города Симферополя и многих пионеров-активистов с их вожатыми. Взрослые нам сказали: пионерская организация Симферополя перестраивается, началом этой перестройки и будет пленум городского совета.

Мы поверили и пришли. Но спорить и бороться за свое мнение на пленуме оказалось гораздо труднее, чем в «Артеке»!

Получилось так: отдавая дань моде, в городской совет решили ввести пионеров. Раньше, как вы помните, в районных и городских советах были только взрослые. Этих ребят каким-то образом рекомендовали их дружины. Пионеры, кандидаты в совет, вставали, представлялись и... молчали. А на вопрос, какая же будет у тебя программа, только мило улыбались и ничего не могли сказать, кроме: «Ну, я пока не знаю, ну, что-нибудь сделаю...»

Мы предложили сделать в совете равное представительство детей и взрослых. Сначала взрослые с нами спорили. Но спорить с убеждением, выношенным на IX слете: «Организация наша, отдайте нам ее!» — было трудно. И тогда нам сказали, что голосовать все равно будут только взрослые, а большинство взрослых — против, так что... судите сами.

После этого кто-то из ребят предложил ввести в городской совет вместе с «официальными», заранее утвержденными кандидатами-пионерами еще одного делегата IX слета — Наташу Слуцкую и одного участника слета — меня. И что же взрослые? Им сейчас, наверно, неловко уже вспоминать, какую они устроили бурю возмущения. «Как? Без согласования? Просто по предложению ребят? Как людей, которые хотят защищать интересы пионеров? (Такая у нас с Наташей была «платформа».) Ни за что!»

Ребята, всех-всех предупреждаю! Пионеры, у которых нет своей программы, кого тихонько «вдвинули» в совет за послушание и умение читать стихи на праздниках, не принесут пользы нашей организации. Из тех шести ребят, членов совета, которые были выбраны «без сучка, без задоринки», двое за полгода ни разу не пришли на заседания, а остальные не проронили ни слова.

Надо хорошо продумать, и сколько будет пионеров в советах, и как их выдвигать, и какими правами они там будут пользоваться.

Лариса Мервинская, участник IX Всесоюзного слета пионеров, командир пресс-центра «Синий краб-зюйд».

ПАТЕНТ НА УДАЧУ

ВЕСТИ ИЗ ГРУЗИИ

Второй год выборы председателя ГПШ г. Тбилиси проводятся по-новому: пионеры сами, без участия взрослых, предлагают своих кандидатов, затем каждый кандидат должен описать, как он представляет себе свою будущую работу, а уж потом голосованием решают, кто более других достоин стать председателем штаба.

* * *

Кутаисские пионеры собрали столько металлолома, что его хватило на грузовую машину, которую выпустил Кутаисский автомобильный завод. Назвали эту машину «Пионер».

* * *

Город Рустави, который находится недалеко от столицы Грузии Тбилиси, отмечает свое сорокалетие. К этой дате руставские пионеры решили найти первых жителей Рустави и тех, кто родился в год основания города, чтобы пригласить их на праздник.

* * *

А зугдидские ребята организовали в своем городе пионерские милицейские посты, которые помогают взрослой народной дружине.

Вести собрали школьники г. Тбилиси: Каха Никурадзе, школа № 171; Паата Камкамидзе, школа № 10; Нино Намгаладзе, школа № 3; Тея Аитадзе, школа № 56; Нана Майсурадзе, школа № 46.

ЗАСУХА

Знаем ли мы историю своей организации? Ответ будет короткий — плохо. Еще на прошлом городском слете Москвы было решено создать городской музей пионерской организации, а для этого каждой дружине завести свою летопись.

Но, увы, на нынешнем слете было обнаружено, что не во всех пионерских дружинах ведутся летописи, а к созданию музея даже не приступили.

Маша Термен и Ксюша Любова, школа № 44, г. Москва.

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ

Булат ОКУДЖАВА

ПЕСЕНКА ЧЕРЕПАХИ ТОРТИЛЛЫ

Стать богатеем иной норовит,
Золото копит, ночами не спит.
Не все то золото, не все то золото,
Хоть и сверкает, и даже звенит. } *2 раза.*

Можно театр позолотой покрыть,
Можно коврами весь пол устелить,
Но вдохновение для представления
Разве возможно за деньги купить? } *2 раза.*

Можно построить из вымысла дом,
Можно устроить и празднество в нем,
Но не построится и не устроится
Счастье твое на несчастье чужом. } *2 раза.*

Чистое сердце в дорогу готовь.
Старая мудрость годится и вновь.
Не покупается, не покупается
Доброе имя, талант и любовь. } *2 раза.*

ХИХАНЬКИ

ВОТ И ПОЗНАКОМИЛИСЬ!

Я всех взрослых спрашивал: «Что такое ЭВМ?» Мне отвечали, что это такой телевизор, на котором с помощью электронных «мозгов» можно решить задачу или даже поиграть.

И вот я в дисплейном классе. Впервые на уроке информатики и вычислительной техники. Учитель сказал: «Задавайте машине любые вопросы!» Я задал: «Что у тебя внутри?» Машина ничего не ответила. Ребята засмеялись, а учитель выгнал меня из класса. Вот и познакомился я с ЭВМ.

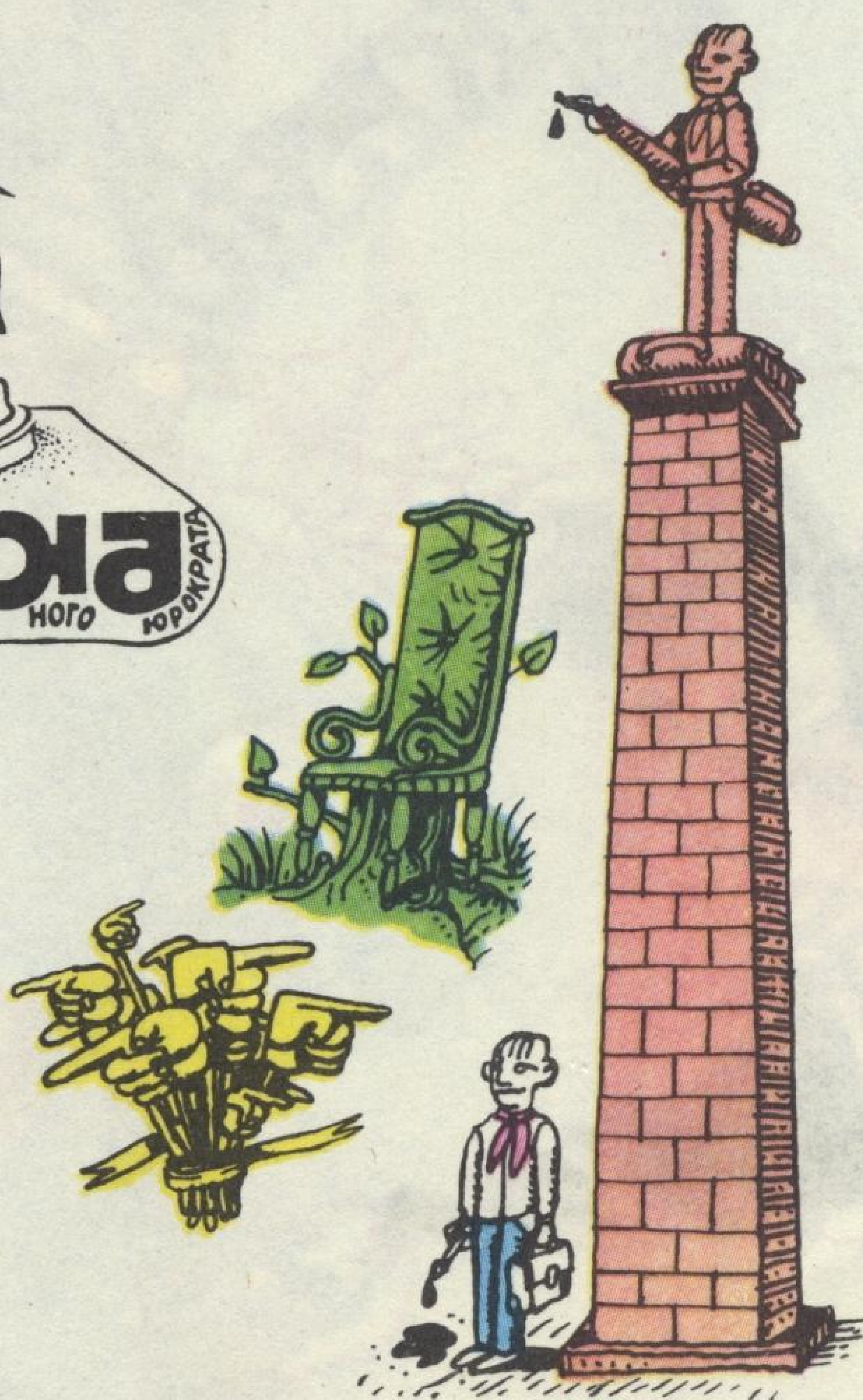
Игорь Арутюнов, школа № 37, г. Тбилиси.

Фотография А. ЖМУЛЮКИНА.

Обязанности редколлегии исполняли: Алеша Гришин и Лена Арманд из Москвы, а помогли им выпуск подготовить студентки факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Катя Полугаевская, Лена Шатилова и Зара Назарян.

Определиться с местом.

Задействовать в мероприятии.

С чувством глубокого удовлетворения.

Оформление А. БАЛДИНА.

Юрий КУШАК

В ТЕАТРЕ

МЫ — в театре!
В настоящем!
И у каждого — билет.
Мы сидим,
Глаза таращим.
Долго в люстрах
Гаснет свет...

Как троллейбус с остановки,
Чиркнул занавес,
Пошел!
От волнения у Вовки
Номерок упал на пол.
И за Вовкою
Под кресло
Сразу староста полезла.
Тише!
Вы же
Не в кино!
А на сцене —
Небо в звездах,
Полон музыкою воздух,
И распахнуто окно.
Что-то будет в этой сказке?..
Я-то знаю, но молчу,
Да любого за подсказки
Я и сам поколочу.
Знаю сам,
Что волк голодный —
Пожилой артист, народный,
А медведь простуженный —
Молодой, заслуженный;
Сами знаем назубок:
«Терем-терем-теремок,
Терем-терем-теремок
Крепко заперт на замок...»
Только пусть
Подольше длится
Тайна, сказка, волшебство!
А вокруг
Такие лица —
Не узнаешь никого.

Рисунок А. БОРИСОВА.

ПИСЬМО

Вышла утром
Из угла
В белом фартуке
Метла.
От крылечка
На пробор
Причесала
Сонный двор.

Снег скрипит за поворотом —
Почтальон идет к воротам:
— Очень рад,
Имею честь
Вам вручить
Лесную весть...

И фонарь,
Что жил в беседке,
Прочитал письмо соседке:
«Здравствуй, матушка метла!
Как здоровье?
Как дела?
Неужели ты зимой
Не воротишься домой?
Шлют поклон тебе деревья,
Наша речка и деревня...

В синих сумерках
Метла
Долго улицу
Мела.
Ах, когда-то
Не метлою,
А ветлой
Она была!
Только как
Домой уедешь —
Все дела,
дела,
дела...

Всё дела, дела, дела...

Л

ли Беловежской пущи — зубры.
вности, так и сегодня. Но так
Однако все по порядку...
Огромная по тем временам ар-
ловек готовилась к Грюнвальд-
орой силами славянских и при-
ов были наголову разгромлены
ого ордена. Предводительство-
-литовско-русским войском ко-
Ягайло. Для похода нужно было
т. Мясо. Тогда-то взор короля
ежские леса, и он отправился
и. Началась охота... Армия за-
вдоволь. А что же зубры? Их
, судя по всему, ненамного. Но
ожено: охота открыта...
октября 1860 года. Утром этого
тывалось 1575 зубров. 7 октяб-
вотных здорово поубавилось.
оссийский император на «цар-
деле она обернулась страшным
мператорская забава открыла
сем желающим поохотиться. За
ртники уничтожили 1000 зубров.
года и последнего хозяина этих
. Зубры появились здесь вновь
о лет. Тогда, в 1949-м, в пущу
бров. Из Польши. Наверное, по-
чинались на букву «П» — Пуги-
, Пуф, Пустошь. Вскоре зубров
еще несколько лет — 80. Сего-
двухсот.
едолго — чуть больше 20 лет,
е нет на свете. Но самый боль-
инал — навсегда замер у входа
ежская пуща». Ему доверили
пущи. Потому что он самый пер-
в этом дело. Пугинал уникален.
ревышает вес обычного зубра.

Юрий КУШАК

В ТЕАТРЕ

МЫ — в театре!
В настоящем!
И у каждого — билет.
Мы сидим,
Глаза таращим.
Долго в люстрах
Гаснет свет...

Как троллейбус с остановки
Чиркнул занавес,
Пошел!
От волнения у Вовки
Номерок упал на пол.
И за Вовкою
Под кресло
Сразу староста полезла.
Тише!
Вы же
Не в кино!
А на сцене —
Небо в звездах,
Полон музыкою воздух,
И распахнуто окно.
Что-то будет в этой сказке
Я-то знаю, но молчу,
Да любого за подсказки
Я и сам поколочу.
Знаю сам,
Что волк голодный —
Пожилой артист, народный,
А медведь простуженный —
Молодой, заслуженный;
Сами знаем назубок:
«Терем-терем-теремок,
Терем-терем-теремок
Крепко заперт на замок...»
Только пусть
Подольше длится
Тайна, сказка, волшебство!
А вокруг
Такие лица —
Не узнаешь никого.

Рисунок А. БОРИСОВА.

ЗАПОВЕДНАЯ ДАЛЬ

Владимир КОЖЕМЯКИН

БЕЛАЯ ВЕЖА

Восьмое столетие стоит на земле Белая вежа — каменная башня, массивная, с зубчатым верхом. И, как полагается сторожевым башням, возведена она в таком месте, откуда вся-вся округа как на ладони. Высокий берег реки Лесной, а за рекой, сколько хватит взгляда,— луга, перелески. И только вдали, где земля смыкается с небом, бугрится огромный лес.

Смотрит башня узкими бойницами, хмурится, словно ждет врага какого-нибудь. Не раз она слыхала шум битвы. Неприятельские ядра и пули отскакивали от ее монолитных стен. И даже самая страшная война — последняя — не в силах была стереть башню с лица земли. Так и стоит она, кряжистая, тяжелая, намертво вросшая в историю. И проплывают над нею века...

А вокруг деловой и шумной жизнью живет город Каменец — районный центр Брестской области. Снуют по улицам прохожие, хлопают двери магазинов, веселой ватагой бежит после занятий ребятня, замерли у красного света на перекрестке яркие автомобили. Кажется, никто и внимания не обращает на старую башню. Все ее забыли. Но это не так. Каждый здесь, да и в области знает: именем древней башни названы те дремучие леса, что клубятся у горизонта. А это ведь леса не простые. Сегодня они крупнейший заповедник — Беловежская пуща.

Фотографии М. МОКРОУСОВА.

КАМЕНЮКИ

Так называется поселок, что у самой границы Беловежской пущи расположился. Город Каменец. Поселок — Каменюки. Почему у этих населенных пунктов такие «каменные» названия? В чем тут дело? А вот в чем. Почвы в этих местах каменистые ну просто страсть! Тяжело их возделывать. Посудите сами. Пашут поле, а плуг то и дело за камни цепляется. Так позацепляется, позацепляется немного и сломается. Как быть? Выходит, надо вынимать камни из земли. А сколько для этого труда потребуется?! Страшно сказать! Но ничего не поделаешь. Долгие века земледельцы этих мест выбирали вручную валуны из плодородной землицы и складывали вдоль полей. Но камни снова появлялись, словно кто-то специально подсыпал их недоброй рукой. И вновь работали люди, расчищали пахоту. Наверное, потому жители здешние такие трудолюбивые. Еще и крепкие. Еще и красивые. И еще они умеют понимать и беречь природу.

Теперь, конечно, техника стала мощной. Что ей какие-то отдельные камешки в земле? Все перевернет. Но если так относиться к делу и к технике, то даже самую современную и сильную машину можно погубить очень просто. Все-таки, например, картофелеуборочный комбайн не бульдозер. Камни ему совсем не по зубам, пусть они даже величиной с картофелину...

Поэтому давайте подумаем, какая людям этих краев еще необходима черта характера? Аккуратность? Верно!

И этой-то чертой местные люди тоже наделены щедро. Оттого дело и спорится.

ПУГИНАЛ

Заметные жители Беловежской пущи — зубры. Так было в древности, так и сегодня. Но так было не всегда. Однако все по порядку...

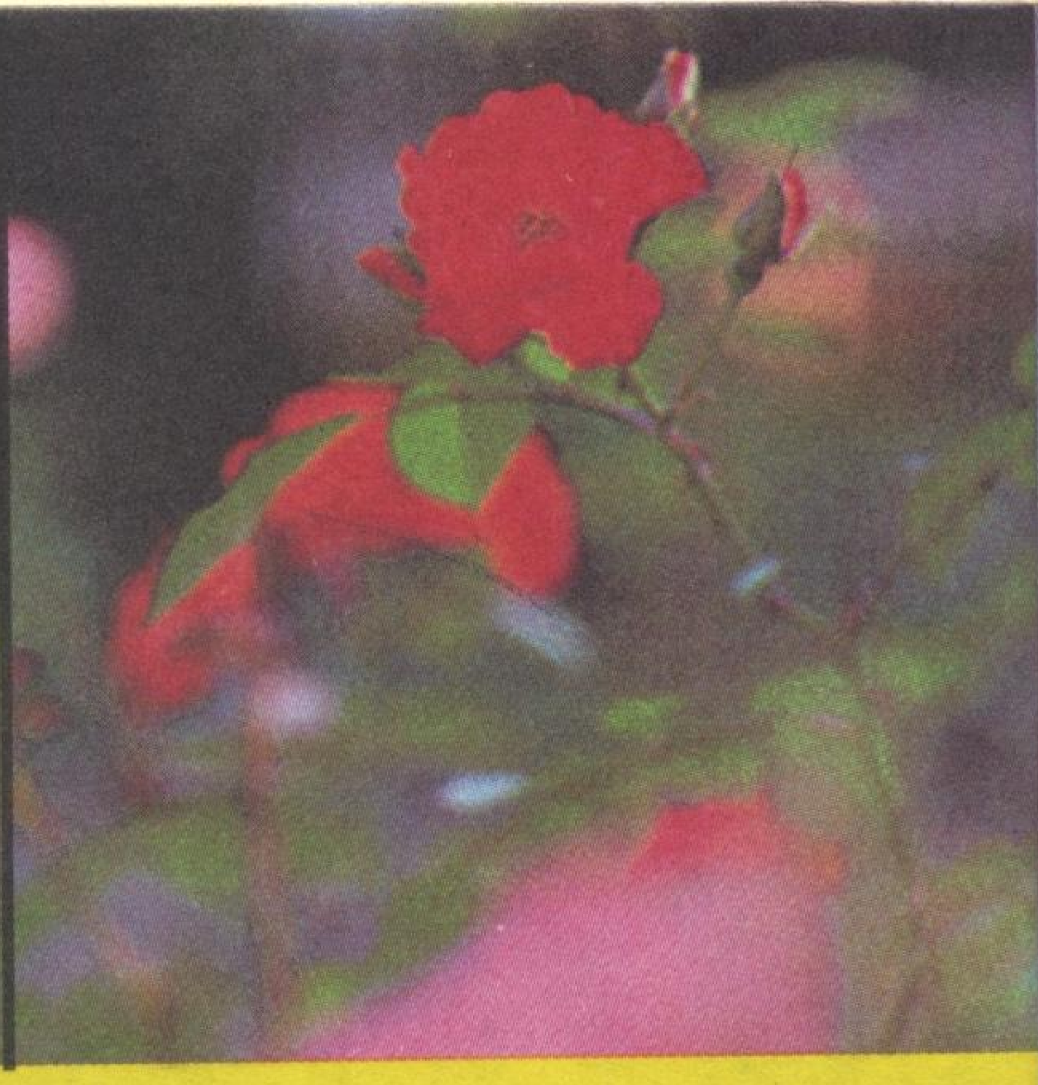
Шел 1409 год. Огромная по тем временам армия в 100 000 человек готовилась к Грюнвальдской битве, в которой силами славянских и прибалтийских народов были наголову разгромлены рыцари тевтонского ордена. Предводительствовал этим польско-литовско-русским войском король Владислав Ягайло. Для похода нужно было запасать провиант. Мясо. Тогда-то взор короля и упал на Беловежские леса, и он отправился туда с охотниками. Началась охота... Армия запаслась убоиной вдоволь. А что же зубры? Их стало меньше, но, судя по всему, ненамного. Но начало было положено: охота открыта...

И вот пришло 6 октября 1860 года. Утром этого дня в пуще насчитывалось 1575 зубров. 7 октября вечером животных здорово поубавилось. Сюда приехал российский император на «царскую охоту». На деле она обернулась страшным истреблением. Императорская забава открыла доступ в пущу всем желающим поохотиться. За несколько лет охотники уничтожили 1000 зубров. А в феврале 1919 года и последнего хозяина этих лесов застрелили. Зубры появились здесь вновь лишь через много лет. Тогда, в 1949-м, в пущу привезли пять зубров. Из Польши. Наверное, потому их имена начинались на букву «П» — Пугинал, Пура, Пураура, Пуф, Пустошь. Вскоре зубров стало 14, а спустя еще несколько лет — 80. Сегодня же их более двухсот.

Живут зубры недолго — чуть больше 20 лет, и тех, первых, уже нет на свете. Но самый большой из них — Пугинал — навсегда замер у входа в музей «Беловежская пуща». Ему доверили встречать гостей пущи. Потому что он самый первый. Но не только в этом дело. Пугинал уникален. Вес его вдвое превышает вес обычного зубра.

Пугинал тянул без малого на 1200 кг. Наверное, не будь он столь огромным и сильным, не смогли бы так быстро населить пущу его потомки.

ЧТО ТАКОЕ ПУЩА

Слово «пуща» в переводе с белорусского означает «лес». Но не всякий лес пуща. Пуща — это лес дремучий, словно в сказках, вековой. С деревьями-исполинами в три обхвата и больше.

Удивительны пейзажи Беловежской пущи. Деревья-долгожители сменяются молодой веселой порослью.

Вот скальный дуб. Ему лет восемьсот. Почему он называется скальным, скал-то кругом никаких нет? Говорят, потому его так величают, что кора дуба под стать скальной породе: и по своей морщинистой «внешности», и по прочности. Какие в пуще еще встречаются долгожители-деревья? Ясени по триста — четыреста лет. Сосны — им по четыреста — пятьсот. Двухсотлетние ели и можжевельники.

Есть в пуще растения, имена которых теперь внесены в Красную книгу Белоруссии. К примеру, пихта белая. Все 23 дерева, что сохранились в республике, растут в 562-м квартале Беловежской пущи.

А сколько ягод в этих лесах! И одна из самых распространенных — земляника. Летом она выстилает ало-зеленым ковром подножия деревьев-великанов, опушки и полянки. Земляника — ягода целебная. Она входит, к примеру, в рацион космонавтов, вернувшихся с орбиты. А один знаменитый врач прошлого говорил: «В той земле, где отдают дань землянике, мне делать нечего». И добавлял: «Не жалейте денег на сырые ягоды».

Но зачем же ягоды покупать на рынке? Не проще и не лучше ли отправиться за ягодами в лес самим? Сколько всего интересного можно встретить и узнать в лесу, если уметь вглядеться. Можно, скажем, повстречать лося. Это животное ну просто неимоверно любопытное. Как корова, пожалуй, или собака. И не раз случалось такое. Собираешь, склонившись, россыпь брусники на солнцепеке, потом, устав, поднимаешь голову, а прямо тебе в глаза с безопасного, конечно, расстояния смотрит сохатый. От любопытства у него даже влажная губа отвисла. Переступишь неосторожно с ноги на ногу, хрустнет под каблуком ветка, и... помчится лось напролом сквозь лесные завалы.

Олень или косуля так близко подходить не станут. Они осторожнее, пугливее. Хотя в пуще все возможно. Здесь животных никто не трогает. И они никого не боятся. Подпускают человека и сами подходят совсем близко. Так и кабана с волком и с бурым медведем встретить недолго. А такая встреча опасна...

Да, есть что в лесу посмотреть, что пособирать. Ягоды, целебные травы, шишки и, конечно, грибы. В пуще их 161 вид. А в остальной Белоруссии «всего лишь» 145. Естественно, они далеко не все съедобные... Но о грибах разговор впереди.

ГЛАВНЫЙ ГРИБОВИК

Главный грибник, точнее, грибовик Беловежской пущи — Павел Кириллович Михалевич. Он старший научный сотрудник заповедника, директор музея, ученый-миколог. Миколог — значит специалист по грибам. Попросту грибовик. Павел Кириллович, конечно, не обидится тому, как мы его назвали — «грибовик»: он человек с большим чувством юмора. Сам высокого роста, «косая сажень в плечах», голос громкий, раскатистый, смех задорный. Представляете, такой великан, а работать ему приходится со всякими маленькими грибами. Но, кстати, некоторые виды грибов, бывает, разрастаются до того, что, кроме как великанами, их тоже не назовешь. Конечно, такие редко встречаются. Но встречаются.

А есть действительно совсем маленькие грибы, даже не различимые простым взглядом — только в микроскоп.

Михалевич знает о грибах все. Он про них книгу написал и статей немало, да еще и диссертацию защитил по грибам. Казалось бы, что еще изучать? Ан нет. Продолжает искать Павел Кириллович в грибном мире новое. И находит.

Представьте себе такую картину: по зимнему лесу идет человек с грибной корзиной. Да, да, с корзиной. Да, да, зимой. И корзина-то не пустая. В ней — грибы. Опята. Да, да, опята! Человек в шубе, ушанке и с корзиной — Михалевич. Таким он запечатлен на фотографии, которую я одна-

жды видел. Естественно, не поверил своим глазам: зимой грибы, может ли быть такое? И вот специально зимой, в декабре, отправился к Павлу Кирилловичу в пущу, чтобы убедиться в этом ошеломляющем факте. Как оказалось, заинтересовался феноменом не я один. У Михалевича уже гостил молодой ученый из Минска, тоже грибовик. Он, как и я, приехал зимние опята разглядывать. Да не просто разглядывать, а изучать.

И вот все вместе мы отправились в лес. Идти пришлось недолго. До первого заснеженного пня. Павел Кириллович разгреб снег на пне, и нашим взорам предстало... замерзшее до окаменения (все-таки — 10°С на улице) семейство опят. Пожалуйста, можно собирать. В тепле грибы оттают, и милости просим на сковородку. Вкусная должна получиться жареха.

Значит, грибы остались с осени. Их попросту не заметили грибники, потом снег запорошил, они замерзли и сохраняются теперь как в холодильнике. Такова была моя версия. Но на самом деле все оказалось иначе. Грибы продолжают расти и зимой. Не на морозе, конечно, а во время кратковременных оттепелей. Чуть стало потеплей, они опять в рост. И Павел Кириллович утверждает, что так продолжается всю зиму.

Очень хотелось остаться до весны, чтобы понаблюдать за удивительными грибами, но... пора было возвращаться в Москву.

А вот молодой ученый из Минска обнаружил для себя еще много всего интересного. Я видел, как он аккуратно укладывал в полиэтиленовые пакетики еловые шишки, сплошь усыпанные мелкими — меньше булавочной головки — грибами.

УЧЕНЫЕ-ХРАНИТЕЛИ

Еще в 1978 году возникло в Каменюкской средней школе научное общество учащихся по вопросам охраны природы, как оно сокращенно называется НОУ. Почему только по вопросам охраны природы? Потому, что важнее этих вопросов в мире нет. Так считает не только руководитель общества, кавалер знака Гайдара, наш знакомый Павел Кириллович Михалевич. Ведь и Беловежская пуща, где проживают более пятидесяти видов животных, 226 видов птиц, растет 78 типов леса, существует именно для охраны природы. Здесь никто ее не посмеет обидеть.

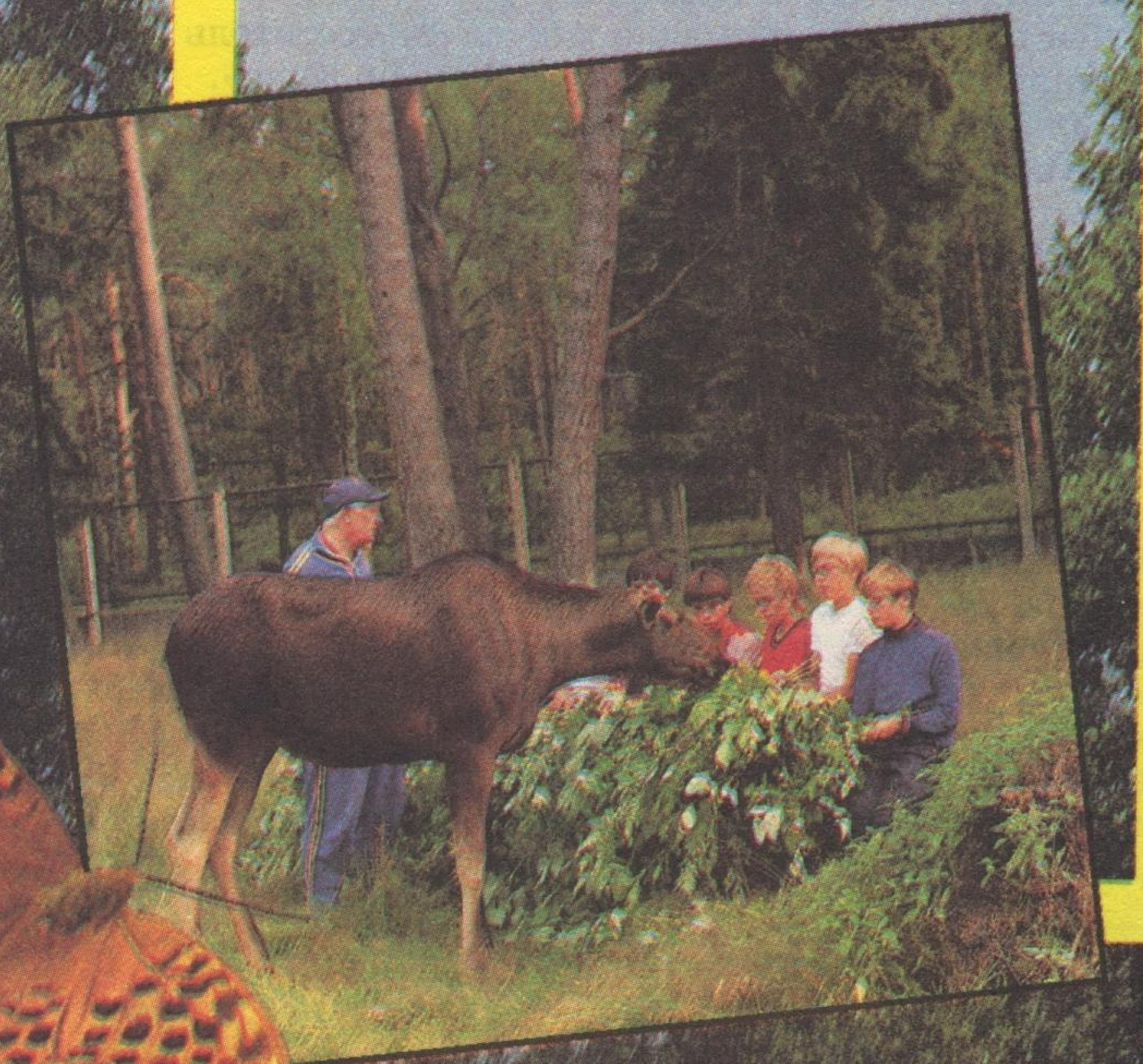
Но чем же занимаются ребята в своем обществе «по вопросам охраны природы»? Работают в пуще: заготавливают корма для животных, устраивают кормушки, развешивают домики для птиц, ухаживают за деревьями и растениями. И только? А как же с наукой, общество-то научное? С наукой дело обстоит прекрасно. Судите сами. Что ни год, получают ученики Каменюкской школы за свои научные исследования медали Выставки достижений народного хозяйства СССР. Однажды целых пять медалей увезли с собою из Москвы. А рефераты, что присылают они в Московский университет имени Ломоносова? Они вызывают интерес у специалистов.

Все-все в пуще предмет для изучения. Изучают ребята жизнь летучих мышей, птиц, черепах, лягушек и змей, изучают растения и травы, жуков и гусениц...

Ребята подрастают, оканчивают школу и делают следующий шаг в большую науку: поступают в университеты, из которых выходят учеными-биологами. Их жизнь навсегда посвящена природе. Они ее ученые-хранители.

* * *

Вот мы с вами и заглянули на минутку в Беловежскую пущу. А сколько еще прекраснейших уголков в нашей стране — не счесть! О некоторых мы вам уже рассказывали. Где бы вы еще хотели побывать?

Элс де Грун,
Эдуард Успенский

Год хорошего ребенка*

(комическая повесть)

Рисунки А. АРХУТИКА.

Продолжение. Начало в № 9

Директор школы Петр Сергеевич Окуньков вернулся из Голландии. С собой он привез письма голландских школьников. Одно их них досталось герою этой повести Роме Рогову. Чтобы прочесть письмо, Роме пришлось заняться английским языком. Через две недели Рома узнал, что его голландскую подружку зовут Розалинда и она хочет стать путешественником. В общем, они начали переписываться.

Тем временем Организация Соединенных Наций объявила нынешний год Годом Хорошего Ребенка.

И в маленькой стране Жевене решили провести Всемирный Праздник Хорошего Ребенка. Рома и Розалинда решают встретиться на этом празднике.

В каждой стране отбор кандидатов в «хорошие ребенки» проводится по-разному. Рома и Розалинда готовы преодолеть все препятствия.

Готовится к Празднику и знаменитый жевенский гангстер Кирпичиано со своей шайкой. Но он преследует совершенно иные цели.

Сообщения в прессе или обзор печати

Объявление в главной столичной газете «Жевена ньюс».

«Для проведения Всемирного детского праздника требуются работники: экскурсоводы, обслуживающий персонал, переводчики, специалисты по работе с детьми. Открываются языковые курсы. Приглашаются все желающие. Обучение бесплатное. Люди, прошедшие курсы, обеспечиваются работой в фестивальном комитете».

Под объявлением стояла подпись:«Заместитель заведующего сектором детей ОСН Хи Чи Кава».

И был указан адрес, по которому можно было обращаться для устройства на работу.

Статья в специальном выпуске ОСН, посвященном Году Хорошего Ребенка.

«Многие страны откликнулись на предложение провести Год Хорошего Ребенка. В том числе Америка, Англия, Франция, СССР, Япония, Таджикистан, Белоруссия, Бельгия, Нидерланды, оба Китая, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан, Острова Фиджи, Зеленого Мыса, Сейшельские и т. д. Каждая страна выбрала свой способ определения достойности ребенка. В одних странах упор делается на деловитость, в других, таких, как СССР, на общественную полезность, в-третьих, странах третьего мира, на коллективизм.

Так или иначе это будет большое событие в жизни молодого поколения, и ни один ребенок на всем земном шаре не останется в стороне.

Победители съедутся на свой финальный праздник в Жевену. И здесь на спортивно-сервисных соревнованиях будет определено — дети каких стран идут самым правильным путем.

Победу командам и отдельным ребятам будет присуждать большое жюри, составленное из популярных деятелей — педагогов, детских врачей, детских писателей, спортсменов и тренеров.

Имеются сведения, что на финальный праздник приедет европейский принц Филипп и некоторое количество коронованных и некоронованных особ для участия в соревнованиях. Это еще выше поднимает престиж Года Хорошего Ребенка!»

Заметка в газете «Пионерская зорька».

«1990 год — ГОД ХОРОШЕГО РЕБЕНКА.

Юный друг! Знаешь ли ты, что такое ОСН? Это Организация Соединенных Наций.

Разные страны прислали в эту организацию своих представителей, чтобы наблюдать за порядком в мире.

Порядок в мире им навести не удалось, но кое-что хорошее они сделали. Например, Организация Соединенных Наций объявила 1990 год Годом Хорошего Ребенка. Это значит, что в 1990 году все хорошие ребята будут подняты на щит.

Их будут награждать подарками, угощать пирожными, приглашать в гости в разные страны мира. А лучшие представители хороших детей — самые замечательные дети — съедутся на Всемирный Праздник Хорошего Ребенка (ВПХР) в Жевену.

Там будут проводиться соревнования по разным видам хозяйственного спорта: кто лучше умеет шить, вышивать, гладить брюки, делать предметы из дерева и пластмассы, кто лучше умеет работать в саду и в поле.

* Журнальный вариант.

На празднике будет много песен и музыкальных коллективов.

Но самый главный вопрос — кого считать хорошим ребенком. Каждая страна будет решать этот вопрос по-своему. Из одной страны поедут самые бедные ребята, из другой — самые талантливые, из третьей — самые работящие, из четвертой — самые высокопоставленные.

Какие ребята поедут от нас, пока еще неизвестно. Но скоро этот вопрос будет решен, и мы напишем об этом в газете.

Корреспондент Игорь Жувачкин».

Вторая заметка в «Пионерской зорьке».

«КТО ПОЕДЕТ НА ВПХР.

Итак, ребята, в этом году будет Всемирный Праздник Хорошего Ребенка. Наша газета неоднократно (один раз) писала об этом. Кто же поедет на праздник?

Конечно, самые достойные ребята. Те, кто лучше всех учится, ведет общественную работу. Для поездки надо собрать не меньше пяти тонн макулатуры и пятидесяти тонн железного лома.

И, безусловно, надо сдать нормы на значок ГТО. (10 м за 13 сек. Прыжок в длину 4,5 м. Прыжок в высоту 1 м 20 см.)

Родители должны дать ребятам хорошие рекомендации. То есть ребята должны помогать дома: мыть полы, ухаживать за младшими братьями и сестрами, ходить в магазины.

Ребята, больше тренируйтесь! Вас ждет ВПХР!

Корреспондент И. Жувачкин».

Заметка из голландской газеты «Утрехтские новости».

«Новости из Жевены.

Заметно ухудшилось качество образования в нашей стране в связи с тем, что урезается государственный бюджет на культурные нужды.

В каждом классе возросло количество учеников и доходит сейчас до тридцати.

При таком количестве учащихся чрезвычайно трудно работать с учениками. Приходится большое количество упражнений давать на дом.

Меньше внимания уделяется каждому школьнику. Больше приходится надеяться на формальное анкетирование.

Таким образом отбирались и кандидаты на детский фестиваль-конференцию в Жевену. Наверное, это не самый правильный путь, по которому должно следовать Министерство образования.

На фото министр высшего образования принимает делегацию фламандских учителей».

Заметка в главной жевенской газете была подписана фамилией Хи Чи Кава. Хи Чи Кава был заместителем госпожи Баракас... ах нет, Карабас.

Не прошло и двух дней, как к нему стали приходить желающие работать на празднике. Господин Хи Чи Кава был японец. Он практически не умел отказывать. Когда ему хотелось отклонить кого-либо, он звонил госпоже Карабас.

Сейчас был именно такой случай. Перед ним стоял мистер Кирпичиано со своим не первой молодости отрядом.

«Ребята» Кирпичиано чувствовали себя неуверенно, все время оглядывались по сторонам и держали руки за спиной, не дай бог, что-нибудь не украсть.

— Поймите,— говорил вежливый господин Хи Чи Кава,— это трудная работа. Дети будут вас спасать из воды, переводить через дорогу. Вы — учебные сотрудники. А если не спасут?!!

— Возрастом попрекаете? — с ненастоящей слезой в голосе спрашивал Кирпичиано.

— Нет, нет! — испугался японец.— Просто, видите, за вами стоит группа студентов. Мне кажется, такая работа больше для молодых.

— А мне кажется, что кое-кто притесняет кое-кого из-за многих лет честной работы на благо родной страны. И этот кое-кто — вы.

— Нет, нет! — еще больше испугался японец Хи Чи Кава. Он никак не хотел обижать старичков. Но и брать Кирпичиано с братией, по правде говоря, никак не хотел.

Он нажал кнопку селектора и соединился с кабинетом госпожи Карабас.

— Мисс Карабас, здесь пришли две группы желающих работать. Одна молодежная — это студенты, и одна постарше... значительно...

— Аспиранты! — подсказал в трубку Кирпичиано.

— Кому отдать предпочтение?

— Конечно, тем, кто постарше,— послышался ответ госпожи Карабас.— От молодежи сейчас деваться некуда.

— Я вас понял,— убитым голосом сказал Хи Чи Кава.— Зачисляем старших.

Рома Рогов на пороге новой жизни

Самое трудное для Ромы Рогова было хорошо учиться. Потому что надо было думать об этом с первого класса.

Возьмется Рома изучать проценты, оказывается, надо знать десятичные дроби. А это четвертый класс. Учит он десятичные дроби, а надо знать простые, умножение их и деление, а это третий класс.

На уроках Рома сидел как приклеенный, не вертелся и все записывал. Все чаще его фамилию на уроках относили к группе отличников: Муравьев, Антонов, Приходов, а не к группе двоечников: Харитонов, Мицельский и Рожин Артур.

С другими пунктами, необходимыми для поездки в Жевену: общественная работа, сбор макулатуры и металлолома, нормы ГТО, было легче.

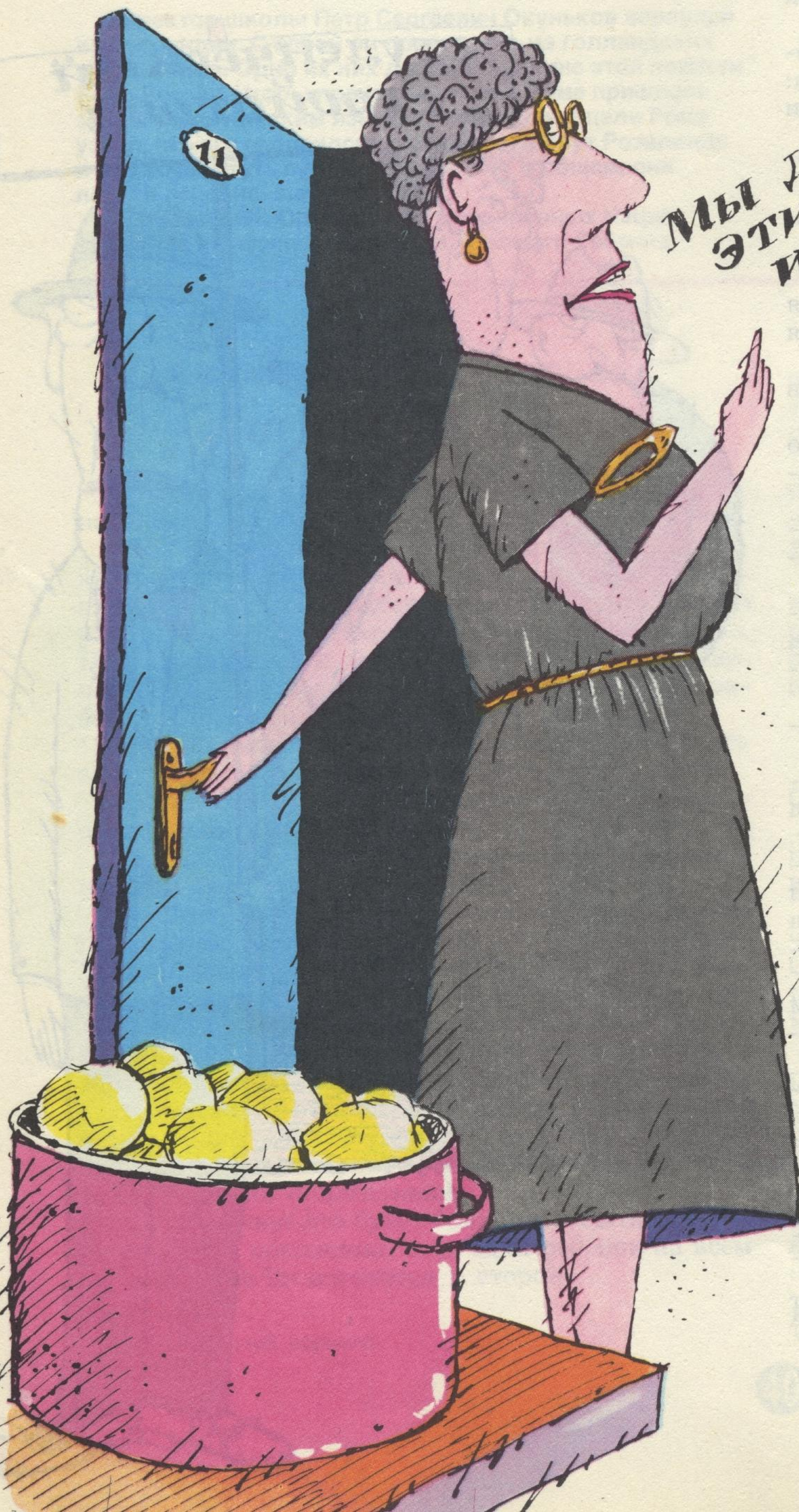
Стенная газета Ромы, как мы уже говорили, была лучшей в районе. Правда, очень трудно было собирать заметки с ребят. Но здесь Рому выручала сестра Ольга. Высунув язык, она целыми днями писала: «Скоро зима», «Первое мая — день праздника трудящихся всех стран и народов», «Наши мамы — лучшие в мире». И через стенную газету Рома стал ведущим общественником школы.

Макулатуру и металлолом ему помогали собирать те самые ребята, фамилии которых всегда произносили, как одну: Мицельский-Харитонов-и-Рожин-Артур.

Только раньше впереди еще стояла фамилия Рогов. Теперь фамилия Рогов от этих фамилий отъединилась, но дружба не распалась, а крепла.

Мицельский-Харитонов-и-Рожин-Артур как три мушкетера ходили по этажам своего квартала и сладко-вежливыми голосами просили:

— Тетенька, у вас есть макулатура? Дайте нам, пожалуйста, побольше, нам для больного.

Потом они отправлялись за металлоломом по дворам. Они сообразили, что металлолома больше всего у гаражей и забирали старые автомобильные крылья и карданные валы буквально прямо из рук автомобилистов-чинильщиков. Так они натаскали Рогову пятьдесят обязательных тонн.

И все яснее и яснее вырисовывался на фоне других учащихся образ передового прогрессивного школьника наших дней Романа Рогова.

Учится почти на одни пятерки. Если не считать троек.

Поддерживает дружбу между народами в виде переписки с голландской школьницей на английском языке.

Ведет большую общественную работу. Очень большую — выпускает стенгазету размером один метр на четыре.

Собрал металлолома и макулатуры больше всех в районе.

Петр Сергеевич Окуньков и педсовет решили, что Рома Рогов вполне созрел для поездки за границу. Эту мысль они внушили председателю совета дружины Игорю Антонову. А Игорь Антонов внушил эту мысль совету.

Совет дружины вызвал Рому на ковер и торжественно поздравил. Сам Игорь Антонов протянул ему руку и сказал:

— Ты Роман — молодец.

А его заместитель Витя Приходов, хотя и видел Рому каждый день в классе, торжественно, как в Кремле, произнес:

— Уважаемый Роман Рогов, мы все в тебя верим. И верим, что ты оправдаешь звание советского ученика. Что на передовом фронте идеологической борьбы ты будешь лучшим представителем лучшей советской молодежи!

Роману осталось только пройти выездную комиссию.

Победители конкурса «Умелые руки»

Сотни заполненных анкет прибыли в Гаагу. Гаага — это город, где находится резиденция королевы и все-все правительство. В этот раз правительство анкетами не занималось, ими занимались студенты.

Какой же голландский ребенок выбрал из всех ответов самые правильные? Читать все анкеты — работа монотонная и кропотливая. Поэтому студенты не читали. Они использовали шаблон — листок бумаги с вырезанными квадратиками в тех местах, где были поставлены правильные ответы. Приложишь такой листок к контрольной работе и считай, сколько крестиков попалось в окошки. Девять крестиков в окошке — девять хороших ответов, шесть крестиков — шесть, два окошка заполнено, значит, два правильных ответа дал кандидат-школьник.

К концу дня труженики студенты установили, что у шестидесяти перспективных участников было по девять крестиков.

Но Голландия — страна маленькая. Она не может себе позволить отправить в Жевену делегацию из шестидесяти человек. И профессор, возглавляющий комиссию из студентов, сказал:

— Давайте посмотрим, что эти шестидесяти... шестеро... десятков... Что эти шестьдесят умниц умеют делать своими руками. Что там они вычеркнули.

Студенты вытащили несколько анкет и стали рассматривать, кто из ребят что умеет делать: ...«вязать, шить на машинке, чинить спущенные шины, выращивать овощи...» и т. д.

— Ой! — сказал один студент.— Мне попался какой-то суперребенок. Он умеет делать все!

Эта была анкета Розалинды.

Еще неделю назад она написала Роме радостное письмо, в котором уверяла, что приедет на фестиваль. Но сейчас, когда она ежедневно тренировалась с бабушкой в вязании, шитье, плотничанье, готовке и окраске, настроение у нее было хуже некуда. Гвозди гнулись, краска проливалась, петли падали со спиц, а сами спицы царапались как ненормальные. Только пироги у нее получались хорошие, хотя вкус имели совсем не такой, какой п р е д п о л а г а л с я в рецепте.

Через два дня должен был состояться конкурс «Умелые руки». Как писали газеты, «заключительный тур, во время которого из шестидесяти хороших детей выберут шесть самых хороших».

Бедная Розалинда теперь не очень спешила домой после школы. В дверях ее обычно ждала бабушка в фартуке с новым заданием. Что они будут делать сегодня? Может быть, сажать фрукты и овощи? Но где? На подоконнике, в горшках, в блюдцах, в тарелках, в розетках из-под варенья и в старых тапочках? У ее бабушки хватило бы энергии заполнить весь дом луком-пореем или помидорами. К тому же она была более строгим и суровым учителем, чем все учителя, которых до этого знала Розалинда.

Как-то сев на вертящийся стул перед бабушкой и с грустью посмотрев на свои руки (три пальца заклеены пластырем, ногти поломаны), Розалинда вздохнула:

— Ничего не выйдет из этого конкурса, бабушка. Я ведь только велосипеды могу чинить, шины всякие.

— А ведь ты умеешь играть на гитаре,— сказала бабушка.— Я иногда слушала. И пирог ты в последний раз испекла хороший. Осталось вязание — так это пустяки.

— Ты поедешь со мной на конкурс? — спросила Розалинда.

— Конечно,— сказала бабушка.— Это я сказала тебе ничего не вычеркивать из анкеты. Теперь я чувствую себя ответственной.

В автобусе и поезде Розалинда не сказала ни слова. Она нервно жевала косичку и думать-то ни о чем другом не могла, как о пролитой краске, погнутых гвоздях, о пластырях и кривоватом пироге с кисловатой начинкой.

Бабушка, сидевшая напротив, была одета в строгое серое платье на пуговицах с блестящей булавкой на груди.

— Все будет хорошо! — повторяла она, покачиваясь с поездом.

— Все будет хорошо! Все будет хорошо! — подтверждал поезд.

В Гааге они взяли такси и поехали к зданию, где должен был проходить конкурс. Когда они подъезжали к нему, бабушка сказала:

— Мы сделаем вид, что не знаем друг друга. Скажешь, что приехала одна. На них это произведет хорошее впечатление.

Волоча гитару за собой, Розалинда вошла в помещение. Там было много лучших представителей прогрессивной голландской молодежи от 10 до 12 лет, и много их пап и мам. Она растерянно смотрела по сторонам. К ней подошел молодой человек:

— Здравствуй. Как тебя зовут, девочка?

Розалинда назвала себя. Он поискал в списке и дал ей этикетку с номером 11.

— Прикрепи это к своей рубашке. Скоро всех позовут наверх. Там найдешь комнату номер одиннадцать. У каждого номера своя комната и свое задание. А ты совсем одна?

Розалинда проглотила комок в горле:

— Наверное, одна.

— Ты давно на гитаре играешь? — спросил ее худощавый мальчик с глубокими коричневыми глазами, мальчик под номером 60.

— Три дня,— неуверенно ответила Розалинда.

— А я давно играю на барабане. Мне обычно папа не разрешает стучать. Но из-за конкурса он мне разрешил. Я стучал каждый день.

Розалинда подумала, что этот мальчик, наверное, похож на Рому. Хотя Рома все еще был мальчиком, сделанным из бумаги.

— Ты умеешь плавать и ловить рыбу?

— Нет. Но я умею готовить и делать деревянные полки.

На втором этаже был длинный коридор с комнатами. Одни ребята входили в них, как борцы, другие неуверенно, на слабых ногах — как Розалинда.

В каждой комнате была плита для приготовления пищи, коробка для шитья, велосипед со спущенными шинами, некрашеная скамейка, длинный прямоугольный глиняный ящик и пакет с ростками и землей.

Розалинду встретила женщина, член жюри, и объяснила ей, что делать:

— Вот инструкция. Тут список заданий. Сама реши, с чего начинать и что делать потом. А я иногда буду заходить. Желаю успеха!

Розалинда осталась одна. Комната выглядела, как вагон для перевозки мебели или как барахольский рынок.

В панике Розалинда начала с ремонта велосипеда. Потом она схватилась за кастрюлю для похлебки, потом решила заняться самым сложным — скамейкой... Нет, не так! Сначала почистим картошку... Или покрасим велосипед... Или... Это ростки или салат? Может, покрасить надо не скамейку, а кастрюлю? А зачем иголки и нитки? Не для того же, чтобы штопать велосипедные шины. И что надо сделать сначала: помыть руки, а потом браться за картошку или сначала помыть картошку, а потом брать ее в руки? Все смешалось в голове Розалинды.

Пока ребята варили, красили, сколачивали скамейки, члены жюри прохаживались по коридору, тихо разговаривали, серьезно молчали и иногда заглядывали в рабочие комнаты к детям: посмотреть, все ли в порядке, не поранил ли какой-нибудь чемпион палец или руку.

Самым впечатляющим членом жюри была пожилая женщина, которая несмотря на свою большую и плохую фигуру ходила по коридору с прямой спиной и высоко поднятой головой, сверкая блестящей булавкой на груди.

Она вошла в комнату 30, где мальчик в очках штопал чулок, и сказала:

— Распори и сделай еще раз.

В комнате 44 она не очень лестно отозвалась об умении ребенка с таким же номером красить мебель. В комнате номер 8 она посоветовала поменьше солить омлеты.

Розалинда сражалась с десятком оторванных пуговиц на служебном плаще, когда увидела эту строгую женщину — свою бабушку. От неожиданности она чуть не вскрикнула, но вовремя приложила руки ко рту.

— Что ты здесь делаешь?

— Ш-ш-ш-ш-ш! Я пришла тебе помочь, глупышка.

С быстротой молнии она принялась чистить картошку и сажать ростки.

— Но это же нечестно! — сказала перемазанная Розалинда.

— Верно,— подняла от картошки голову бабушка.— Но Соединенным Штатам не очень понравится, если на праздник приедут дети не из хороших семей. Пусть даже они умеют делать многое. Хороший характер в мире больше ценится, чем хорошие руки. Мы должны обойти этих проказников и хулиганов.

После этих слов бабушка скрылась за дверью. Потому что она и так провела слишком много времени в одной комнате.

Розалинда высунулась за ней в коридор:

— Бабушка, помоги мальчику под номером 60. Он барабанщик.

— Никаких барабанщиков! — строго ответила строгая женщина из строгого жюри. И направилась к комнате номер 60 помогать указанному любимой внучкой конкурсанту.

К обеденному времени члены жюри начали проверять трудовые успехи экзаменующихся, пробуя блюда, приготовленные ими.

Члены жюри были из разных городов и не знали друг друга. И они не заметили, как исчезла краса и гордость жюри — пожилая женщина с прямой спиной и сверкающей булавкой на груди.

После долгих совещаний и переговоров родителей и детей пригласили в зал на первом этаже, и там было объявлено:

— Наиболее вероятными победителями станут номера 18, 40, 3, 60, 30 и 11. Мы приглашаем этих ребят исполнить что-нибудь на музыкальных инструментах.

Аплодисменты в зале постепенно умолкли. Стало тихо. На сцену вышел номер 18 — девочка с флейтой. Она немного попищала что-то очень правильное и очень знакомое. Каждому, даже немузыканту, поклонилась во все стороны, не выпуская флейту изо рта, в том числе в сторону занавеса, и радостно сбежала со сцены.

Мальчик под номером 40 спросил, есть ли в зале пианино. Когда члены жюри сказали, что нет, он торжественно заявил, что мог бы им сыграть с листа Листа и Моцарта.

Номер третий играл народный танец на губной гармошке. Играл очень старательно и танцевал при этом. Причем у него ноги немного запаздывали за музыкой. Но он очень старался, и видно было, что в нормальных домашних условиях у него все получится.

Потом вышел номер 60. Он объявил, что играет на барабане.

— Я не мог принести барабан,— сказал он.— Но я попробую что-нибудь сделать.

Как фокусник, он достал две палочки и начал стучать ими по сцене, по микрофону и стенам зала, пока зал не начал с энтузиазмом хлопать в ладоши в ритм его ритму. Чувствовалось в каждом жесте, что мальчик с номером 60 — уникальный мальчик с золотыми руками.

Номер 30 — девочка — сказала, что она забыла скрипку дома, и призналась, что играет на ней не очень хорошо. Ее хорошая искренность понравилась комиссии и порадовала, пожалуй, больше, чем хорошая игра на скрипке.

Как хотела Розалинда в эту минуту забыть свою гитару дома. Но гитара была здесь, и члены жюри с нетерпением ждали ее выхода на сцену. Розалинда как убитая вытащила гитару из чехла и стала тихо, тихо петь.

В течение всего времени по противоположной стороне улицы солдатским шагом прогуливалась пожилая полная женщина. Она быстро скользну-

ла в открытое парадное, когда потоки людей стали выходить из экзаменационного здания.

Женщина внимательно всматривалась в толпу и, увидев свою внучку, улыбнулась:

— Выглядит счастливой. Как я и ожидала. Она прошла этот конкурс. Она должна была пройти.

Несчастливая катастрофа

И вот Рома Рогов под весело-завистливые взгляды сестры собирается идти на собеседование в выездную комиссию.

Рома начистил ботинки так, что в них можно было смотреться как в самовар или как в елочный шарик. Глядя в них, можно было причесываться. Надел лучшую рубашку со всеми пуговицами и повязал пионерский галстук.

— Сходи в магазин за хлебом! — строго приказал он Ольге.— И подмети пол.

— Раскомандовался! — ответила Ольга.— Ты — лучший ребенок, вот ты и подметай с утра до вечера. Ладно уж, иди, подмету.

Когда Рома уже взялся за дверную ручку, его задержала Елизавета Николаевна.

— Рома, ты когда-нибудь проходил выездную комиссию?

— А что это такое?

— Тебе будут задавать разные вопросы.

— Какие? — спросил Рома.

— Какие отношения сейчас между белыми и черными в Африке. В каких странах Южной Америки сейчас революция. В чем не прав мировой империализм.

— А в чем он не прав?

— Во всем.

— А в каких странах Южной Америки сейчас революция?

— Во всех понемногу. Там всегда революции,— ответила Елизавета Николаевна.

— Почему меня будут об этом спрашивать? — спросил Рома.

— Как же, ты выезжаешь за рубеж. Должен произвести на иностранцев хорошее впечатление своими знаниями. Они будут видеть, что советского мальчика глубоко интересуют судьбы мира.

— А если я не отвечу на вопрос?

— Значит, поедет другой мальчик. Или другая девочка. Желающих поехать много, а мест в делегации мало.

Сообщение Елизаветы Николаевны несколько насторожило Рому, но не настолько, чтобы запугать. Он твердыми шагами пошел навстречу судьбе, которая должна была предстать перед ним в виде неизвестной выездной комиссии.

В маленьком переулке имени тов. Подсвечникова стоит двухэтажный особняк. Именно из него идет свет учебного разума на весь район. Именно отсюда разлетаются по школам диктанты и контрольные: строгие, но неконкретные приказы и призывы: расширить, повысить и развернуть. (Расширить обычно надо работу, повысить успеваемость, а развернуть, как правило, борьбу.)

Около особняка жужжала группа взволнованных школьников. Это были друзья кандидатов на выезд. Сами кандидаты находились внутри особняка. Они были очень аккуратно одеты и очень серьезны.

Время от времени открывалась большая деревянная дверь комиссии и выходил очередной экзаменовавшийся. Все бросались к нему:

— Ну что? Ну как? Что спрашивали?

— Все спрашивали,— отвечал очередной мальчик.— Про положение в Африке, про то, в какой стране больше всего развит неофашизм.

— А почему? — спросил Рома.

— Они говорят, что советский мальчик, выезжающий за рубеж, все должен знать про положение в мире. Мы — самая передовая страна на Земле, и должны думать не только о себе, но и обо всех других рабочих людях планеты.

Вопросы ребятам задавали самые разные. Не было никакой системы. Все это напоминало кроссворд в газете «Вечерняя Москва»: «Остров в Тихом океане, недавно получивший независимость. Пять букв по горизонтали», или «Один из пятидесяти языков современной Индии. Восемнадцать букв по вертикали».

Поэтому Рома не стал мучиться, искать систему в вопросах, а просто сел и стал ждать, когда придет его очередь.

Наконец высунулась девушка-секретарша и сказала:

— Рогов!

Рома вошел в комнату на резиновых ногах. В углу у окна на длинном столе лежала наполовину законченная стенгазета с названием «Народное образование». Рома ухитрился даже прочесть главный заголовок «Перестройка набирает силу».

На противоположной стене висело развернутое знамя и стояла прислоненная к стене доска почета с фотографиями всех лучших работников комиссии.

А сами эти лучшие работники сидели посередине комнаты за другим столом. Несколько пожилых женщин и один мужчина в помятом костюме и галстуке.

— Проходи сюда, садись.

Рома сел на одинокий стул против комиссии.

— Ты хочешь поехать на фестиваль в Жевену?

— Да.

— А ты знаешь, какое положение сейчас в Южной Африке?

— Знаю,— сказал Рома.

— Какое?

— Сложное. Очень.

— Я бы даже сказала взрывоопасное,— сказала женщина за столом.— Ты согласен со мной? Потому что белые там угнетают темнокожее население.

— Согласен,— согласился Рома.

— А какие у тебя жилищные условия? — продолжала эта же молодая женщина.

— Хорошие,— ответил Рома.— У нас две комнаты и одна соседка. Елизавета Николаевна.

— А сколько у нас детей — членов пионерской организации?

— Не знаю,— сказал Рома.

— Стыдно,— заметила эта же молодая женщина. Почему-то Рома ей явно не нравился.— Стыдно не знать, сколько у тебя товарищей-пионеров.

— У меня три товарища,— сказал Рома.— Мы вместе с ними макулатуру собирали.

— Не спорь с нами,— сказал председатель.— Если мы говорим, что тебе должно быть стыдно, то тебе должно быть стыдно.

— И запомни, пожалуйста,— снова вмешалась молодая,— желающих поехать много, а мест нет. Поедут далеко не все.

— Следующий! — громко сказал председатель, и Рома понял, что надо уходить и ждать в коридоре решения комиссии.

На смену Роме в комнату вошел улыбчивый рыжеватый блондинчик.

— Здравствуйте,— сказал он комиссии и поклонился.— Я — Леша Измайлов.

Комиссия приступила к допросу.

Через некоторое время рыжеватый мальчик вышел. Видно, допрос ему дался легко. Потому что он улыбался такой же легкой улыбкой, с какой вошел в зал.

— Ну, о чем тебя спрашивали? — набросились на него ребята.

— О жилищных условиях.

— И что ты им сказал?

— Что у нас дома шесть комнат.

Ребята даже ахнули.

— А на самом деле сколько?

— Две на четверых.

— Значит, ты соврал? — допытывались ребята.

— Конечно. Им так больше нравится.

— Но это же неправда? — воскликнул Рома.

— Мне и не нужна правда,— ответил мальчик.— Мне надо поехать. Мой папа говорит — ищешь правду, теряешь дружбу.

— А еще что спросили?

— Что нашим ребятам дороже всего?

— И что ты сказал? Родители? Дед Мороз?

— Руководители партии и правительства.

— Ну-ка отойдите, ребята,— сказал Рома.— Я сейчас ему по морде дам.

Он размахнулся и треснул блондинчика по башке. Блондинчик хоть и заискивал перед начальством, но был не трус. Он в ответ съездил Роме по зубам. И началась настоящая драка с синяками, с отрыванием карманов, с кровью из носа.

Из кабинета выскочила молодая комиссионная женщина и вцепилась в ребят. Она оторвала их одного от другого и потащила Рому в комнату комиссии.

Она швырнула Рому на стул и спросила:

— Ты из какой школы?

— Из пятьдесят шестой.

Женщина набрала номер 56-й школы по телефону и попросила директора:

— Петр Сергеевич, кого вы к нам присылаете? Мало того, что у него ужасные жилищные условия, мало того, что он без отца. Он еще драку устроил. Самого лучшего мальчика побил.

Петр Сергеевич ужасно разозлился, но не на Рому — на нее.

Он стал говорить, что Рома должен обязательно поехать. Что мальчик преобразился, сам себя за волосы вытащил из хулиганов в отличники. Что этот ребенок дорогого стоит.

— Вы об одном ребенке думаете,— ответила молодая женщина,— а мы обо всей стране. Такие ребята страну позорят.

Она бросила трубку. И Рома с треском был выставлен на улицу.

Это была полная катастрофа...

Когда Рома подошел к дому, ему пришлось перенести еще один удар. В почтовом ящике лежала открытка. Из Голландии.

Текст был такой:

«Дорогой Рома! Моя подруга Эвелина получила письмо от твоего товарища Игоря Антонова. Он пишет, что ты прошел все конкурсы с победой. И что школа рекомендует тебя в Жевену.

Я тоже прошла все конкурсы, и мы скоро выезжаем.

Моя бабушка счастлива!

До встречи в Жевене!

Розалинда».

Жевенский капкан для победителя

Кирпичиано и его пожилые мальчики не дремали. Они разрабатывали план за планом. Разрабатывали и отбрасывали как негодный.

Наконец они порешили вот на чем.

Как только на фестивале определится победитель — краса и гордость всех стран и народов, его торжественно на старинном автомобиле повезет по городу группа энтузиастов старины.

Эта группа завезет его на старую ферму и засунет в подвал. А потом предъявит счет ОСН или другим руководителям фестиваля. Вот и появится тот самый долгожданный миллион, который до сих пор фигурировал только в анкетах на сообразительность. «Что вы сделаете, если ОСН пришлет Вам один миллион гульденов?» «Отдам деньги родителям». «Положу в банк», и т. д. Никаким родителям Кирпичиано и его приятели деньги отдавать не собирались. И в банк класть не думали. При повышенной молодежной преступности это опасно. А вот подумать о счастливой старости они серьезно хотели. Какой-нибудь небольшой уютный притончик для престарелых. С выпивкой, картами, с другими самыми несложными развлечениями — ничего острого, никакой клубнички.

Как только идея пришла в их престарелые головы, они немедленно стали реализовывать ее.

Туз и Сонька Золотая Ручка начали ездить по пригородам, присматривая недорогую тихую «дачу» на лето.

И вот дача (хаза) была найдена.

Это был отличный пятиметровой высоты сарай для сельскохозяйственных машин. Стены были деревянные, гладкие. И только под потолком были маленькие квадратные окошки.

В сарае запросто могли «отдыхать» победители всех видов соревнований: по глажке брюк, вышиванию, подметанию полов и так далее. Причем не одни, а в составе своих интернациональных команд. Дело оставалось за малым! Кто-то им будет.

За фермой должен был присматривать гангстер с такой сельскохозяйственной кличкой — Картошка.

— Скажите,— спросил он у владельцев фермы,— а где наш руководитель может держать свою машину?

— Где хочет, там пусть и держит,— ответили владельцы.— Может перед домом. Может в сарае. Если, конечно, сможет выкатить оттуда трактор.

— Наш руководитель все может! — гордо произнес Картошка.— Вы его еще плохо знаете.

Это была чистая правда. Если бы владельцы фермы знали Кирпичиано хорошо, они никогда бы не сдали ему свою ферму.

Лимонадный агент

На улице, в магазине Розалинда чувствовала на себе любопытные взгляды. Еще бы! Теперь она была в шестерке лучших детей страны.

Только Тобиус, соседский пес, был единственным, кто не придавал этому событию никакого значения. Он оставался таким же преданным и непослушным. Вот почему Розалинда все чаще брала его на прогулку. И ходили они не только в парк, но далеко в просторы, где Тобиус носился с высунутым языком по всем лугам и лужам.

Как-то раз после одной из таких прогулок, когда они пришли вместе, грязные и уставшие, они увидели, что в комнате сидит человек, который ждал Розалинду.

Мама, увидев Розалинду, вскрикнула:

— На кого ты похожа! Ты вся в грязи почище собаки! Тебя уже более получаса здесь ждет важный человек, а ты с собакой валяешься в глине.

— Мы не валялись, мы упали! — объяснила Розалинда.

Но маму это не успокоило, и она продолжала ругать Розалинду.

«Ну почему все меня воспитывают? — подумала Розалинда.— Такое может случиться и с ХОРОШИМ ребенком».

Она отправила собаку домой:

— Иди к себе, Тобиас. Тебя ждут.

Но хозяину в таком виде Тобиас не был нужен.

— Ты сначала соскреби с него глину! — сказал он.— Ты брала его не таким. Его же нельзя в дом пускать. Я такого его не возьму.

Розалинда вернулась с Тобиасом к себе. Человек, который ее ждал, с некоторым беспокойством смотрел на них с собакой. Он был элегантным, с шарфом вместо галстука, а собака отряхивалась, разбрасывая во все стороны мелкие комки глины. Человек осторожно посторонился.

— Тобиас! — одернула собаку Розалинда. Она объяснила человеку:

— Мы соскользнули с края канавы...

— Ты Розалинда? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Симон Елсма. Как ты относишься к фруктовому лимонаду?

Розалинда ожидала любые, самые трудные вопросы, но не такой.

— Нормально отношусь. Он такой в железных баночках.

Елсма постелил газету на стул и предложил Розалинде сесть.

— Понимаешь, праздник в Жевене будет стоить очень дорого многим правительствам. Подумай сама: билеты на самолет, номера в гостиницах, еда, которая постоянно дорожает, сопровождающие педагоги, экскурсии по городу. Не каждое государство может потянуть такое. И было принято решение обратиться к крупным компаниям за финансовой помощью. Чтобы даже самая бедная страна могла послать своих ребят. Наша фирма решила финансировать вас!

Быстрым движением он вытащил из сумки яркий спортивный костюм и показал Розалинде. Костюм был великолепной, лимонадной расцветки напитка «Фрешель», с названием фирмы, вышитым шелковыми нитками на груди и на спине.

— Ну, как тебе?

В голове у Розалинды при виде костюма стало что-то проясняться.

— Может, это не твой размер. Но это образец. Теперь ты поняла, что мы тебе предлагаем?

Теперь Розалинда поняла.

— У твоих сопровождающих будут такие же костюмы.

— Мне нравится! — честно призналась Розалинда, осторожно поглаживая материал грязными пальцами.

О финансировании поездки голландских детей в Жевену фирмой «Фрешель» передавали в последних новостях. Многие с одобрением отнеслись к поступку владельца фабрики, но некоторые, а если говорить точнее,— бабушка, говорили, что это позор.

Она возмущалась не из-за самого факта финансирования, это как раз, по ее мнению, было хорошим делом, а из-за лимонада.

— Ты только подумай — что они туда добавляют! Консерванты и всякие краски. А потом они заявляют, что любят детей не меньше лимонада.

— А мне нравится костюм, который они принесли,— сказала Розалинда.

— Ты еще в таких вещах ничего не понимаешь! — сказала бабушка.

Как раз в таких вещах Розалинда понимала. Более того, эта вещь понравилась и Вильяму. Костюм, присланный по почте, был Розалинде в самый раз, и Вильям успокоился только тогда, когда мама обещала выстирать костюм после фестиваля в очень горячей воде, чтобы он сел до его размера.

До отъезда в Жевену оставались считанные дни.

Подарок для бабушки

Автобус с ребятами из советской команды подъехал к аэропорту Шереметьево-2. Это международный аэропорт.

Веселые ребята в просторных джинсовых куртках с треугольными яркими ситцевыми врезами высыпали на жаркий асфальт как цветные попугайчики.

— Ребята! — сказал младший вожатый Игорь Иванович.— Все следуйте за мной. Будем сдавать багаж.

— Дети! — сказала старшая пионервожатая товарищ Иванова.— Никуда не следуйте. Встаньте немедленно в шеренгу по одному.

Ребята не знали, как поступить. Половина стала становиться, половина побежала за Игорем Ивановичем. Игорь Иванович был тот знаменитый корреспондент Жувачкин, который писал заметки о Годе Хорошего Ребенка в «Пионерской зорьке».

Вторая половина ребят не выдержала построения в шеренгу, постепенно растаяла и утекла вслед Игорю Ивановичу. Следом за ними утекла и товарищ Иванова. Ей одной было совсем уж глупо строиться в шеренгу по одному.

В аэровокзале ребята, их было человек двадцать, сгрудились вокруг вожатых. Товарищ Иванова пересчитала их и поставила в очередь на регистрацию и прием багажа.

К Игорю Ивановичу подошел мальчик не из делегации. Он был в белой рубашке с короткими рукавами и с короткой челкой. Это был Рома Рогов.

— Здравствуйте,— сказал он.— Можно я передам с вами подарок?

— Подарок? — удивился Игорь Иванович.— Кому?

— Одной голландской девочке. Я с ней переписываюсь.

— Она приедет в Жевену?

— Да. Она прошла все конкурсы. Ее зовут Розалинда Виллинг.

— Что это? — спросил Игорь Иванович, показывая на коробку.

— Это икона.

— Икона? — удивился вожатый.

— Да. Это Сергий Радонежский. Я нарисовал для ее бабушки. Она очень религиозная.

— Сам нарисовал? — спросил Игорь Иванович.

— Да, конечно, сам,— подтвердил Рома.— Там еще письмо есть.

— Ладно,— согласился Игорь Иванович.— Давай сюда.

Никак не ожидал пионер Рома Рогов, что он когда-либо будет рисовать иконы.

А все получилось очень просто. Они с Елизаветой Николаевной решили, что надо обязательно послать подарок в Голландию. И не столько Розалинде, сколько ее достойной бабушке. Лучше всего подарок сделать своими руками. Это и подарок, и рекомендательное письмо о себе самом. А что может быть лучшим подарком для религиозной бабушки от юного художника с народным уклоном? Конечно, икона.

А кого рисовать? Безусловно, Сергия Радонежского. Поскольку он не совсем святой, не столько святой, сколько герой.

Если бы не он, вряд ли бы Россия выиграла самую главную битву за всю свою историю — битву на Куликовом поле.

По его призыву Россия подняла голову и прогнала жестоких татаро-монголов, которые захватили полмира от Китая до Болгарии.

И вот Рома стал ходить по дворам и свалкам и стал искать. Он нашел крышку от очень старого старинного сундука. Средняя доска и послужила основой для иконы. А за образец лика Рома взял тот самый иконописный фотопортрет Сергия, который он купил в религиозном ларьке в городе Загорске.

Рома потратил на эту работу столько времени, сколько потребовалось бы на оформление пяти стенных газет. Но после того как его не пустили на фестиваль в Жевену, он резко потерял интерес к стенгазетам, макулатурам, пионерским сборам и другим видам социальной активности.

Дорога в Жевену

И вот настал день, когда бабушка, мама и Вильям привезли Розалинду в Утрехт.

Голландскую делегацию они нашли быстро. Она стояла в назначенном месте напротив железнодорожного вокзала и была очень заметной. Потому что все ребята и руководители были одеты в одинаковые лимонадно-желтые костюмы.

— Вы только посмотрите на них! — ехидно сказала бабушка Розалинды.— Семь голландских бананов собираются пуститься в дальнюю дорогу.

Вильям засмеялся, а мама вздохнула, не сказав ни слова. Розалинда посмотрела на свои голубые брюки и подумала, что она зря согласилась с бабушкой убрать костюм в чемодан для большей сохранности.

В делегации было двое взрослых — девушка и молодой человек, очень заинтересованные друг другом, и пять беспокойных ребят, скакавших во все стороны по вокзальной площади.

— Рози, иди сюда! — сказала мама. Она стояла рядом с руководителями делегации и хотела представить им свою дочь.

— Меня зовут Эмма!

— А меня — Аренд!

Они дружелюбно кивнули Розалинде, чтобы она не смущалась.

— Мы хотели объехать всех детей задолго до отъезда,— сказала Эмма.— Но ничего не вышло из-за эпидемии гриппа.

— Мы даже друг друга заразили! — сказал Аренд.

— Прошу всех встать рядом! — закричал отец одного из отъезжающих ребят.— Делаю общую фотографию.

Делегация построилась в два ряда: спереди маленькие, сзади высокие.

— А где твой костюм? — спросил Аренд.

— В чемодане,— ответила Розалинда.— Экономится.

Ребята вошли в автобус, который тоже был желтый. Автобус тронулся, и Розалинда стала махать рукой своим родным. Она махала пока их было видно.

Наконец у нее появилась возможность рассмотреть своих спутников. Это были ребята, с которыми она сдавала экзамен. Но она узнала только одного — барабанщика, выступавшего под номером 60. Они сидели с ним рядом.

— Правда здорово? — спросил мальчик, указывая на свой костюм.

— А мой в чемодане. Бабушка говорит, что «Фрешель» — химия, а мы похожи на бананы.

— Костюм просто блеск. У твоей бабушки не все дома, что ли?

Розалинда хотела согласиться с ним. Но потом подумала, что попала сюда только благодаря бабушке. Она хотела рассказать о своей бабушке, как она помогла ей сдать экзамен. Но не знала, можно ли доверять этому мальчику.

— Этот экзамен,— начала она неуверенно,— был очень трудный. Ну... когда нам надо было паять, чинить... Правда?

— Почему? Совсем не трудный. Мне было легко.

— У тебя был шестидесятый номер?

— Да.

— И кто-то из жюри приходил тебе помогать?

— Верно,— сказал мальчик и засмеялся.— Одна женщина хотела помочь мне чистить картошку. Только я делал это быстрее ее.

— Почему?

— Мы живем только с папой и сестрой. Я никогда не сижу сложив руки. Я все умею: готовить, шить, чинить лампы.

— А где твоя мама?

— Умерла. Мой папа жениться не хочет. Он любил маму. Нам хорошо втроем. Сестренка еще маленькая, ей только девять. Я за ней присматриваю.

— А кто сейчас с твоей сестренкой?

— Сейчас она у тети.

После того, что сообщил ей мальчик, Розалинде стало как-то неловко. Она не знала, о чем говорить. Мальчик сам спросил:

— Тебя как зовут?

— Розалинда.

— Ого, какое длинное имя!

— Дома меня зовут Рози... или Роуз.

— А меня Ханс,— представился мальчик. Он тоже засмущался и провел рукой по своим жестким и черным волосам:

— А правда здорово?

— Что?

— Все... и что мы едем в Жевену.

— Здорово! — согласилась Розалинда, Рози или Роуз.

Прибытие победителей

Голландская команда расположилась в отеле «Вильгельм Тель». Это было шестнадцатиэтажное здание, построенное в виде полукруга.

По коридорам гостиницы носились мальчики и девочки всех цветов и размеров: коричневые,

черные, белые... с широкими и узкими носами... с толстыми и узкими губами... с раскосыми и круглыми, как сковородка, глазами... с прямыми, волнистыми и совсем каракулевыми волосами.

Шум, который они все вместе производили, напоминал вавилонское столпотворение — так много было разных звуков, криков, стуков, грохота, падений.

И Розалинде все это должно было бы нравиться, если бы она каждую секунду не думала о Роме. Где же он? Где проживает советская делегация?

Как ей сообщила Эмма, русские проживали вместе с китайцами в гостинице «Амбасадор» в шести кварталах от них. Только Эмма не знала, прибыли ли они или еще нет.

— Хочешь я помогу тебе найти русских,— предложил Ханс, которому Розалинда в дороге рассказала о переписке с русским мальчиком.

— А как мы сможем отсюда убежать?

Эмма и Аренд не спускали с них глаз. При этом они еще ласково смотрели друг на друга.

— Они влюблены! — с видом знатока сказал Ханс, всем своим тоном показывая, что в этом и заключен путь к свободе.

Наверно, он был прав, потому что Розалинда вспомнила, что их руководители одновременно заболели гриппом. Значит, они дружили еще до того времени, как возглавили голландскую команду. А раз так, неизбежно наступит такой момент, когда они перестанут наблюдать за детьми и в конце концов совсем о них забудут.

Вот тогда-то Дидерик простынею повиснет на балконных перилах, Вероника пойдет искать одного своего темнокожего знакомого мальчишку, Симона станет кататься в лифте сколько влезет, Антон сможет облазить всю гостиницу, а Розалинда и Ханс смогут выбраться из нее.

К концу дня такая возможность появилась. Эмма и Аренд увлеченно разговаривали друг с другом, совершенно не обращая никакого внимания на ребят. Ханс и Розалинда выскочили на улицу.

В первый раз в жизни шли они по незнакомому городу без мамы и без папы. В этот момент Жевена была для них самым незнакомым городом в мире. И они были взволнованы.

На стенах и заборах города висели большие плакаты по поводу Года Хорошего Ребенка. Часто

это был портрет очень серьезной и значительной женщины:

«МЫ ДОЛЖНЫ ВЫЯВИТЬ ВСЕХ ЛУЧШИХ ДЕТЕЙ!»

— Давай кого-нибудь спросим, где гостиница «Амбасадор».

— А как? — сказал Ханс.— Я не умею говорить ни по-немецки, ни по-французски.

— По-английски,— сказала Розалинда и с ходу остановила одного прохожего.

Им повезло. Он знал эту гостиницу. И через десять минут они стояли перед входом в суперсовременное здание.

— Я дальше не пойду,— сказал Ханс.— Я подожду здесь. Ведь это твой друг.

Дверь разъехалась. Человек в сине-генеральской швейцарской форме посмотрел на Розалинду вопросительно.

— Русские приехали? — спросила Розалинда.

— Да. Только что приехали. Он указал на группу ребят в джинсово-ситцевых куртках с рюкзаками и чемоданами, постепенно пробирающуюся в лифты.

Розалинда неуверенно направилась к ним. Но она не знала, как Он выглядит. К кому подойти? В сутолоке снующих детей, как пирс в волнистом море, стояла женщина с оголенными крепкими, полными руками, наполненная решимостью с ног до головы. Чем-то она напоминала бабушку Розалинды в молодости. Может быть, поэтому Розалинда выбрала ее.

— Мадам, я пришла встретиться в Ромой Роговым.

— Что? Что? — Женщина с раздражением посмотрела на подошедшую к ней девочку.

— Мне нужен Рома Рогов,— с трудом сказала Розалинда.

— Я не знаю никакого Ромы Рогова! — Женщина взяла чемодан и направилась к лифту.

— Мадам! — позвала ее Розалинда.

Женщина обернулась. На ее лице было написано раздражение.

— Меня зовут Иванова. Товарищ Иванова из советской делегации.

Розалинда была готова расплакаться.

— Здесь должен быть мальчик Рома. Он живет в Москве с мамой и соседкой. Я с ним переписываюсь. Я знаю, он должен быть здесь. Он больше всех металлолома собрал. Он газету рисует.

— Успокойся, не нервничай! — сказала мадам товарищ Иванова.— Оставь ему записку.

В панике Розалинда побежала к швейцару, чтобы попросить бумагу и ручку. Как курица лапой она написала свое имя и название гостиницы, где остановилась голландская команда.

— Ну что? — спросил Ханс, поджидавший ее на улице.

Она шмыгнула носом и проглотила стоявший в горле комок.

Только через несколько минут она смогла рассказать ему о чудовищной женщине, которая разговаривала с ней так, будто вместо зубов во рту у нее был вставлен пулемет.

— Забудь о ней,— посоветовал Ханс.— Такие люди везде есть. А может, она очумела с дороги и все имена у нее из головы высыпались.

Потом он еще предположил:

— А может, она просто пересчитывает детей, а имена вообще не знает. Страна у них большая, делегация тоже. Ты должна ее понимать.

И хотя он просто успокаивал Розалинду, ей стало легче.

Открытие фестиваля

Центральный Жевенский стадион был заполнен ребятами до самого края. Отдельными островками среди них сидели и взрослые.

Из репродукторов лилась музыка. Полоскались сотни разноцветных флагов. То и дело взлетали ввысь воздушные шары.

Запели, зазвенели фанфары! Мисс Карабас подошла к микрофону:

— Ребята! На нас сейчас смотрит весь мир! Смотрят люди изо всех углов земного шара. Поэтому ведите себя хорошо. Не деритесь, не толкайтесь.

И точно. Большое количество людей из всех углов... со всех концов земного...

...В общем, большое количество детей и взрослых смотрело передачу.

В Москве просто прилип к телевизору Рома Рогов. Где-то здесь на экране среди огромного количества крошечных человечков находится голландская девочка Розалинда. Может быть, вот она — с зонтом, а может быть, идет, размахивая флажком. Разве разглядишь, у кого здесь на экране родинка не с той стороны.

Петр Сергеевич Окуньков у себя в кабинете, чтобы никто не мешал, смотрел школьный телевизор. Он учился у «западников», как надо и как не надо проводить детские праздники.

В Амстердаме папа, мама и толстая бабушка Розалинды впервые за много лет не подкалывали друг друга и представляли единую семейную голландскую команду.

— Не хотите ли кофе? — радостно предлагала бабушке мама.

— Еще как! Я заметила, что кофе в этом доме, пожалуй, самый лучший в поселке! — строго констатировала бабушка.

Папа Розалинды от таких бесед сверкал, как начищенный велосипед.

А мисс Карабас продолжала на весь мир:

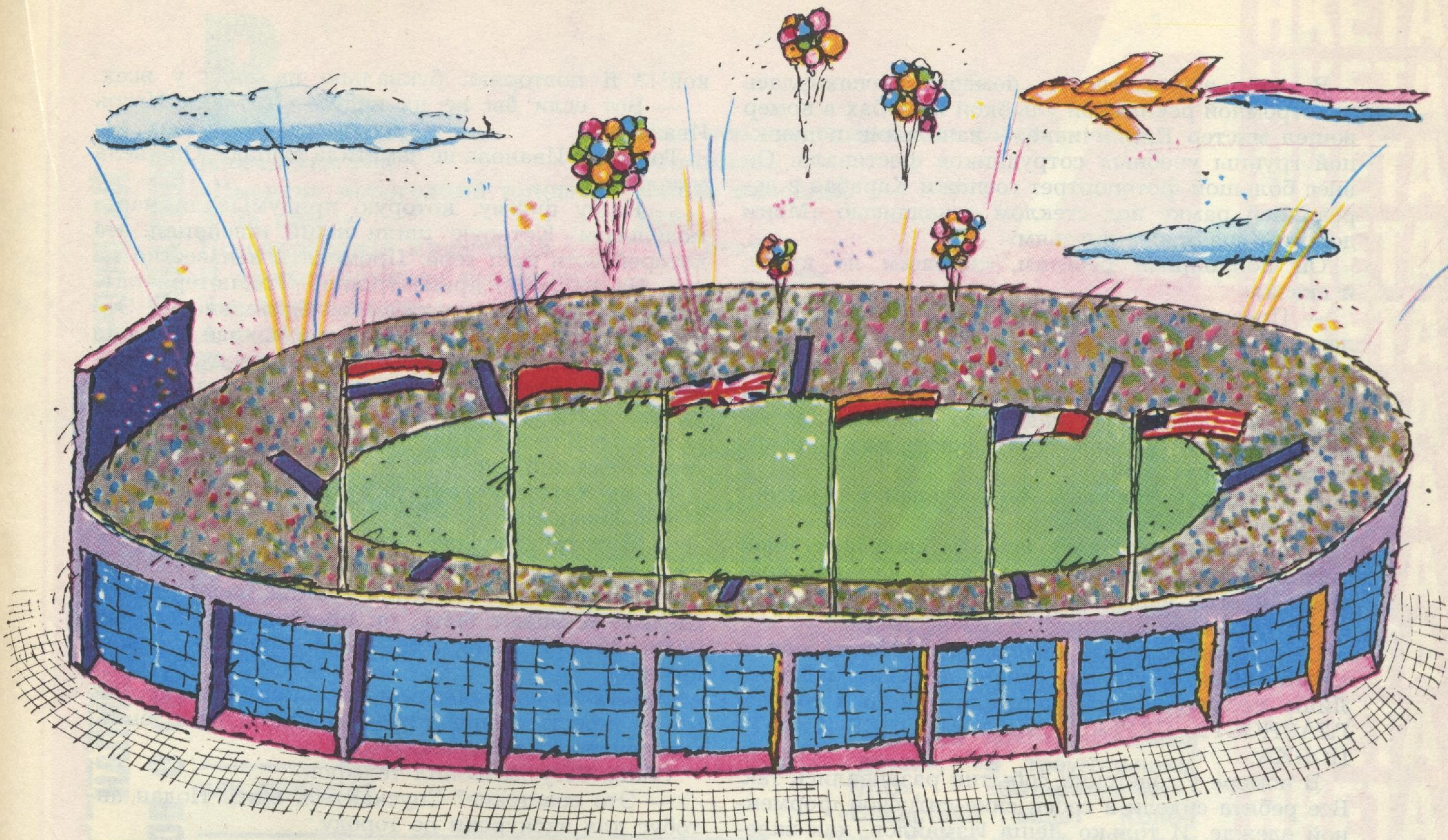
— Ребята, мы собрали вас здесь, чтобы передружить между собой. Пусть подружатся ребята Ирана и Ирака, Палестины и Израиля, Индии и Пакистана. Когда они вырастут, будет мир во всем мире. Я приглашаю на стадион представителей разных стран.

Ворота под трибунами распахнулись, и на стадион полилась длинная колонна ребят! Он шли отдельными командами, с флагами и некоторые со своей музыкой.

— Смотрите,— говорила мисс Карабас,— это лучшие дети Земли и Мира. Многим из них нет и одиннадцати лет, а они умеют подметать, чистить картошку и ботинки, выращивать сельскохозяйственных животных и кроликов. Одни из них ездят на слонах, другие на собаках, четвертые на велосипедах. Мы будем здесь в Жевене соревноваться в разных видах трудовой и социальной деятельности. Мы будем награждать победителей медалями и башнями. У нас изготовлены башни всех стран. Башни всех стран, соединяйтесь. То есть, дети всех стран, соединяйтесь. Дети СССР и Америки, обменяйтесь значками и рукопожатиями. Дети Китая и Тайваня, обнимите друг друга.

Ребята, приехавшие со всех концов Земли, были добрыми и послушными. Все немедленно побежали обмениваться значками. Началась некоторая неразбериха. Стройный поток колонн смешался.

Слава богу, оркестр грянул вальс, и все закру-

жились в танце. Потом загремел рок-н-ролл, а потом брейк.

Рыжий мальчик Леша Измайлов не умел танцевать, не умел петь. Он умел только угодливо отвечать на вопросы взрослых. Поэтому он постепенно оттеснился от задорных участников в тихий уголок. Там стояла и переминалась с ноги на ногу и не знала чем себя занять целая команда в ярко-желто-зеленых костюмах. Команда была похожа на стайку волнистых попугайчиков.

Это была команда Голландии, которая осталась без присмотра. Эмма и Аренд первыми бросились танцевать, когда загремела музыка.

Леша подошел к этим ребятам и стал рассматривать костюм одного элегантного мальчика, стоявшего немного в стороне. На костюме блистали вышитые лимончики. А на груди у Леши ярким солнышком горел Герб СССР.

— Ты из какой страны? — спросил Леша.

— Из Голландии,— ответил мальчик.— А ты?

— Из СССР.

— Вот это да! Ты первый русский, которого я перед собой вижу. А где остальные?

— Вон скачут.

— А тебе что, это не нравится?

— Конечно,— сказал Леша.— Эта Карабас как полковник. «Отпустите шары» — мы отпускаем. «Идите танцевать» — все идут.

— Правильно,— согласился Дидерик,— мы все, как обезьянки в цирке у этой госпожи. И одеты одинаково.

Леша повнимательнее рассмотрел его костюм.

— А что такое «Фрешель»? — спросил он.

— Это такой лимонад. Мы его все время пьем. Он уже у нас из носа льется. Я думаю, что у меня вместо крови «Фрешель» в организме.

— А тебе мой костюм нравится? — спросил Леша.

— Мне любой нравится, кроме этого.

— Давай меняться.

— Давай.

— А где?

— Под любой трибуной.

Они быстро поменялись штанами, курточками и панамками. И радостный Леша побежал искать свою команду. И сразу к лимонадным мальчикам подбежала товарищ Иванова. Она ухватила мальчика в советской форме за куртку и с криком:

— Вот ты где прячешься, а мы все тебя ищем! — потащила к своим.

Дидерик сделал два поворота вокруг своей оси у нее под рукой, вывернулся и убежал прочь, чем привел мадам товарища Иванову в неописуемую ярость.

С этой яростью мы еще сегодня встретимся.

В одном самом неудобном месте стадиона была сделана специальная трибуна для обслуживающего персонала. На ней небольшой группкой сидели наши пожилые гангстеры со специальными пластмассовыми ярлыками на груди. На этих этикетках стояло имя владельца ярлыка и добавлено: учебный сотрудник.

Видно, что учебные дедушки и бабушки очень гордились своими наклейками, не хуже чем профессора своими званиями и степенями. Они все время подносили их к глазам и внимательно читали по слогам.

Суровый разговор в гостинице «Амбасадор»

Товарищ Иванова собрала всех ребят и Игоря Ивановича в большом двухкомнатном номере, отведенном советским ребятам. И начала без всяких предисловий:

— У нас случилось ЧП. Один из наших товарищей, из наших бывших товарищей, сегодня совершил чудовищный проступок. И он должен быть отправлен в Москву.

В это время дверь номера распахнулась и с огромной рекламной улыбкой на зубах в номер вошел мистер Кирпичиано — начальник подвижной группы учебных сотрудников фестиваля. Он внес большой фотопортрет госпожи Карабас в деревянной рамке под стеклом с надписью «Моим дорогим советским друзьям».

Он поклонился ребятам, сидящим по кругу, и сказал:

— Презент! Подарок коллективу ребят от коллектива швейцаров.

Потом он установил портрет на верхней крышке пианино и вышел. В коридоре его ждали еще два таких же портрета с надписью «Моим дорогим американским друзьям» и «Дорогим моим китайским друзьям».

И в каждом портрете был вделан маленький микрофон.

Кирпичиано спустился вниз на свой дежурный пост в небольшую комнату рядом с камерой хранения и стал настраивать коротковолновый приемник на волну «госпожа Карабас № 1».

Он услышал много интересного. Но не понял ничего, потому что не владел русским языком. Лишь несколько слов застряло у него в голове: ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА, ПИОНЕР И ФАРЦОВКА.

В номере у советских события развивались так. Все ребята сидели в своей сине-ситцевой форменной одежде. И только Леша Измайлов, как залетевший попугайчик среди воробышков, был во всем зелено-желтом.

Товарищ Иванова полыхала:

— Как это можно, находясь за рубежом, в эпоху гласности и перестройки, буквально на глазах у всех, будучи пионером, заниматься фарцовкой!!? Я повторяю: буквально на виду у всех.

— Вот если бы не на виду! — вставил Игорь Иванович.

Товарищ Иванова не заметила выпада. Она вела мысль:

— Нашу форму, которую придумывали наши модельеры. Которую шили наши швейники. На которой есть наш герб. Променять неизвестно на что. На какие-то яркие тряпки. Это потеря патриотизма, потеря политической бдительности. Это все равно, если бы наш солдат в походе поменял свою военную форму, свой автомат на джинсовый костюмчик или модный плащик. Мы должны наказать Алексея Измайлова и исключить его из команды. Кто за? И учтите, что мы должны голосовать единогласно.

Ребята стали поднимать руки. Но тут вмешался Игорь Иванович:

— В этом деле надо как следует разобраться. Ведь у нас гласность. Поступок, конечно, нехороший. Но мы же не спросили у Леши, почему он это сделал? А может быть, он преследовал хорошие цели. Может быть, это не фарцовка, а жест дружбы.

Ребята из команды рты пораскрывали. Что же это — преступление или подвиг? И как быть: исключать или награждать?

Слава богу, зазвонил телефон.

— Это советские? Спускайтесь вниз. Подан автобус для экскурсии по городу.

— А ты останешься в номере,— сказала товарищ Иванова Леше Измайлову.— Сам подумаешь над своим поступком, сам его оценишь, сам придумаешь себе наказание. Потом доложишь своим товарищам, и мы, руководители, с тобой разберемся.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

«МОЯ СТРАНА В 2000 ГОДУ»

Такой конкурс объявляет журнал «Советская женщина» и приглашает тебя в нем участвовать. Итак — лучший рисунок о будущем! Какой ты представляешь нашу страну в новом тысячелетии? Кем видишь себя? А друзей?.. Может быть, тебе захочется побывать на другой планете или исследовать дно океана? Кто там обитает? Может быть, ты собираешься изобрести необыкновенную машину или, скажем, вырастить цветок бессмертия?

Пусть фантазия подскажет тебе, ЧТО НАРИСОВАТЬ.

В конкурсе могут принять участие ребята не старше 15 лет. На обратной стороне рисунка четко напиши название работы, свою фамилию, имя, возраст, домашний адрес. Последний срок отправки рисунков — 15 марта 1989 года.

Лучшие работы с мая 1989 года будут печататься в журнале «Советская женщина» и у нас, в «Пионере». А в сентябре они разместятся на стендах VII Международной книжной выставки-ярмарки, которая откроется на ВДНХ. Их увидят миллионы москвичей и гостей столицы.

Победители конкурса получат премии. Первая, самая почетная — поездка в Москву вместе с мамой или папой. Другие ребята, чьи работы жюри отметит в числе лучших, получат памятные дипломы, книги, сувениры.

РИСУНКИ ШЛИ ПО АДРЕСУ: 103764, г. Москва, К-31, Кузнецкий мост, 22, редакция журнала «Советская женщина». На конверте укажи: *«Моя страна в 2000 году».*

«ПИОНЕРСКАЯ» АНКЕТА

ПРОЧИТАЙ И ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ!

Вот и осень,
Кончается год.
«Пионер» новогодний придет,
А за ним —
Номер первый примчится
И других номеров вереница...
Это будет потом,
А сейчас
Потрудитесь немного
Для нас!
Мы хотим,
Чтобы вы написали,
Что понравилось
в нашем журнале,
Или что, проглядев без следа,
Отложили,
Забыв навсегда.
Всех,
всех,
всех
призываем
к ответу!
Посмотрите-ка
Нашу анкету
И, заполнив,
Пришлите в журнал,
Чтобы он
интереснее стал!

НАПИШИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

СКОЛЬКО ТЕБЕ ЛЕТ? ______

КТО ТЫ, МАЛЬЧИК ______

ИЛИ ДЕВОЧКА? ______

ГДЕ ЖИВЕШЬ? ______

ДАВНО ЛИ ЧИТАЕШЬ «ПИОНЕР»? ______

БУДЕШЬ ЛИ ВЫПИСЫВАТЬ «ПИОНЕР» В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ? ______

КАКОЙ ЕЩЕ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ПОЛУЧАЕШЬ? ______

В этом году в «Пионере» появились новые рубрики: «Вперед», «Зеленая карета», «Новые Васюки, 64», «Музыкальное лото», «Планета детей», «В треугольнике НЛО», «Сатирикончик», «Следствие ведет Колобок». Какие из них тебе понравились и ты бы хотел увидеть в 1989 году? (Подчеркни синим.) Какие не понравились? (Подчеркни красным и объясни почему.)

«Пионер» напечатал повести: «Золотые весла времени, или «Уйди-уйди» Евгения Велтистова, «Форвард — в защиту» Ильи Москвина, «Голиков Аркадий из Арзамаса» Тимура Гайдара, «Логово» Виктора Потиевского, «Друг по переписке» Бориса Минаева, «Таня Смелая и Алеша Пряников» Сергея Иванова, «Шамайка» Юрия Коваля, «Год хорошего ребенка» Элс де Грун и Эдуарда Успенского,— подчеркни те повести, которые запомнились.

Что ты хотел узнать или прочесть в «Пионере», но так за целый год этого и не дождался?

______

______

______

______

Какие повести, рассказы, рубрики, на твой взгляд, хорошо художественно оформлены, проиллюстрированы, а какие плохо? С кем из «пионерских» художников ты хотел бы встретиться в следующем году?

______

______

______

С нетерпением ждем заполненных анкет! Наш адрес — в конце журнала. На конверте пометь — «АНКЕТА»

САТИРИКОНЧИК

БЫЛИНОЧКА

Игорь ШЕВЧУК

Володимир-свет

Ой, ты гой еси,
Дружки-дружичи,
Нам-то быль вести
Вам-то слушати...

Как по тропушке
Вдоль канавоньки
Топал Вовушка
Долго ль мало ли.
— Что, свет Вовушка, взор туманится?
Что головушка набок кренится?
Аль в тетрадоньке нет заданьица,
Сочиненьица, да с упражненьицем?

Ой, ты гой еси,
Невесел ответ
Молвит вскорости
Володимир-свет:
— Как же, молодцу, мне не печалиться?
Не кручиниться, как ясну соколу?
Промахал я всю четверть палицей!
Провкушал эскимо, да с соками!
А дневник-то мой
Во сырой земле
Думу думает,
Думу горькую:
В нем пятерочек — не трудись искать,
А уж двоечек — не трудись считать,
Ан пришел мне срок и ответ держать...

Не боюсь зверья
Подколодного,
Люта ворога,
Боя ратного!
Одного боюсь —
Тятю родного,
Ремешка его
Да сыромятного!
Ой, ты гой еси!

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Понравилась Алеше одна девочка из параллельного класса. Он подошел к ней тихо и говорит: «Давай дружить». Но тут прибежали громкие ребята из перпендикулярного класса и отобрали эту девочку, утащили ее на танцы. А девочка была очень красивая, всем хотелось с ней танцевать, и началась драка. А Леша снова тихо подошел к ней, взял за руку, и они пошли гулять во дворе. Гуляли, гуляли, а было жарко, и девочка говорит: «Эх, если бы сейчас мороженого, да денег нет! Как жалко, ай-ай-ай!» Алеша вздохнул и превратился в эскимо за двадцать копеек. И девочка его съела. Она даже не заметила, что Леши нет — пропал. Выкинула она палочку и пошла танцевать. А палочка тихо превратилась в грустного Лешу, вздохнула и пошла к маме. Больше Леше не нравилась эта девочка, а нравилась другая.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМЧИК

Григорий ОСТЕР

Никогда не разрешайте
Ставить градусник себе
И таблеток не глотайте,
И не ешьте порошков.
Пусть болят живот и зубы,
Горло, уши, голова,
Все равно лекарств не пейте
И не слушайтесь врача.
Перестанет биться сердце,
Но зато наверняка
Не прилепят к вам горчичник
И не сделают укол.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

АБЗАЦ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТЛИЧНИКИ

Братья Черепановы изобрели паровоз потому, что еще в детстве поняли — на тройках далеко не уедешь.

ПРИЛЕЖАНИЕ

Пятиклассница Маринкина два часа занималась изучением родного языка, показывая его самой себе перед зеркалом.

ОТВЕЧАЙНАЯ

«Здравствуйте! Если даете кроссворды, так полегче! Иначе такие письма будут приходить! До свидание!» Н. А., г. Серпухов.

Специально для любителей легких кроссвордов. По горизонтали: 1. Первый день недели; 2. Последний день недели. По вертикали: 1. Первый месяц летних каникул; 2. Количество месяцев в году.
Не тяжело? Превет!

ВИДИК

ОКОНЧАНИЕ К „ВИДИКУ" № 5 ТАК ЗАДУМЫВАЛИ ЕГО АВТОРЫ:

А ТАКОЕ ОКОНЧАНИЕ ПРИДУМАЛИ ВЫ:

I. НИНА НИКОЛАЕВНА! ОПЯТЬ ВЫ МОЙ ПОРТФЕЛЬ С ВАШЕЙ СУМКОЙ ПЕРЕПУТАЛИ!

ЮЛЯ ВАЗИНА г. ЧЕЛЯБИНСК

II. МОЖНО ВАС ПРОВОДИТЬ? А???

ЮРА ВОЛКОВ г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

А ТЕПЕРЬ НОВОЕ ЗАДАНИЕ:

И ОПЯТЬ В СВЯЗИ С ПОЛОМКОЙ „ВИДИКА" ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КАДР ДОДУМАЙТЕ САМИ!...

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ
мы рассказываем о ЧЕЛОВЕКЕ, самом совершенном и самом загадочном творении природы. Мы знаем о себе как будто бы уже немало, но на самом деле наука о человеке еще только зарождается. Вот некоторые фрагменты нашего сегодняшнего знания о том, каков человек и что он может.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

«МЕТКА» ДЛЯ СЫЩИКА

В конце апреля этого года испанские газеты сообщили, что в Барселоне наконец-то задержан опасный преступник. Этому событию они посвятили целые страницы. Почему же пресса проявила такой интерес — ведь в больших городах подобные происшествия, увы, не редкость? Зато редкостным оказался способ изобличения, примененный криминалистами.

Задержанный все отрицал, и тогда за помощью обратились в знаменитый Скотланд Ярд. Тот самый, у которого частный сыщик Шерлок Холмс блистательно выигрывал состязания в мастерстве. Но теперь сыскное агентство оказалось на высоте. Доказательства вины были представлены неопровержимые. И основывались они на поразительном открытии, сделанном недавно молекулярными биологами.

Многообразие живого мира зависит от гигантских молекул наследственности — ДНК, от того текста, который в них записан. Указания в этом тексте содержатся разные, так что божья коровка не зря не похожа на мышь, а воробей — на человека. Но до последнего времени думали, что у всех воробьев, или божьих коровок, ну, и у всех людей, конечно, ДНК совершенно одинакова или же отличается столь незначительно, что уловить это невозможно.

И вдруг сенсация! В текстах ДНК обнаружили такие места, где чередование букв различно даже у близких родственников — например, у мамы и дочери.

Открытие таких «изменчивых» участков означает, что в каждом живом организме — будь то животное, растение или человек — есть своего рода метка, которая столь же определенно говорит о своем носителе, как отпечатки пальцев — о человеке.

Именно этой «меткой» воспользовались специалисты Скотланд Ярда. Они сравнили молекулы ДНК, взятые у подозреваемого, с теми, что были извлечены из капель крови, оставшейся на месте преступления. Чередование букв в «изменчивых» участках совпало полностью! Вина была доказана.

Криминалисты утверждают, что теперь в их расследованиях наступила новая эпоха: никого не спасут уже перчатки, предусмотрительно одетые, чтобы скрыть отпечатки пальцев. В любом волоске, в любой микроскопической чешуйке кожи, оставшейся на месте происшествия, всегда есть молекулы ДНК, которые можно подвергнуть точному и беспристрастному анализу.

Но, конечно, не стоит думать, что новейшее научное открытие служит только криминалистике. Селекционеры давно уже мечтали о такой метке, которая позволяла бы в длинной череде поколений животных или растений надежно прослеживать перемещение наследственных особенностей. Сейчас эта метка найдена. И те биологи, которые владеют искусством ее выделять, буквально завалены письмами селекционеров с просьбой обучить их работе с ДНК. Потому что это резко ускоряет выведение ценных пород животных или урожайных сортов растений.

Открылась теперь возможность и гораздо точнее проследить развитие жизни на нашей планете, разгадать загадку ее великого многообразия. Но все-таки остается еще одна самая большая загадка. С какой целью природа создавала в молекулах ДНК специальные переменчивые участки, как бы «паспорта» для каждого существа на Земле? Ведь тогда, когда это происходило, не было ни ученых-селекционеров, ни преступников и сыщиков, ни даже вообще людей...

В. И. ИВАНОВ, доктор физико-математических наук.

ГАДАНИЕ ПО РУКЕ

Однажды большую группу ребят 11—13 лет (256 человек) сначала попросили пробежать тридцатиметровую дистанцию и прыгнуть с места, а потом сняли у них... дактилоскопические отпечатки, попросту говоря, отпечатки пальцев и ладоней. Зачем? Оказалось, что мальчики, бегающие быстрее и прыгающие дальше, имели на пальцах и ладонях вполне определенные узоры. Например, так называемые ульнарные петли на правой руке быстрых бегунов встречались в 70% случаев, а на левой — в 76%. А у тех, кто показывал средние результаты,— соответственно 55 и 48%. Различие более чем достоверное. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что у девочек столь четкой зависимости обнаружить не удалось.

Может быть, со временем гадание по руке поможет выискивать перспективных атлетов, хотя бы среди мальчиков?

Л. ВИКТОРОВА

ДИКТАНТ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Это может подтвердить не только любой учитель, но и врач.

У хорошо успевающего школьника, пишущего диктант на уроке, пульс возрастает до 100 ударов в минуту, температура кожи увеличивается на полтора градуса и щеки начинают пылать, нижнее давление поднимается на 7—10 мм ртутного столба, ухудшается реакция и начинают дрожать руки. Словом, налицо все признаки утомления. И чем длиннее диктант, тем очевиднее симптомы.

Столь серьезное испытание легче переносить утром, на свежую голову. Опытные учителя знают об этом и проводят диктанты на первых уроках. Ну, а как же тебе готовиться к диктанту? Прежде всего хорошенько отдохнуть накануне, выспаться. Тогда можно рассчитывать на объективную оценку.

ДВЕ ПЕРЕДНИЕ И ДВЕ ЗАДНИЕ

Почему человек во время ходьбы размахивает руками? На этот вопрос принято отвечать так: чтобы лучше сохранять равновесие.

Но есть и другая гипотеза. Некоторые исследователи считают, что размахивание руками — своеобразный двигательный атавизм, как бы напоминание о том, что наши далекие предки передвигались на четвереньках.

Если хочешь меньше походить на четвероногих (точнее, четвероруких), старайся не очень сильно размахивать руками.

ЗАЧЕМ НАМ СНЯТСЯ СНЫ?

Говорят, что человек утром немного умнее, чем вечером. Почему? Ответ надо искать в том, как мы спим. Сон наш складывается из двух фаз. Одна — это сон медленный. Другая — сон быстрый, парадоксальный. Он приносит нам сновидения, обычно по пять-шесть за ночь.

Сновидения — это стихия фантазии. Во сне сознание освобождается от запретов, ограничений, волевых установок реальной жизни. Парадоксальный сон готовит мозг к творчеству; он очищает от шаблонных мыслей, засевших в голове, отбрасывает неудачные решения, усиливает способность думать.

И вот что интересно. У одаренных людей потребность во сне порой резко сокращается. Микеланджело днями и ночами работал над своими творениями. Брюллов много суток подряд писал, не отрываясь, «Гибель Помпеи». Менделеев три дня и три ночи проработал у конторки, создавая комбинации элементов для таблицы, а увидел решение во сне. Наверное, чем совершеннее творческое устройство человека, тем меньше ему требуется отдыха, настройки. Но и эффективность сна у таких людей сильно повышена.

Если сны видят все люди, значит, каждый наделен способностью к творчеству. Для обычного человека есть один способ решить наболевшую проблему — как следует выспаться.

В. НИКИТИНА

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

ЧТО ПОДСКАЗАЛА КЛЯКСА

Сделай обычную чернильную кляксу и спроси у своих друзей, на что она похожа. Ты получишь самые разные ответы: на верблюда, рыбу, грушу... Сколько людей, столько и мнений.

Должно быть, именно размазанная клякса подсказала известному швейцарскому психологу и психиатру Герману Роршаху замечательную идею — познавать людей по их реакции на бесформенные пятна и узоры. Роршах составил целые таблицы из картинок, которые и легли в основу известного сегодня психологического теста. Испытуемому предлагают рассмотреть картинки и рассказать о своих впечатлениях и ассоциациях. В такой неоднозначной ситуации люди обычно откровенны и раскованны — ведь от них не требуют точных оценок: правильно — неправильно.

Если ответы подробные и яркие, значит, у человека богатое воображение. Если он воспринимает и описывает картинку в целом, он скорее всего склонен к абстрактному мышлению. Если же испытуемый выделяет в изображении частности, фрагменты, ему можно приписать практическую сметку, трезвый ум и деловые качества.

Конечно, по тесту Роршаха можно сделать самые общие выводы. Но и они позволяют судить о задатках и способностях человека, помогают выбирать профессию.

Л. НАДЕЖДИНА

САМЫЙ-САМЫЙ!

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ...

...НАПИСАТЬ КНИГ?

Собрание сочинений Л. Н. Толстого насчитывает 90 томов, А. Дюма (автора «Трех мушкетеров» и других популярных романов) — 301 том. Ж. Сименон долгие годы писал ежегодно по роману и повести впридачу; Ж. Верн (правда, не так долго) — по три романа в год. Популярный фантаст А. Азимов ныне этот показатель превзошел, «выдавая» в год до 5 романов — правда, с помощью компьютера. Впрочем, нет гарантии, что каждый из них — на уровне «Войны и мира».

...ПОДНЯТЬ?

Тяжеловесы ныне толкают штангу весом около четверти тонны. Сохранились предания о богатырях-грузчиках, которые таскали на спине и того больше. Но все это меркнет перед рассказом об одном худеньком, совершенно не спортивном музыканте, который во время наводнения взвалил на спину и унес на второй этаж свой любимый старинный рояль весом не менее полутонны. Вот что значит любовь к искусству!

...СДЕЛАТЬ ГВОЗДЕЙ?

С помощью станка-автомата, разумеется, сколько угодно, а вот вручную? В середине прошлого века английский кузнец Дж. Лестон ухитрился сделать за две недели 17 тысяч первосортных гвоздей — более тысячи в день! Рекорд не мог побить никто до начала XX столетия, а потом уж на него никто и не покушался.

Рисунки Д. КАМЕНЩИКОВА.

День исполнения желаний

Александр ЛЕСЬ

(почти вероятная история)

Это произошло недавно, может быть, даже позавчера — если позавчера была суббота.

Итак, это случилось в субботу, теплым осенним днем.

Ученик пятого класса Витя Гуров не спеша возвращался из школы. Он не боялся, что дома ему влетит за опоздание: еще утром родители уехали в деревню к бабушке и обещали вернуться только в воскресенье вечером. Перед отъездом они подробно объяснили сыну, как ему жить эти два дня, что есть и когда ложиться спать. Разумеется, Витя забыл все их наставления, как только вышел из дому. Он помнил лишь одно: весь субботний вечер и все воскресенье он сам себе хозяин. Поэтому из школы он возвращался самой дальней дорогой.

Самая дальняя дорога шла через район новостроек с замечательными траншеями, через которые надо прыгать с разбега — иначе не перескочить. Она проходила и по только что уложенному асфальту, где так хорошо бегалось наперегонки. Не миновала она и старую танцплощадку, где Вите тоже пришлось задержаться, чтобы помочь команде малышей выиграть в футбол у ребят постарше. Наконец эта долгая дорога домой привела мальчишку в старый, запущенный сквер, где он и сел отдохнуть на покосившейся скамейке.

Напротив скамейки высился столетний былинный дуб, и на его верхушке грелись в лучах вечернего солнца два ворона: сутулый, мрачный ворон-старик и шустрый вороненок.

У Вити был острый, натренированный подсказками слух — ему послышалось, что птицы разговаривают между собой на человеческом языке.

«Может быть, дрессированные,— подумал он,— из цирка улетели или из живого уголка». Но прислушавшись, Витя рот открыл от удивления — птицы говорили о нем!

— Видишь,— тихо сказал старый ворон,— внизу, на скамейке, сидит растрепанный мальчишка — Витька Гуров из 5 «В» класса восемнадцатой школы? У этого мальчишки завтра — День исполнения желаний.

— День исполнения желаний? А что это такое? — каркнул вороненок.

— Тише ты! — зашипел старый ворон.— Не ровен час услышит! Он об этом знать не должен. Ни один человек не может знать свой День исполнения желаний!

— Расскажи, дедушка, расскажи! — зашептал

вороненок, пересаживаясь поближе.— Мальчишка далеко, где ему услыхать.

Витя сидел не шевелясь и прислушивался так старательно, что его чуткие уши даже немного вывернулись вперед.

— Ладно, расскажу,— согласился ворон.— Так вот: у каждого человека три раза в жизни бывает волшебный день — День исполнения желаний. Он начинается с восходом солнца и кончается с его последним лучом. В этот день исполняется все, что человек по-настоящему пожелает, удается любое дело, сбывается любая мечта. Ученые делают в этот день свои открытия, художники создают шедевры. Но большинство Дней расходуется попусту. Знаешь, на что истратил свой первый волшебный день этот мальчишка? Он не выучил уроков и мечтал о том, чтобы его не вызвали к доске. Его не спросили ни по одному предмету,— и он до самого вечера радовался, что не получил ни единой двойки.

Витя чуть не застонал, услышав это. Он помнил тот день — это было три года назад. Если бы он тогда знал!..

— А завтрашний, второй свой День,— продолжал ворон,— он собирается истратить на шалости, и, конечно, они ему все удадутся.

«Нет!.. Никаких шалостей! Теперь я знаю, что делать!..» — Мальчик не заметил, как произнес последние слова вслух. Вороны снялись с ветки, с громким карканьем сделали круг над дубом и улетели прочь. Но Витя не очень огорчился — ведь он узнал главное.

Из старого сквера Витя бежал домой самой короткой дорогой. Ему хотелось петь, но из памяти разом улетучились слова всех песен. Подумать только: не три желания, как в сказках, не семь — целый День исполнения желаний! Сколько же можно нажелать себе за целый день?..

Дома Витя кое-как перекусил и, забравшись с ногами в кресло, стал мечтать о завтрашнем волшебном дне.

Хотелось многого. Хотелось исправить все двоечки на пятерки с плюсом... Персональный компьютер для игр хотелось, видик, японский кассетник... Шмотки хотелось самые наимоднейшие, мотоцикл, моторку...

Сложности, которые, наверное, возникнут из-за такого внезапного изобилия, Витю не пугали. Он верил, что легко уладит любые неприятности,—

ведь завтра он на весь день станет самым настоящим волшебником!

Эта последняя мысль невольно повернула Витины мечты в иное русло.

Что там шмотки и кассетник! Он же может одним усилием мысли осуществить то, над чем лучшие умы человечества бьются столетия!.. Это же будет полный отпад, когда люди вдруг обнаружат, что мировые проблемы уже решены, что нет больше войн, болезней, голода!..

У Витьки даже дух захватило от таких мыслей! Где уж тут было в кресле усидеть.

«Я же могу все! — лихорадочно думал он, шагая по комнате.— Я могу, например, климат улучшить!.. Хотя ухудшить тоже могу. Конечно!.. Надо же знать, что менять. Глупые желания — самые что ни на есть опасные. Нет, надо все как следует обдумать...»

Нечего говорить, что Витя Гуров в этот вечер не пошел к товарищу играть в настольный хоккей, не стал смотреть по телевизору заграничный детектив и вообще не делал ничего из того, что наметил еще утром. Он сидел в своей комнате и размышлял о свалившемся на него могуществе.

Уже близилась полночь, когда наш герой решил наконец, ЧТО он сделает завтра.

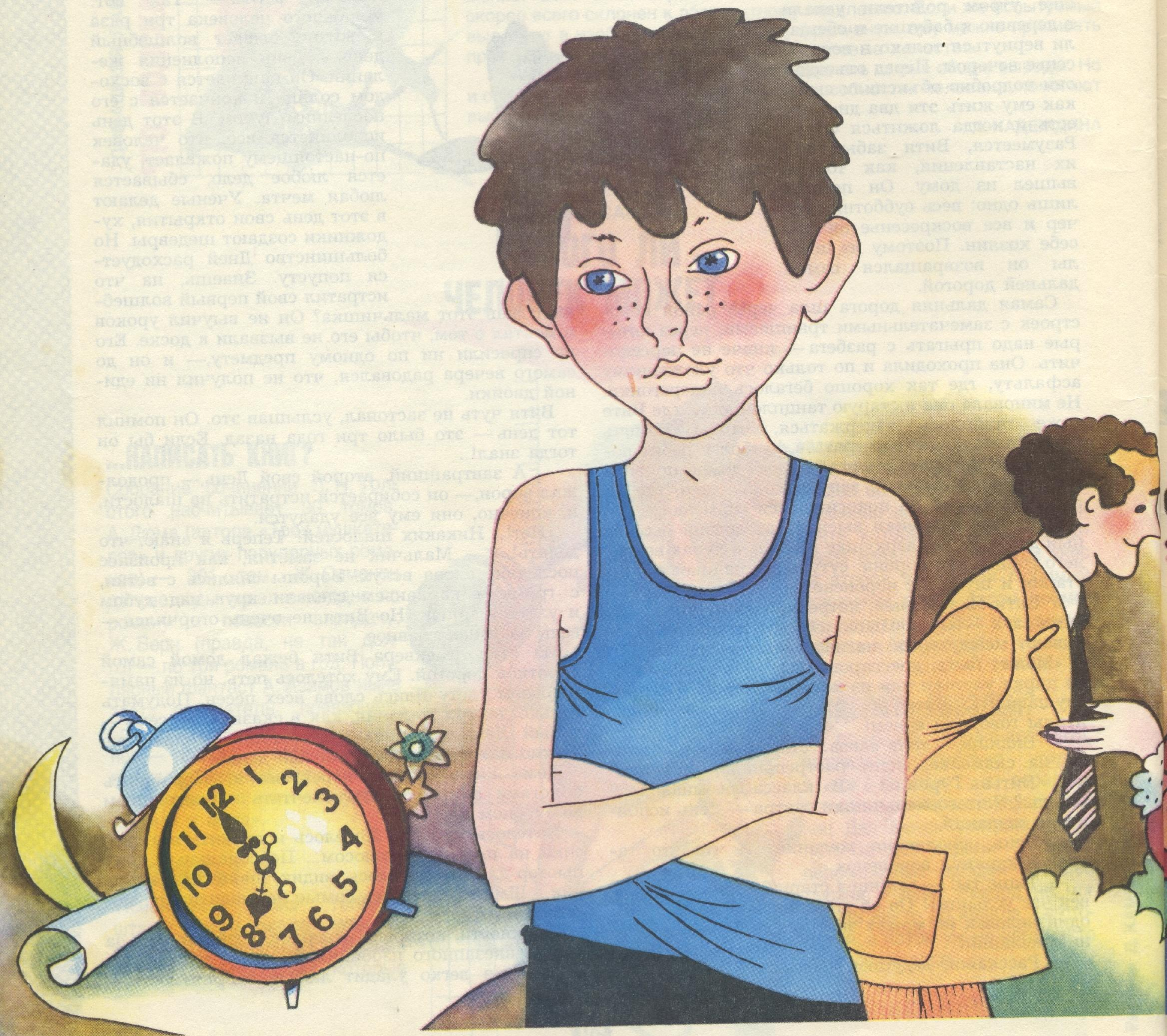
Чтоб не напутать, Витя записал самые главные желания на тетрадном листе. Желаний оказалось немного,— видимо, он действительно как следует подумал.

Прежде чем лечь, Витя узнал в календаре час восхода солнца и завел будильник.

Как у многих его сверстников, у Вити были сложные отношения с будильником. Будильник обычно заводили родители, уходившие на работу рано. Настырный звонок вытаскивал мальчишку из-под одеяла в половине восьмого. Зато в воскресенье Витя спал до десяти и потом еще долго нежился в постели. Но в этот выходной он решил встать вместе с солнышком.

Витя положил листок с желаниями на ночной столик и придавил его будильником.

Он долго не мог уснуть: все представлял, как будет происходить исполнение его грандиозных

желаний. Уже сквозь дрему пришло сомнение: а не почудился ли ему разговор воронов?.. С этой мыслью и уснул.

Спал он тяжело, часто вздрагивая и просыпаясь. Ему снились вороны, летающие среди звезд.

Настоящий сон пришел только под утро. Это был добрый, ласковый сон, сон-сказка, сон-приключение. И в этот прекрасный, желанный и ускользающий сон, разрушая все и сметая, ворвался пронзительный звон будильника.

«Чтоб ты провалился!» — привычно пожелал Витя, отворачиваясь к стене и пряча голову под подушку. Дребезжащая трель смолкла, но мальчишка уже все вспомнил и открыл глаза. В сером свете утра комната показалась ему холодной и неуютной. Откинув было одеяло, он тотчас натянул его до самого носа.

— И зачем было заводить будильник на такую рань! — сказал он сам себе, сворачиваясь калачиком.— Впереди целый день. Что, собственно, случится, если я посплю еще полчасика?.. Нет, лучше пусть я проснусь, когда на будильнике будет ровно восемь часов.

Пробормотав это, он тут же уснул.

И вновь Вите снились чудесные сны. Но теперь в них не было ни тайн, ни забот, ни времени — только покой и тихая радость.

Проснулся он внезапно.

В его комнате было темно, а из соседней через приоткрытую дверь сочился электрический свет. Ничего не понимая, Витя поспешил включить ночник.

— Проснулся, сынок? — возле столика стояла мама в домашнем халате и виновато улыбалась.— А мы с отцом час назад только приехали. Умница, что не стал нас ждать, а лег вовремя. Мы тоже сейчас будем ложиться... Да, бабушка тебе привет передает!

Витя смотрел то на маму, то на темный квадрат окна. Он понимал, что это поздний вечер, что родители вернулись из деревни, что воскресенье кончилось,— он только не мог понять, как это произошло.

— А я заглянула к тебе, смотрю,— часы под столиком лежат.— Мама повертела в руках будильник.— Свалились, наверное. Стекло цело и стрелки переводятся, а не идут. Придется в починку сдавать... А тебя мы завтра разбудим пораньше, так что спи, гаси свет. Спокойной ночи.— И она вышла, осторожно затворив дверь.

Сын не ответил. Он смотрел на столик, на листок с перечнем желаний. В том самом месте, где должен был стоять будильник, чернела аккуратная прямоугольная дыра.

Витя вспомнил, как пожелал будильнику провалиться! Это было первое исполнившееся желание.

Второе тоже исполнилось — он проснулся, когда мама перевела стрелки будильника на восемь часов. Но это произошло уже после захода солнца.

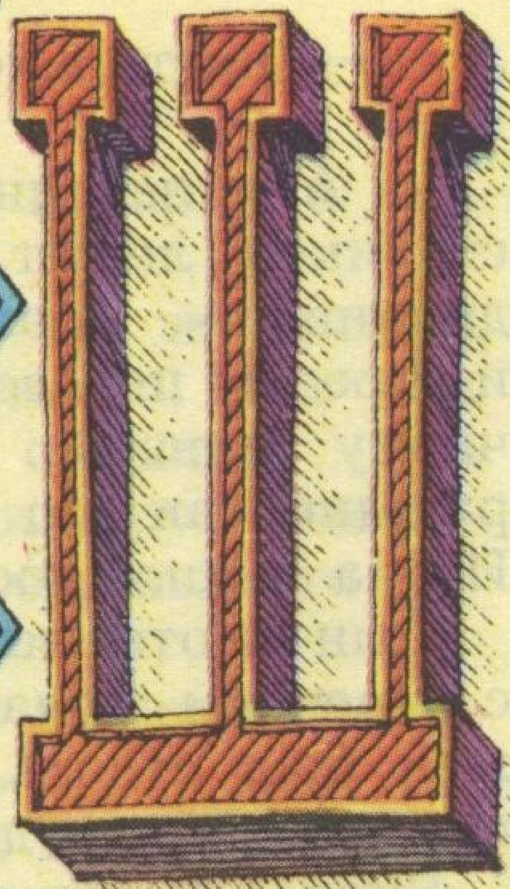
Неудавшийся чародей упал в подушку и зарыдал. Теперь он точно знал, что старый ворон сказал правду: сегодня был самый настоящий День исполнения желаний, и он, Витька Гуров, проспал свой волшебный день!

Он плакал долго и горько, перебирая в памяти все подробности субботнего вечера. Но когда выплакался, подумал, что, может быть, не все еще потеряно,— это был второй, но не последний День в его жизни. Пусть он не знает и не узнает, когда наступит третий День исполнения желаний,— главное, что этот день придет.

Рисунки Г. БЕДАРЕВА.

ШАХМАТНЫЙ КЛУБ «НОВЫЕ ВАСЮКИ», 64

ахматный конкурс, который объявил Ося Б. из Новых Васюков в № 8 нашего журнала, произвел настоящий тайфун. Тайфун писем. Теперь каждое утро Ося Б. в сопровождении своего знаменитого деда Остапа Бендера приходит в редакцию, и... Ося Б. разбирает почту, а дед рассказывает нашим сотрудникам разные истории. Из чего мы сделали вывод, что Шахматная Гостиная надолго переехала в журнал «Пионер».

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

Однажды Мольтке, проиграв партию в шахматы, был до того зол, что сначала поискал глазами: нет ли тяжелого предмета, которым можно ударить партнера, его подчиненного,— но не найдя ничего подходящего, раскрыл рот, вытащил оттуда искусственную челюсть и с наслаждением стукнул ею своего партнера по лбу.

* * *

Участники международного турнира претендентов 1953 года в Цюрихе в один из туров были удивлены необычайным поведением фоторепортера. С аппаратом в руках он все время залезал под столики, за которыми играли шахматисты. Разгадка наступила через неделю, когда в одном из популярных швейцарских журналов появился репортаж под названием «Что делают ноги, когда думает голова?»

Рисунки А. БАЛДИНА.

БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ

Первые шаги

Мы уже познакомились с ходами всех фигур на свободной доске. Однако во время игры таких открытых путей бывает сравнительно немного, особенно в начале игры — препятствия создают и свои, и чужие фигуры. Если на пути короля, ферзя, ладьи, слона или пешки расположилась какая-то своя фигура или пешка, то она полностью закрывает маршрут в этом направлении «красным светом». А вот конь, напротив, не боится никаких преград — он может лихо перескочить через любой барьер. Поставьте, например, на доске начальную позицию, здесь только кони могут войти в игру сразу, остальные фигуры пока неподвижны — они ограничены собственными пешками.

Преграды неприятельского цвета могут быть уничтожены и сняты с доски. В этом случае на место фигуры противника ставится своя, бьющая фигура. Это все производится за один ход. В отличие от шашек взятие неприятельской фигуры зависит только от желания играющего — оно не является обязательным.

Шах и мат

Король — единственная фигура, которую нельзя ставить под удар. В случае нападения он должен быть немедленно защищен. Атака на короля называется шахом (в шахматной нотации, то есть записи, знак «+»).

Существуют три возможных способа защиты от шаха: а) отступление королем, б) уничтожение атакующей фигуры, в) перекрытие линии атакующей фигуры (правда, таким способом нельзя защититься от нападения коня).

Шах, от которого нет защиты, называется матом. Он обозначается знаком умножения «Х». В таком случае достигнута главная

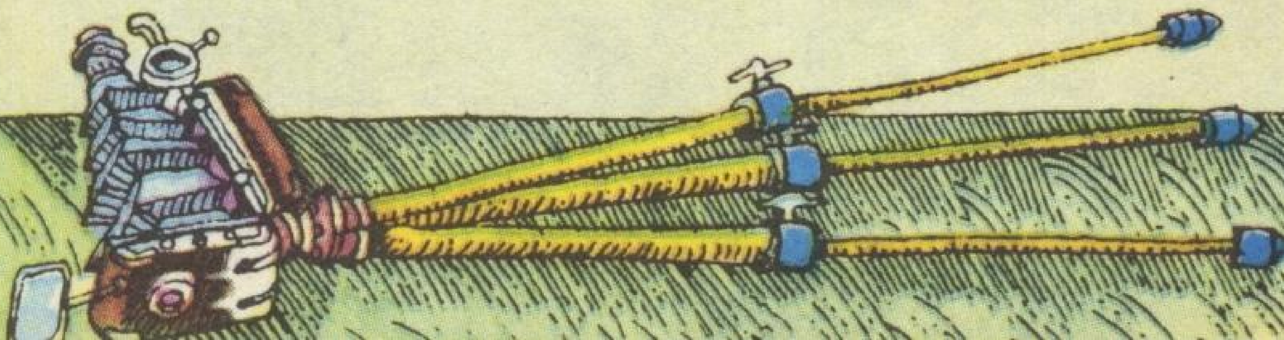

Диаграмма 1

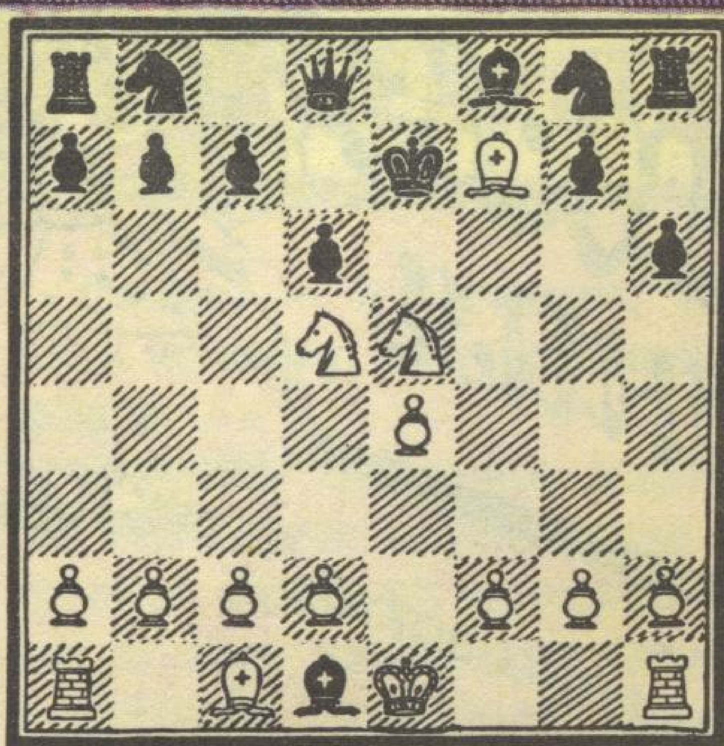

Диаграмма 2

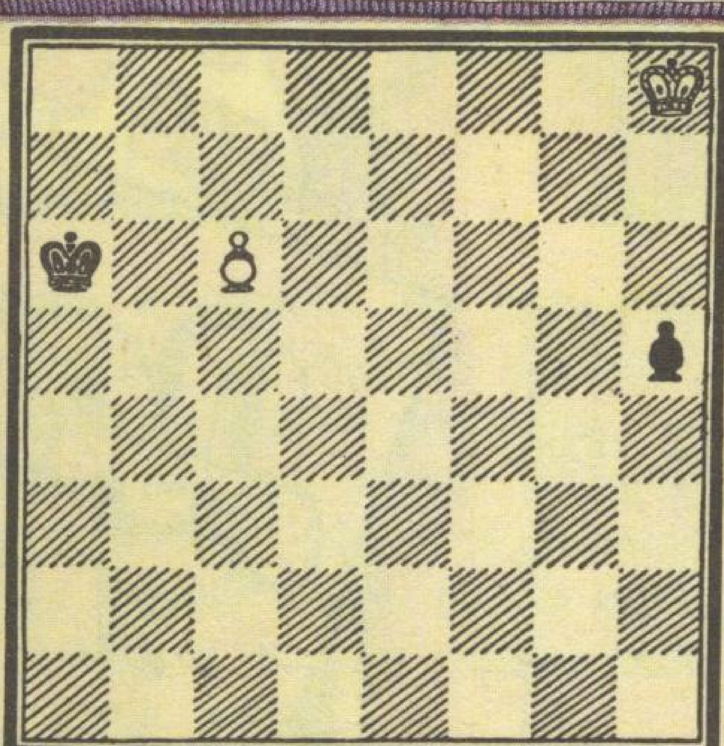
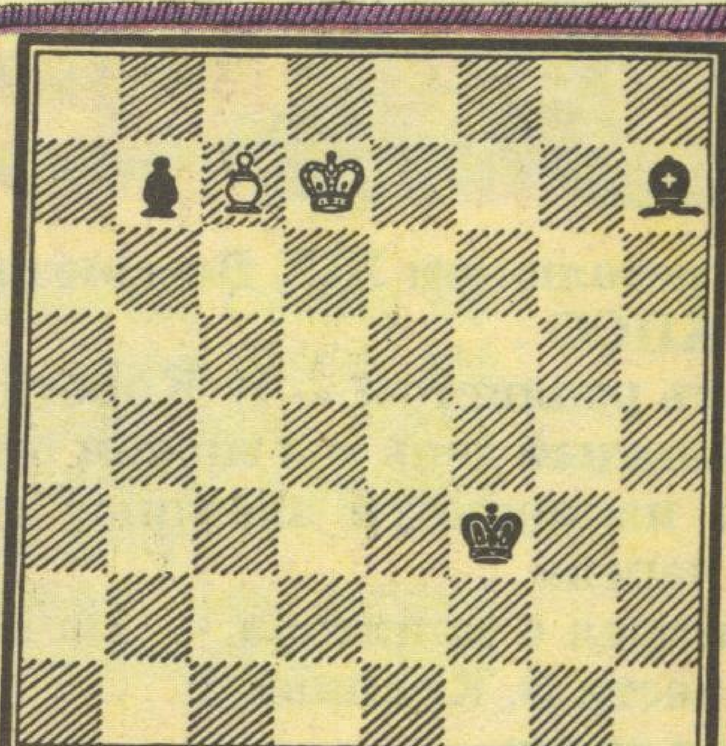

Диаграмма 3

цель борьбы, и партия закончена победой стороны, объявившей мат.

Познакомьтесь с одним старинным примером, который известен свыше двухсот лет.

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 d7—d6
3. Cf1—c4 h7—h6
4. Kb1—c3 Cc8—g4
5. Kf3:e5 Cg4:d1
6. Cc4:f7+ Kpe8—e7
7. Kc3—d5H.

Эту партию можно записать и краткой нотацией, где обозначают не только то поле, куда пошла фигура или пешка:

1. e4 e5 2. Kf3 d6 3. Cc4h6 4. Kc3 Cg4 5. K:e5 C:d1 6. C:f7+ Kpe7 7. Kd5H.

Посмотрите повнимательнее на заключительную позицию этой эффектной партии.

ДИАГРАММА 1

Король черных под ударом, причем ни одного способа защиты у них нет. Следовательно, белые выиграли.

Изучив поединок, можно заметить, что любая из фигур, кроме короля, может покинуть поле сражения. Далее, для достижения мата можно пойти на любые жертвы фигур и пешек (в нашей партии белые пожертвовали «самого» ферзя). И наконец, для будущего полезно отметить, что шахматные короли не любят находиться в центре доски и в центре событий...

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Всем известна поговорка: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Однако почти каждое правило имеет любопытное исключение.

ДИАГРАММА 2

Перед нами знаменитый этюд известного чешского гроссмейстера и шахматного композитора Рихарда Рети. Когда в 1921 году этот этюд был впервые опубликован, он произвел настоящую сенсацию. Задание «Белые начинают и делают ничью» казалось шуткой. Действительно, белый король безнадежно отстал от черной пешки, в то время как его черный коллега неприятельскую пешку задерживает легко.

Если белый король погонится за черной пешкой (черным зайцем) по линии «h» — 1. Kph7 h4 и т. д., его путешествие закончится печально. Если же белый король бросится за другим зайцем — отправится на помощь белой пешке, скажем, по восьмой горизонтали, то вскоре выяснится (в этом легко убедиться может каждый), что и этот маршрут неутешителен. Следовательно, отправим короля в поход сразу за двумя зайцами.

1. Kg7 Kpb6 2. Kpf6 h4 3. Kpe5 h3. Ясно теперь, что черную пешку уже не догнать, однако это уже и не нужно.

4. Kpd6h2 5. c7 Kpb7 6. Kpd7. Ничья.

И в других вариантах белые спасаются: 1 ...h4 2. Kpf6 Kpb6 (2... h3 3. Kpe6) 3. Kpe5.

А теперь наша погоня.

ДИАГРАММА 3

И здесь дела белых на первый взгляд кажутся безнадежными. Подумайте, как найти спасение — белые начинают и делают ничью. Задание весьма трудное. Поэтому небольшая подсказка: прежде чем погнаться за двумя зайцами, надо сначала выгнать одного из них в «чистое поле».

ПОДУМАЙ И РЕШИ

Проверьте свои ответы («Пионер» № 4).

Диаграмма 3. Белые: Kpe2, Фс3, С6, Ke1, п. c2; черные: Kpg1, Фа8, Cf8, пп. b5, e3, g2, h2. Мат в три хода.

Главный и самый красивый вариант: 1. Фh8 h1Ф 2. Фа1 Фh5+ (или 2... Ф:а1) 3. Kf3H.

Диаграмма 4. Белые: Kpf8, Лh4, Kf3; черные: Kph8, Kg8, п. h7. Мат в три хода.

1. Лh6 K:h6 2. Kg5 и 3. Kf7x, 1... Kf6 2. Л:f6, 1... Ke7 2. Kf4 Kg6+ 3. K:g6x.

Содержание

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.08.88.
Подписано к печати 19.08.88. А 01871. Формат 60×84⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 2895.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

— Винни, отгадай загадку!— Колобок смотрел на Пуха хитро-хитро.— Слушай: кругленькое, с глазками...

— Знаю-знаю!— перебил его Винни.— Это ты: кругленький, с глазками. Простая загадка.

— А вот и нет!— обрадованно захихикал Колобок.— ЭТО ты очень любишь.

— Разве я тебя не люблю?!— возмутился Винни-Пух.

— Любишь есть,— уточнил Колобок.

— Мед?— неуверенно произнес медвежонок.— Кругленький, с глазками?.. М-да, загадка...

— Да это же картошка!— не выдержал Колобок.— Посмотри сам — вот они, ровные, круглые картофелины.

— А где же глазки?

— Не гла́зки, а глазки́! Они появятся, если картошка будет долго лежать в теплом непроветриваемом помещении. Тогда картошка станет уже не такой вкусной, как сейчас, осенью. Но все равно из нее можно будет приготовить те блюда, о которых я сейчас расскажу.

— О чем ты, Колобок?— спросил Винни-Пух. — Картошка бывает жареная, вареная и в супе.

— А вот и нет! Из картошки можно чуть ли не сотню блюд приготовить. А я расскажу о трех.

1 КАРТОШКА С СЕКРЕТОМ

Секрет — в начинке. Как делать начинку, сейчас станет известно.

Вначале отбираем картофелины примерно одинаковые по величине. Сколько их взять — зависит от того, какой противень у вас в духовке. Тщательно моем клубни под холодной водой, скребем их щеткой, а затем каждую картофелину промокаем бумажным полотенцем или салфеткой. С помощью вилки 3—4 раза прокалываем картофелины с разных сторон и на противне ставим в разогретую загодя духовку. Печься картошка будет примерно 1 час.

За это время делаем начинку. На крупной терке натираем сыр. Берем цветную капусту, моем ее, отрезаем самые верхушки и бросаем их в кастрюлю с водой. Добавляем соли, закрываем крышкой и варим. Вначале надо сделать большой огонь и довести капусту до кипения. Потом огонь уменьшить и варить до тех пор, пока капуста не станет мягкой. Это не займет много времени.

Далее капусту надо вынуть и положить на 5 минут в холодную воду. Затем слить через дуршлаг... Следите за тем, чтобы вся лишняя вода ушла.

Примерно через час надо проверить, как ведет себя картошка в духовке. Если она легко протыкается вилкой до середины, значит, ее можно вынимать. Если нет — надо подождать еще минут 15.

Вынимаем противень из духовки, ставим его на специальную подставку. Левой рукой в кухонной варежке держим картофелину, а правой как бы взрезаем ее сверху вилкой. Картошка разваливается на две части, но не до конца, а только вверху. В этот «развал» надо положить немножко сливочного масла, капельку горчицы и несколько чайных ложек цветной капусты. Сверху посыпать тертым сыром. Когда все картошки начинены, надо поставить противень обратно в духовку примерно на 10 минут.

Через 10 минут еда готова. Надо только подождать, пока остынет.

— Кстати,— продолжил Колобок,— позволю себе заметить, что древние жители Перу картошкой измеряли время.

— Не может этого быть!— заметил скептик Матроскин, подошедший к Колобку и Винни-Пуху.

— Не знаешь — не выступай!— строго сказал Колобок.— Инки знали толк во времени и картошке. Единицей времени у них считалась продолжительность печения картошки!

— Кстати, о печеной картошке,— заметил Матроскин.— А можно ли без костра делать ее?

— Конечно!— заверил его Колобок.— И это очень просто.

2 КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Картошку помыть, почистить и разрезать на тонкие ломтики. Ломтики посолить и положить на противень. Для сочности необходим какой-нибудь жир: куриный, свиной, можно использовать маргарин. Мелкие кусочки жира разбросать по подносу и добавить немножко воды.

Минут через 20—25 надо осторожно вытянуть противень из духовки и перевернуть ломтики широким ножом. По необходимости добавить жира и воды. Еще минут через 20 картошка будет готова.

Послушать «вкусные» разговоры пришел и Домовенок. Тем более, что он слышал про пирожное «картошку».

— Оно действительно из картошки?— спросил Домовенок у эксперта по кулинарии. Чем, конечно, вызвал у того улыбку.

— Нет. Пирожное готовится из муки, яиц, масла, какао. Просто оно получается темное и формой напоминает картофелину. А я сегодня рассказываю только о настоящей, неподдельной картошке.

3 О-ЛЯ-ЛЯ, КАКИЕ ОЛАДУШКИ!

Вначале надо почистить картошку и положить ее в миску с холодной водой. Взять одну луковицу, очистить ее и натереть на крупной терке. Добавить к луковице два яйца, четверть средней чашки муки, две чайные ложки соли, чуточку перца и все это тщательно перемешать.

Затем натереть картошку на средней терке, предварительно вытерев ее салфеткой или полотенцем. Будьте осторожны, чтобы не поранить руки.

Когда вся картошка натерта, надо отжать из нее воду ложкой, а затем смешать с мукой, яйцами и т. д.

На хорошо разогретую сковородку налить растительного масла и, выждав еще несколько минут, опустить туда ложкой приготовленную смесь. Не бойтесь, что оладьи получатся не всегда одинакового размера. Главное, они будут очень вкусными. Когда поджарится одна сторона, перевернуть на другую. И — набраться терпения, чтобы не хватать горячие оладушки.

Оладьи можно полить вареньем, джемом или сладким соусом.

— Колобок, ты нас совсем замучил!— воскликнул Винни-Пух.— Слюнки текут, так вкусно ты рассказываешь. А может быть, приготовишь что-нибудь из картошечки?

— С удовольствием!— Колобок кивнул и отправился на кухню.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

71-1-59

Викторина

дить любимого учителя «в дальний путь на долгие года». За этот мужественный поступок началось гонение на учеников класса, на администрацию школы. Последовали новые аресты».

У вас не запершило в горле от этих свидетельств? Вот как было в жизни. Вот что мы все обязаны записать и выслушать от наших с вами современников. Пока еще современников. И каждый день мы можем опоздать.

Но, к сожалению, эти отрывки не из ваших ответов на нашу викторину-поиск. Они взяты мною из толстых взрослых журналов. Взяты буквально наугад. Для чего? Для того чтобы вы поняли, ЧТО они могли вам рассказать. И ЧТО вы пропустили или не захотели услышать. И не надо обладать писательским даром. Надо просто уметь понимать. И не смотреть на мир равнодушным взглядом.

Для чего мы объявили викторину? Чтобы вы нашли в книжках ответы на вопросы? Но вы заметили, что я абсолютно ничего не говорю о них? Да практически все, кто прислал нам письма, правильно ответили на наши вопросы. И если бы у нас была просто викторина, нам пришлось бы выбрать самые подробные и аккуратные ответы, а затем наградить победителей. Но у нас викторина-поиск. Главная наша задача в том, чтобы вы соприкоснулись с историей не книжной, но живой. Чтобы ваша душа поняла чужую душу. Чтобы слова «связь времен» не ощущались вами лишь как красивая метафора.

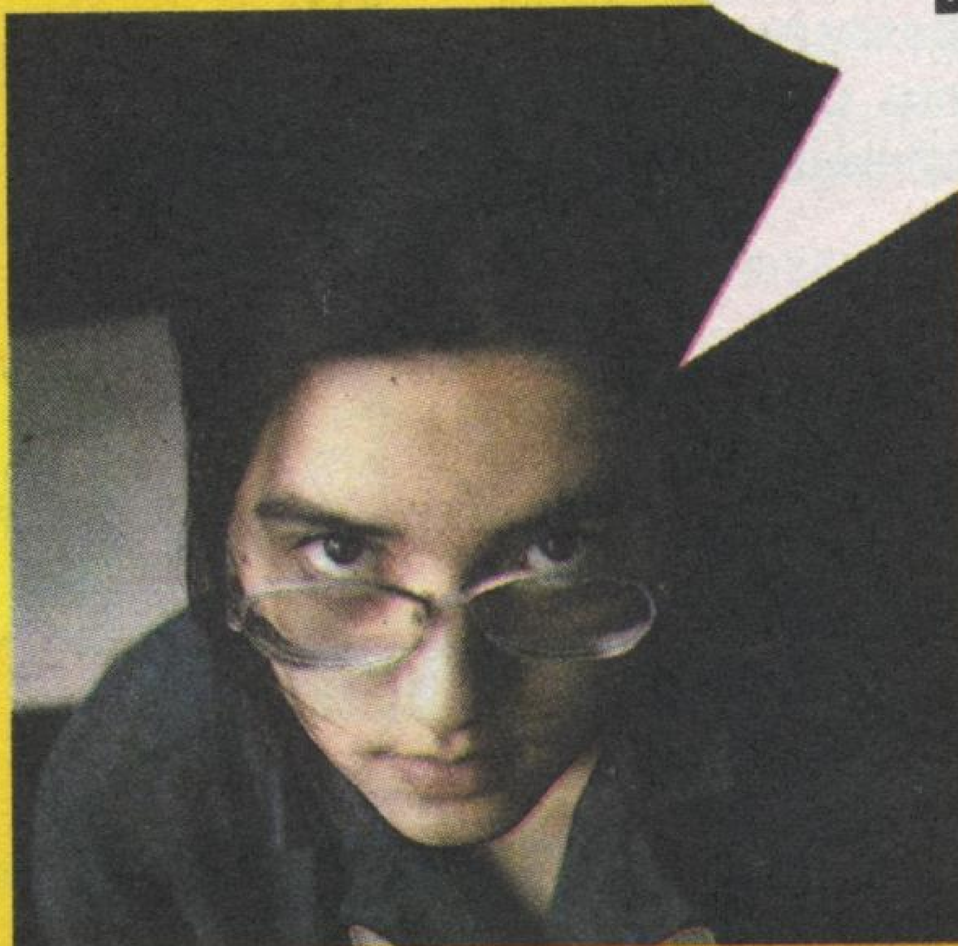
А для чего вы писали нам ответы и оформляли альбомы? Для этих же целей? Или потому, что впереди светила возможность попасть в «Артек»?

Задумайтесь над этими вопросами положа руку на сердце и ответьте себе честно. Я на них отвечать не буду. Думаю, на меня многие и так обиделись: не оценили их труд. Мы бы оценили. Но нам хочется, чтобы трудились у вас не только руки и голова, но и душа.

И такие, у которых душа трудилась, к счастью, были. Мало, но были.

Вчитайтесь, пожалуйста, в эти строки!

«Здравствуйте! Пишет вам Иванова Валентина. Мне 13 лет. Не знаю, успеет ли дойти альбом, но все равно посылаю, жалко, если труд зря пропадет. Почти все, что написано в этом альбоме, это, если можно так сказать, «отчетная» сторона. Вот так, читая и не поймешь сразу, кто они такие — комсомольцы прошлых лет. Ведь за этими строками стоит жизнь, трудная жизнь. Об этом пишут, но... не так. Ведь сразу как-то не верится, что ту же Ефросинью Михайловну, о которой я пишу, выгнала из дома мачеха, когда та вступила в пионеры. А условия жилищные... Живут они вдвоем

КНИГА ЕЩЕ НЕ НАПИСАНА. ЭТО ПРЕДСТОИТ ДЕЛАТЬ НАМ, ВСЕМ ВМЕСТЕ.

в маленькой комнатушке: Ефросинья Михайловна да ее пожилая дочь. Дочь уже год с постели не встает, да и сама Ефросинья Михайловна часто болеет, хорошо еще, что хоть соседи хорошие, помогают. Рядом школа № 47: у них образцовый пионерский отряд, Ефросинья Михайловна их подшефный ветеран. Не знаю, ходят ребята к ней или нет, но, по-видимому, нет. А нам с другого конца города часто не поездишь...»

Дорого стоят и воспоминания Александры Ивановны Голоколосовой, записанные Наташей Луковской из Ворошиловграда. Вот только совсем маленький отрывок из них: **«Кировабад принимал эшелоны раненых с фронта. Девушки-студентки разгружали эти эшелоны, обмывали раненых, перевязывали раны, давали свою кровь. Восемь с половиной литров крови дала Шурочка раненым бойцам. Кровь давали и в эшелонах, и в госпиталях. Каждая знала свою группу крови. А получали девушки 400 граммов черного хлеба и после ночного дежурства шли в институт...»**

А Альберт Чернуха из города Стаханов рассказал нам о геройски погибшем в 1986 году военном моряке Василии Бондаренко. Но важен не только рассказ, важна его концовка: **«Единственное, что осталось у Васиной мамы, Любови Кирилловны,— это память о сыне. Этим и живет... Но, может быть, ей будет не так одиноко, если почтальон каждый день будет приносить ей письма. Письма от нас с вами. Давайте ей писать. Вот ее адрес: 329209, Николаевская область, Николаевский район, с. Зеленый Яр, Бондаренко Л. К.».**

Кто скажет, что Валя, Наташа и Альберт писали это лишь ради путевок в «Артек»? Нет, не желание наград двигало их перьями. Тут боль за человека. Сострадание.

И потому Валентина Иванова, Наталья Луковская и Альберт Чернуха поедут в «Артек»!

Есть еще призы и почетные грамоты «Пионера». Их получат Илона Малеваник и Александра Сергеева из Сухуми, члены топонимического кружка из школы № 14 г. Обнинска, Лена Гамаюнова из Херсона, Наташа Макарова из Каунаса, группа «Поиск» Медведихинской школы Рамешковского района Калининской области, Таня Самохвалова из города Мариинский Посад, Ася Теблоева и Моника Оганова из города Цхинвали, Оксана Лузан из Белоярска Алтайского края, Алмат Сапарбаев из села Кошмамбет Алма-Атинской области.

Именно в их работах жюри увидело боль и радость за тех, кто живет с ними рядом.

А остальным мы советуем не обижаться на нас, а задуматься!

Книга о комсомоле, та, которая замысливалась, еще не написана. И вы еще можете стать ее авторами. Но лишь тогда, когда начнется работа вашей души. И мы верим в вас!

По поручению жюри викторины-поиска «Нас водила молодость»
Николай ВИКТОРОВ.

Цена 30 коп. Индекс 70694.